

Ф. БРОУДИ

УБИТЬ

ДО ЗАКАТА

чай, кофе
и убийства

Annotation

Гарриет и Остин, принеся отцу обед на работу, обнаружили его мертвым – и в страхе убежали. Однако когда подоспела помощь взрослых, тело исчезло... Что же на самом деле произошло?

Поначалу полиция не верит детям и считает, что их отец Этан просто сбежал, бросив семью. Однако жена Этана не согласна с этой версией и решает обратиться за помощью к частному детективу Кейт Шеклтон.

Кейт принимается за расследование – и, распутывая дело, узнает, к своему удивлению, немало опасных тайн из истории собственной семьи...

- [Фрэнсис Броуди](#)
 -
 -
 -
 - [Суббота](#)
 - [Пролог](#)
 - [Понедельник](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Вторник](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Среда](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Четверг](#)
 - [Пятница](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Суббота](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Воскресенье](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Понедельник](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарность](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Фрэнсис Броуди

Убить до заката

Frances Brody

MURDER IN THE AFTERNOON

Печатается с разрешения литературных агентств David Luxton Associates Ltd. и The Van Lear Agency LLC.

© Frances McNeil, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Читая Фрэнсис Боуди, невозможно отделаться от ощущения, что перед тобой одно из лучших произведений «золотого века английского детектива».

«*The Daily Mail*»

Великолепные детективные романы Фрэнсис Боуди буквально переносят читателя в Англию 1920 годов.

«*RT Book Reviews*»

Из расследований Кейт Шеклтон

Моей юной помощнице Эми Софи Макнейл

Суббота
12 мая 1923 года
Грейт-Эплвик

*Соломон Гранди
В понедельник родился,
Во вторник крестился,
В среду женился,
В четверг простудился,
В пятницу – хуже стало,
В субботу долго жить приказал он,
В воскресенье – его закопали,
Вот и конец Соломона Гранди.*

Старинный стишок

Пролог

Гарриет держала в худых ручонках накрытую тканью миску, чувствуя ее тепло. Девочка шагала вместе с братишкой Остином по плотно утоптанной тропинке, идущей от длинной полосы их огорода на Нижнем конце.

Мамы дома не было. Она побежала на Таун-стрит за дешевыми сигаретами, о которых Гарриет нечаянно забыла, когда ходила с Остином за субботними покупками. Маме хотелось бы перебраться в новый дом. Ей до смерти надоело жить на задах, за чертой деревни.

Тропинка тянулась через луг, пестревший первоцветами, лютиками и маргаритками. Вдали на церкви пробило пять часов.

Остин дунул на созревший одуванчик.

– Часы не работают. Этот одуванчик говорит, что сейчас три часа.

Никогда не лезшая в карман за словом Гарриет вздохнула в ответ на эти детские заявления.

– У одуванчиковых часов по субботам выходной. Они состоят в профсоюзе одуванчиковых часов.

Брат всегда ей верил, каждому ее слову.

– Почему папа все еще на работе?

– Ему нужно закончить особый заказ.

– Солнечные часы?

– Да.

Когда они добрались до ступенек перехода через изгородь, Гарриет отдала брату миску – подержать, пока сама она поднимется на верхнюю ступеньку, потом забрала посудину и спустилась с другой стороны. Часть овец Конроя паслась здесь вместе с молоденькими ягнятами. Одна овечка по кличке Мэри дала бы себя погладить, потому что выросла ручной, но сегодня Мэри не обратила на них никакого внимания, занятая своим ягненком. В школьном сочинении Гарриет написала: «Мое любимое время года – осень». Но, возможно, надо было написать – весна, или лето, или даже зима.

На полпути через поле темное облако заслонило солнце, погрузив мир во мрак. В кусте боярышника поднял суету дрозд, жалуясь на пыль, от которой белели листья.

Сюда уже доносился запах карьера – камень и пыль. Никого из рабочих там не будет, только папа. В это время в субботу никаких тебе

оглушительных взрывов. Не будет пыхтеть дробильная машина, готовая проглотить детей и перемолоть их кости. Остин еле переставлял ноги.

– А так ты можешь? – Гарриет защелкала языком, изображая конский топот.

Мальчик попытался.

В молчании, подгоняемые восточным ветром, они спустились вниз, ко входу в карьер. Он рос на глазах, как вывернутое наизнанку чудовище, становясь все больше и больше – голодные челюсти готовы схватить тебя и превратить в камень. «Не входить!» – предупреждала табличка.

Дорожка шла то вниз, то вверх – тут лужи, там камни. На дальнем крутом склоне безнадежно цеплялось за край взорванной скалы деревце. Рядом с ним возвышалась новая гора из упавших камней.

Дети пошли по неровной дорожке мимо хибары бригадира и большой вагонетки, которая перекрывала вид, если подойти к ней слишком близко. За вагонеткой начиналась пустота, темные очертания лачужек и дальних склонов.

Упала первая капля дождя.

Под прикрытием вагонетки Гарриет сунула пальцы в рот и свистнула, один раз длинно, один – коротко, условным сигналом. Если папа ее услышит, им не нужно будет проходить мимо пустых навесов, где играли в прятки гоблины.

На ее свист отозвалось только эхо.

– Мне это не нравится. – Остин сжал руку сестры маленькой горячей ладошкой. – Посвисти еще раз.

Девочка свистнула.

В будний день или в субботу утром тут были бы горластые рабочие, они бы крикнули Этану, что его ребяташки здесь.

Никакого ответа. Когда папа работал, он отгораживался от окружающего мира. Не слышал ничего и никого. Так говорила мама.

– Свисти громче, – заныл Остин.

– Не пугайся. Гоблинов здесь нет.

– Где же они?

– По субботам они уходят в Йидон. Идем.

По наклонному, неровному спуску пришлось почти бежать, глядя под ноги, не обращая внимания на навес, под которым стояла дробилка, на возвышающийся кран, на шлифовальный и распилочный сарай. Нигде тень человека так не удлиняется, как в карьере. Толкнув Остину, чтобы тот не ступил в лужу, Гарриет сама угодила в другую. Ну вот! Теперь башмаки промокнули насквозь.

Рядом с папиной хибаркой каменотеса сияли великолепиям солнечных часы из синего сланца. Остин потрогал их. Провел ладошкой по линиям на циферблате, словно камень мог через кожу поведать ему свою историю.

Гарриет поставила миску с едой на часы.

– Обожди здесь.

Впоследствии она не могла сказать, почему вошла в хибарку. Сначала она увидела отцовские ботинки, их носки смотрели в волнистую железную крышу.

С чего это папа лежит?

С головой у Гарриет случилось что-то странное, словно она собиралась оторваться и полететь, как воздушный шарик. У девочки перехватило дыхание. От карьерной пыли пересохло во рту. С коленями творилось что-то непонятное. По коже побежали мурашки. Она вспомнила случай, когда старый мистер Боумен лежал на дороге за «Руном» и повозка зеленщика объезжала его стороной.

Гарриет упала на колени.

Рука у папы холодная. Лицо повернуто в сторону от Гарриет. Щека была не такой холодной. Волосы растрепаны. Она сделала то, что делала иногда: причесала волосы отца пятерней, пригладила их. От прикосновения к волосам на руке осталось что-то влажное. Кожа и волосы отца пахли одинаково, но не так, как обычно. Девочка взяла отцовскую кепку, но та не хотела надеваться на папину голову, словно она ей разонравилась, стала незнакомой. Гарриет положила кепку на скамью, но кепка соскользнула.

Откуда-то издали доносилось испуганное нытье Остина. Оттолкнувшись от скамейки, чтобы удержаться на ногах, Гарриет поднялась, торопливо подбежала к брату и крепко прижала к себе.

– Что случилось? – спросил он тоненьким плачущим голосом.

– Просто... – начала она. – Пойдем...

– Нет!

Гарриет крепко взяла брата за плечи и развернула в сторону дома. Мальчик не хотел или не мог сдвинуться с места.

– Закрой глаза, Остин. Зажмурься хорошенько, и я проведу тебя через сказочную страну.

Он повиновался, позволив увлечь себя в мир грез. Гарриет вела его через бугры и впадины, рассказывая о стоявшем слева пряничном домике, украшенном леденцами. Нет, это не дождь. Волшебный фонтан выплескивает одуванчики и лопухи.

А себе она говорила, что влага на ее руке – малиновый щербет, а не кровь.

Но деревенские дети понимают, когда перед ними мертвое тело.

Понедельник
«Нетопырь-лодж», Хедингли

*Всё в свой черед – и время, и удача,
На смену злу – добро, и горе – после счастья.*

Роберт Саутвелл

Глава 1

Железнодорожный вагон накренился, я полетела вперед. Когда вагон опрокинулся, засверкали молнии. Ахнув, я попыталась за что-нибудь ухватиться и проснулась. Открыв глаза, я обнаружила, что лежу в постели: путешествие с вокзала Кингс-Кросс до Лидса завершилось несколько часов назад – и завершилось благополучно.

Разбудил же меня настойчивый, громкий стук в парадную дверь. Поскольку моя комната находится в задней части дома, обращенной к лесу, вызывавший меня из сна человек колотил дверным молотком так, словно хотел сообщить, что дом горит.

Часы на прикроватном столике показывали четыре часа утра. Соуки соорудила себе подушку из моего домашнего халата и не выразила восторга, когда я выдернула его: неслыханное обращение с кошкой в ее деликатном положении.

Внизу у лестницы я ударилась большим пальцем ноги о чемодан, который поставил там прошлым вечером водитель такси. Я включила свет.

Повернув в замке ключ и открыв дверь, я всматривалась во тьму, ожидая некоего посланника судьбы.

В тени крыльца стояла женщина в накидке с капюшоном.

– Миссис Шеклтон? – Она чуть задыхалась, как будто нервничала или спешила.

Какая ненормальная покинет среди ночи дом и побежит по улицам под проливным дождем?

– Да. Я миссис Шеклтон.

– Мне необходимо с вами поговорить.

Я помедлила, не открывая дверь пошире, и она добавила:

– У меня пропал муж.

Меня затошнило от усталости.

– Вам лучше обратиться в полицию. У них по ночам дежурят детективы.

Фырканием, похожим то ли на смех, то ли на стон, незнакомка отмела мое предложение.

– В полицию? Я пыталась. От них никакого проку.

Похоже, моя гостья не имела представления, который сейчас час, и даже не извинилась за беспокойство. На улице завывал северный ветер, стреляя, как пулями, горизонтально летящими каплями дождя.

Прикинув, что человек – потенциальный преступник – не станет колотить в дверь так, чтобы разбудить половину Хедингли, я, повозившись, сняла дверную цепочку. Когда свет из прихожей упал на лицо незваной гостьи, она показалась мне очень молодой и бледной, как луна.

Не дожидаясь приглашения, женщина шагнула в дом, и на коврик с нее потекла дождевая вода.

Я захлопнула дверь.

– Дайте мне вашу накидку.

Женщина расстегнула крючок и сняла клетчатую накидку, с которой на натертый до блеска деревянный пол уже натекла лужа.

– Спасибо. – Ее губы были бледными, однако на щеках горели два неестественно ярких пятна. Возможно, она больна туберкулезом. Видно было, как на шее бьется жилка. – Я забыла зонтик в поезде. Я успела на поезд, который развозит молоко. От станции в Хедингли я бежала бегом.

Я повесила накидку на стойку лестничных перил и снова ушибла палец о чемодан.

– Проходите, пожалуйста, миссис...

– Армстронг. Мэри Джейн Армстронг.

Столовая служит мне и конторой, но в течение недели, с моего отъезда в Лондон, огонь здесь не разжигали. Я провела гостью на кухню.

– Сюда, пожалуйста. Огонь уже погас, но здесь будет теплее. – Она последовала за мной. Я подала ей полотенце. – Обсушитесь немного. – Женщина двигалась как существо, которое вышло из моря и вскоре вернется к Нептуну.

– Да нестрашно, что я промокла. – Она все же вытерла волосы, которые влажными волнистыми прядями повисли за ушами. Ее накидка с капюшоном не слишком-то защищала от потопы.

На вид гостье было лет тридцать пять или немногим больше, рост пять футов четыре дюйма, пухлая и миловидная, с чистой белой кожей и густыми каштаново-рыжими волосами, собранными на макушке и закрепленными черепаховыми гребнями и шпильками. Судя по всему, изначально прическа была аккуратной, но теперь волнистые пряди выбились из гребней. Часть волос рассыпалась по плечам, потому что выпали шпильки. Одежду женщины составляли юбка бутылочно-зеленого цвета, до середины икры, и белая блузка. На шее на короткой цепочке висел медальон. Туфли были так хорошо начищены, что вода просто стекала с кожи.

Я выдвинула для гостьи стул и, давая ей время прийти в себя, пошла в столовую.

Кто она и что привело ее сюда в такой час? Что-то в ней показалось очень знакомым. Она кого-то мне напоминала, и я не могла понять, кого же.

Я достала из буфета графин и пузатую бутылку бренди. В кухне я налила бренди в стакан.

– Вот. Выпейте это. Судя по всему, вам это не помешает, а потом вы сможете рассказать, что привело вас сюда.

Гостья обхватила стакан обеими руками и внимательно в него посмотрела, как будто янтарная жидкость превратилась в хрустальный шар, в котором ясно предстало будущее. Затем женщина посмотрела на меня глазами, такими же каштаново-рыжими, как и ее волосы. Взгляд у нее был очень пристальным, словно в моих глазах она видела то, чего не нашла в стакане бренди.

Откуда же я ее знаю?

Впечатление улетучилось, когда она, зажмурившись, понюхала бренди и одним глотком опрокинула его в себя. Закашлялась и стала давиться, говоря между приступами кашля:

– Ах ты, я-то подумала, что это имбирный эль. Что это? Так горло дерет.

– Бренди. Это бренди.

– Надо было предупредить. Я выпью еще, помедленнее.

Я налила ей в бокал на палец бренди из графина.

– Пейте маленькими глоточками. Осторожно. – Из Лондона я вернулась немного уставшей, но теперь усталость исчезла. Я ободряюще произнесла: – Расскажите-ка мне, что вас сюда привело.

Гостья так сильно сжала стакан, что я испугалась, как бы он не треснул.

– Как я сказала, у меня пропал муж. – Миссис Армстронг говорила монотонно и устало. – Я не знаю, жив он или мертв. О вас я подумала, потому что... ну, я слышала, что вы находите людей. – Она глотнула еще бренди, а затем потеряла к нему интерес и, поставив, оттолкнула стакан.

– Как зовут вашего мужа?

– Этан. Этан Армстронг.

Она сцепила руки, сложив их у самого живота и крутя большими пальцами, только так и проявляя возбуждение. И все же было в этом возбуждении что-то настолько осязаемое, что у меня засосало под ложечкой.

Мэри Джейн слегка наклонила голову набок:

– Я когда-то вас знала.

– О? Мы встречались раньше?

Она улыбнулась и покачала головой:

– Нет, не встречались, не совсем так.

Может, в конце концов, она все же сумасшедшая? Квартира моей экономки примыкала к дому. Мне стоило только позвонить в колокольчик – подать сигнал тревоги.

Успокойся, сказала я себе. Эта женщина расстроена. Она сама не знает, что говорит.

– Что вы имеете в виду?

– Вы бы не вспомнили.

Нет ничего более раздражающего, чем человек, который не хочет выкладывать самые простые сведения. У меня хорошая память на лица, а в этой женщине было что-то знакомое, однако же я не могла определить, где и когда с ней виделась.

– Это было во время войны?

– Можно и так сказать. В любом случае, давно. – Она пренебрежительно отмахнулась, словно то, где и когда наши дорожки пересекались, не имело значения.

– Вы приехали издалека?

– Из Грейт-Эпплвика.

Я покачала головой:

– Не могу сказать, что знаю это место.

– Никто не знает. Для этого оно слишком мало. Это рядом с Гизли.

– Ах да. – Я вспомнила свои поездки в Гизли во время войны, маленький городок, раскинувшийся в ширину чуть больше чем на милю, с главной улицей и ратушей, отданной под госпиталь. – Мы с вами в госпитале встречались?

Мэри Джейн посмотрела на свои руки.

– Могло и так быть. Да, именно так. – Когда люди лгут, их выдают всевозможные мелочи. Она сменила тему: – Не дадите ли мне воды?

Я отодвинула стул, но она уже была на ногах, у раковины, поворачивая кран, набирала в чашку воды.

Какой же наглостью обладала эта женщина, напросившись в гости посреди ночи, намекая, что знает меня, а теперь уже устроившись как у себя дома. Но, возможно, ее история настолько ужасна, что она хочет подойти к ней не спеша?

Держа чашку обеими руками, она отпила глоток.

– Хотела бы я, чтобы у нас в доме имелся водопровод. Считается, что я должна быть счастлива, имея колодец в саду.

Взять на заметку: первое, о чем упомянула миссис Армстронг, был

колодец. Жалоба на условия жизни или важная улика? Возможно, она убила своего мужа и сбросила его в колодец. Сколько это протянется, стала гадать я, и что же мне с ней делать?

– Итак, миссис Армстронг...

– Мне не нравится, что вы называете меня миссис Армстронг. Я – Мэри Джейн.

– Очень хорошо. – Если она думает, что я разрешу ей называть меня Кейт, то ошибается. – Позвольте мне, Мэри Джейн, кое-что записать.

Вверху страницы я написала:

Мэри Джейн Армстронг – понедельник, 14 мая 1923 года,
4.30 утра.

Пропавший: Этан Армстронг, муж.

– И ваш адрес?

– Коттедж каменотеса на Нижнем конце в Грейт-Эпплвике.

– Скажите мне, когда вы последний раз видели Этана.

– Он ушел на работу в субботу, как обычно. Этан – каменщик. Работает в каменоломне Леджера. Работа заканчивается в час, но он остался один ради особого заказа. Он выступает за сокращение рабочего дня для работников каменоломни, а сам остается, когда все остальные заканчивают работу.

– Значит, он пошел на работу в субботу утром примерно в...

– В субботу они начинают в восемь, на неделе – в семь. В пять часов вечера дети понесли ему перекусить. Я-то заставила бы мужа проголодаться, чтобы желудок привел его домой.

Мэри Джейн прикрыла глаза и часто задышала. Она сделала несколько глубоких вдохов, а потом помолчала, словно подбираясь к главному, как к прыжку с разбега. Я ждала продолжения.

– Гарриет – это моя дочь – говорит, что он лежал в хибарке совершенно холодный. Этан не пошевелился, когда она его тронула. Гарриет уверена, что он был мертв. Вместо того чтобы бежать напрямик домой, ко мне, дочь решила пойти на ферму, которая ближе, но спешить из-за маленького брата не могла. Один из мужчин вернулся вместе с ней. – Мэри Джейн широко раскрыла глаза и выставила подбородок, будто ожидала возражений на свои дальнейшие слова. – Там не было и следа Этана. Карьер оказался пуст. Артур проводил мою дочь до дороги и отправил домой. Затем вернулся на ферму за Остином и принес малыша домой на плечах.

– Сколько детям лет? – Мне было интересно, подтвердит ли Остин рассказ Гарриет.

– Гарриет – десять лет, Остину – шесть.

– Остин видел отца?

Она покачала головой:

– Гарриет сказала, что оставила его сзади, не подпустила. – Мэри Джейн положила руки на стол. – Я побежала в каменоломню, как только Гарриет мне все рассказала. Этана нигде не нашли. С тех пор мы его не видели. Я с ума схожу от беспокойства.

– Гарриет могла ошибиться?

– На это-то я надеюсь и молюсь. Но я ей верю. Она правдивый ребенок, ее не проведешь. Сержант Шарп – наш деревенский полицейский – ей не поверил. Так прямо и дал понять. Сказал, что, дескать, мертвый человек не встает и не уходит. Но надо отдать сержанту должное, он заставил полдюжины рабочих, сидевших в «Руне», обыскать каменоломню с фонарями, потому что к тому времени стемнело. Они рады были помочь, ну, или часть из них. Этан такой человек, которого или любят, или ненавидят.

Мэри Джейн, во всяком случае, говорила о нем в настоящем времени. Возможно, Этан не лежал на дне колодца, если только его не бросил туда один из тех, кто его ненавидел.

– У вас есть фотография?

Из кармана юбки Мэри Джейн достала конверт. В нем лежала фотография, которую она подтолкнула ко мне через стол. На меня смотрел Этан Армстронг: широкое лицо, чисто выбрит, выражение лица серьезное. Он был в военной форме, на фуражке значок пехотинца.

– Снимали в семнадцатом году, значит, шесть лет назад, но эта у меня – самая лучшая.

– Какого он роста и телосложения?

– Пять футов и девять дюймов, волосы рыжеватые, сложен хорошо, крепкий парень. При его работе иначе нельзя.

– Возраст?

– Ему тридцать шесть, как и мне.

– По-прежнему без бороды и усов?

– Да.

– На чем вы сошлись с сержантом Шарпом после обыска карьера?

Мне хотелось узнать, не передал ли он описание в местные больницы.

– Я ему надоела, особенно когда упомянула, что в то утро мы немного повздорили. Он думает, что Этан разозлился и бросил меня и что Гарриет –

маленькая лгунья, которая ищет внимания. – Мэри Джейн повысила голос, словно ожидая, что я приму сторону полицейского сержанта и отмахнусь от ее страхов. – Я глаз не сомкнула. Не могу это вот так оставить.

Мне предстояло действовать осторожно. Этан Армстронг либо был убит, либо бросил жену.

– Кто его друзья? Есть кто-нибудь, кому он мог довериться или поехать навестить?

Спустя десять минут я выяснила, кому нравился Этан: его хороший друг Боб Конрой, на ферму которого и поспешила Гарриет; бывший ученик Этана Рэймонд, теперь уже самостоятельный каменщик; друзья по профсоюзу рабочих каменоломен и радикалы по всей Северной Англии, выступавшие за повышение заработной платы и улучшение условий труда рабочих. Это, по сути, нисколько поиск не сузило.

В числе ненавидевших его был бригадир рабочих этой каменоломни, который сорвал попытку Этана устроить на минувшей неделе забастовку.

– Мэри Джейн, вы говорите, что верите Гарриет, когда она описывает, как нашла тело отца, даже если сержант не верит?

Мэри Джейн глубоко вздохнула:

– Верю, или верила. Но теперь я начинаю думать, что Гарриет, должно быть, ошиблась. Никто из рабочих карьера ей не поверил. Я начала думать, что, наверное, ей что-то привиделось. – В порыве надежды ее голос зазвучал громче. – Боб тоже так думает.

– Боб Конрой, фермер?

– Да.

Однако Боба Конроя не оказалось дома, чтобы пойти вместе с Гарриет и обыскать каменоломню. Я мысленно пометила выяснить, где он был в субботу днем. Этот «хороший друг» вполне мог оказаться Брутом, нанесшим удар.

– Дальнейшие поиски вчера велись? Вы к кому-нибудь обращались?

Мэри Джейн покачала головой:

– Толком не искали, нет. Боб сказал, что Этан наверняка объявится. Он сообщил, что некоторые товарищи встречались в Хоксворт-Муре, это что-то вроде рабочего митинга. – На щеках Мэри Джейн снова проступили красные пятна. – Я говорила Этану, что мы жили бы лучше, если бы он расходовал свою энергию на семейный очаг. Боб сходил на пустошь, но сказал, что без Этана его там встретили не слишком-то радушно и никто не знал, где Этан.

– Этан исчезал раньше, без объяснений?

– Никогда.

– Как Боб объясняет тот факт, что Гарриет видела своего отца и посчитала его мертвым?

– Боб сказал, что она испугалась в каменоломне. В прошлом году кто-то туда свалился и погиб. Возможно, она увидела тени или что-то себе вообразила. Дети рассказывают про каменоломню всякие истории. Они верят, что в маленьких пещерах на склонах живут гоблины. Боб говорил.

Мой мозг работал на повышенных оборотах.

– Сколько времени потребовалось Гарриет, чтобы добраться до фермы, найти помощь и вернуться в каменоломню?

Мэри Джейн покачала головой:

– Точно не знаю. Артур заставил ее подождать, пока он закончит вечернюю дойку.

– Час?

– Может, час или немногим меньше. Когда я сама пошла посмотреть в каменоломню, была половина седьмого, и вот что самое странное...

– Продолжайте.

Мэри Джейн глотнула воды. Ее руки задрожали.

– Этан делал солнечные часы из синего сланца, совершенно особая работа. Гарриет и Остин сказали мне, что, когда они пришли с едой для отца, солнечные часы стояли во всем своем великолепии, с виду абсолютно законченные. Но к тому времени, когда туда прибежала я после рассказа Гарриет, сумерки сгущались. Солнечные часы были разбиты вдребезги, а Этана и след простыл.

Мэри Джейн обхватила голову руками, и на мгновение мне показалось, что я смотрю одну из тех мелодрам, на которые мы с матерью иногда ходили в театр Друри-лейн в Уэйкфилде.

Мэри Джейн подняла глаза.

– Что я должна думать? Гарриет – не маленькая лгунья, но мужа и следа нет.

– Этан пьет?

Она грустно улыбнулась:

– Работать в карьере в такой пыли и не пить невозможно. Но на работе он не стал бы напиваться до беспамятства.

– Может быть какое-то другое объяснение того, что видела Гарриет?

Мэри Джейн положила руки на стол и наклонилась вперед.

– Я сама без конца об этом думаю. Гарриет – папина дочка. Она слышала, как мы ссорились. Если Этан велел ей сказать, что лежал бездыханный... Но нет, она проболталась бы.

– Из-за чего вы ссорились?

Она покачала головой:

– Из-за всего и ничего. Я хотела, чтобы он помог по дому, нарубил бы дров, а не работал бы над солнечными часами миссис Леджер ко дню ее рождения, когда ему следовало быть с нами. И теперь я ужасно себя чувствую из-за того, что мы плохо расстались... Но если он воспользовался этим как предлогом, чтобы смыться, я ему башку разобью.

Меня мучило, что Мэри Джейн, похоже, что-то скрывала. И я не настолько знаменита, чтобы мой адрес был так же известен, как Бейкер-стрит, 221б.

– Мэри Джейн, если вы хотите, чтобы я вам помогла, вы должны быть откровенны. Вы даже не сказали, как нашли меня.

– Мне дал ваш адрес один человек.

– Кто?

– Это имеет значение?

Будет иметь очень большое значение, если она мне не скажет. Прошло десять долгих секунд, и Мэри Джейн проговорила:

– Одна моя родственница. Она о вас знает. – Словно для того, чтобы предупредить любые вопросы об этой услужливой родственнице, она продолжила: – Мы не так уж сильно и поругались с Этаном. Он не взял с собой поесть в субботу, потому что я ничего не собрала. Пусть желудок приведет его домой, вот что я думала. Гарриет, разумеется, пренебрегла моим запретом...

Мы начинали ходить по кругу. Настало время прекратить разговоры и действовать. Я встала.

– Вы сказали, что работы в карьере начинаются в семь часов. Только что пробило пять. Давайте поедем сейчас туда, и вы покажете мне, где Гарриет видела отца. Я хочу увидеть место, пока мужчины не приступят к сегодняшним работам. – Я не добавила, что любые улики, скорее всего, были затоптаны рабочими каменоломни и местным полицейским во время поисков. – Подождите немного, я сейчас оденусь.

Я оставила свою посетительницу на кухне и постучала в смежную дверь, ведущую в апартаменты миссис Сагден.

Моя экономка вышла через несколько минут. Она накинула теплый темно-бордовый клетчатый халат своего покойного мужа. Длинные седые волосы миссис Сагден были заплетены в косу. Без очков некрасивое лицо казалось обнаженным и уязвимым.

Я извинилась за беспокойство и быстро рассказала про свою гостью.

– И поэтому я еду в Грейт-Эпплвик с миссис Армстронг...

– В такой час?

– Я хочу начать пораньше, осмотреться в каменоломне, где в последний раз видели ее мужа, пока там не приступят к работе. Вряд ли им понравится, если там будет бродить любопытная особа, всюду сующая свой нос.

– Я как-то не уверена, миссис Шеклтон, что вы, одна...

– На кухонном столе вы найдете имя и адрес, – прервала ее я. – Сообщите мистеру Сайксу, куда я уехала и что заеду к нему, когда у меня появятся более определенные сведения.

Сайкс, полицейский в отставке, был моим помощником и жил неподалеку.

Я оставила миссис Сагден в тревоге.

В дверях кухни появилась Мэри Джейн.

– Мне нужно в туалет.

– Я провожу вас. Это наверху.

Мой чемодан так и стоял в прихожей. Мэри Джейн глянула на дорожные вещи.

– Их нужно отнести наверх?

– Да, но они тяжелые, – с запинкой ответила я.

Мэри Джейн взяла в каждую руку по чемодану.

– Полегче детей и мешков с картофелем. – Она стала подниматься впереди меня. – Куда их положить?

– В мою комнату... там. Спасибо.

Она занесла чемоданы в мою спальню и вышла на лестничную площадку. Я повернулась к этой женщине. Высокие скулы, раскосые глаза... В тусклом свете она походила на настороженную кошку.

Я включила в ванной комнате свет.

Мэри Джейн вздохнула:

– Как бы мне хотелось, чтобы у нас была ванная комната.

Не дождавшись ответа, она добавила как будто с осуждением:

– Вообще-то я умею ею пользоваться и не стала бы хранить в ванне уголь.

Пока я одевалась, мне пришло в голову, что человек, способный отнести наверх два набитых чемодана, сможет оттащить и тело заблудшего мужа в какой-нибудь потаенный уголок в каменоломне.

Что надевают для обследования карьера? Вельветовые бриджи, кепку и сапоги. Там будут только мужчины. Тем более важно поторопиться и добраться туда, прежде чем они приступят к работе. По крайней мере, прекратился дождь. Я быстро надела твидовый костюм модного покроя. Одежда для загородной местности, в такой только на охоту ходить.

Пригодились и мои крепкие туфли, купленные в прошлом году в Харрогейте. Прихватила я и туфли на устойчивом кубинском каблуке, и запасную пару чулок.

Мэри Джейн Армстронг ждала меня в прихожей. Я протянула ей автомобильное пальто Джеральда.

– Вам это понадобится. В машине лежат защитные очки.

Пальто доходило ей до щиколоток. Когда я посмотрела на нее, меня снова кольнула мысль о том, что мы встречались раньше.

– Мэри Джейн, прежде чем мы поедem, еще одно.

– Да?

– Откуда мы знаем друг друга?

Мэри Джейн попыталась завернуть рукава пальто.

– Я не могу сказать.

– Я с места не сдвинусь, пока вы не скажете.

Она посмотрела на меня, а потом отвела глаза.

– Мы давно виделись в последний раз, Кэтрин. Тебе было несколько недель от роду, а я только начала ходить. Пришел мужчина, чтобы забрать тебя, и я заплакала. Не хотела, чтобы он тебя уносил.

Она смотрела на меня в упор своими кошачьими глазами.

– Моя девичья фамилия Уитекер, какой была и твоя, пока тебе не дали фамилию удочеривших тебя людей. Кэтрин, я твоя сестра.

Мое сердце заколотилось так сильно, что Мэри Джейн, наверное, услышала его стук. Неудивительно, что она не хотела говорить, откуда «знает» меня. Меня удочерили в возрасте нескольких недель, и я знала фамилию своей настоящей семьи и то, что они жили в Уэйкфилде. За этими простыми фактами скрывалась тайна, которую я до сих пор не собиралась раскрывать.

Нас разделяло несколько шагов. Мэри Джейн Армстронг могла быть искренней, а могла и не быть; она могла быть, а могла и не быть убийцей.

Внезапно у меня подкосились ноги. Я оперлась о стену. Мэри Джейн взглянула на меня со смесью озабоченности и чего-то еще. Страх? Что я ее отвергну?

– Прости. Мне не следовало приходить.

Но она пришла. И вот мы стояли одетые, готовые в путь.

– Как ты узнала, где меня найти?

– У нашей сестры Барбары Мэй. Она всегда следила за твоим продвижением.

Продвижение. Это слово вызвало в памяти школьную историю: короли и королевы предпринимают грандиозные путешествия, посещая дворян-

фаворитов, лишая своих подданных их домов, имущества и душевного спокойствия.

И «Барбара Мэй». Неужели все в семействе Уитекеров имеют двойные имена? По какой причине меня изгнали из клана? *У нас не может быть девочки всего с одним именем. Отдадим ее. Тот приятный офицер полиции с женой возьмут ее. Мистер Деннис Худ и его очаровательная и бездетная жена Вирджиния, которую друзья с любовью называют Джинни. Она чрезвычайно доверчивый человек.*

Мэри Джейн даже не притязала на то, что следила за моим продвижением. За это я должна благодарить Барбару Мэй. Следующей, видимо, появится она. *Отыщи мою пропавшую собаку, милая. Одолжи мне шиллинг.*

Может, Мэри Джейн говорит правду, а может, она великолепная обманщица, историю которой я доверчиво проглотила. Это объяснило бы, почему у меня в горле встал комок.

– Откуда Барбара Мэй узнала, где я живу?

– В «Меркьюри» напечатали, когда ты выходила замуж. Барбара Мэй работала уборщицей в больнице, где работал твой муж.

Я не вполне уверена, но мне показалось, что Мэри Джейн немного смутилась. Она не объяснила, проследила ли Барбара Мэй Джеральда до дома или заглянула в больничные документы, чтобы узнать адрес.

Сестра добавила:

– Мама была очень довольна, когда ты вышла за врача.

Заткнись, Мэри Джейн. Не говори ничего больше.

Окутанные вязкой тишиной, мы не смотрели друг на друга, я повесила на плечо сумку и принялась открывать дверь. Ключ не хотел двигаться, ручка – поворачиваться. Нельзя показывать, насколько я потрясена. Мэри Джейн не должна увидеть, что мне нужны две руки: правая, чтобы повернуть дверную ручку, и левая – чтобы поддержать дрожащую правую.

– Хорошо, Мэри Джейн. Едем.

Я подумаю про всю эту сестринскую историю позже. Пока же я должна выбросить ее из головы и сосредоточиться на имеющемся деле. Она пришла ко мне за помощью.

Глава 2

При ходьбе мне казалось, что ноги будто налились свинцом, и в то же время я ощущала странную легкость, словно больше не принадлежала себе и могла парить в воздухе.

Мы шли по тихой улице к старой конюшне, которую соседи позволяли использовать в качестве гаража для моего «Джоуитта». Живая изгородь серебрилась паутиной.

Мэри Джейн шагала легко, кожаное пальто хлопало ее по лодыжкам, и вся она источала жизнерадостность, словно стряхнула с себя тревоги и теперь, когда я нашлась, все будет хорошо. Даже сквозь туман в голове из-за попыток разобраться в ее словах я почувствовала настроение Мэри Джейн. Оно было знакомо мне по тем случаям, когда я помогала женщинам после войны. Облегчение от того, что рядом кто-то есть, создает иллюзию, что все устроится. Однако сейчас был не тот момент, чтобы впасть в эйфорию.

Сестра. Она моя сестра. Эта девочка, Гарриет, которая нашла тело своего отца, моя племянница. И есть племянник. Как же его зовут? Остин. Малыш Остин, назвала она его.

Я ужаснулась, осознав вдруг, что именно нашли эти дети.

– Где сейчас дети? – спросила я.

– Спят дома. Я оставила на столе записку, если они вдруг проснутся до моего возвращения.

Ранним утром всё производит больше шума. Дверь старой конюшни, где я держала «Джоуитт», громко скрипнула, открываясь. Мэри Джейн воззрилась на автомобиль.

– Какая красивая машина! Дети захотят прокатиться.

Она вела себя так, будто мы собирались отдохнуть в выходной день, а не начать то, что вполне могло обернуться расследованием убийства.

– Закрой дверь, когда я выеду, хорошо?

Сестра отступила далеко в сторону, словно боясь, что колеса автомобиля раздавят ей пальцы ног.

Закрыв дверь, она забралась в машину. Я подала Мэри Джейн карту.

– Тебе придется засунуть руки в рукава, чтобы не замерзнуть. Я забыла взять лишнюю пару перчаток.

– Ничего страшного.

– Не разговаривай со мной во время езды, потому что шум будет

заглушать твой голос. Но положи эту карту так, чтобы я могла до нее дотянуться.

Мэри Джейн взяла карту.

– По дороге будет много трамвайных путей.

На извилистых улочках, ведущих из Хедингли в Грейт-Эпплвик, у меня будет не слишком много возможностей свернуть не туда, но полностью исключить этого нельзя. Я ведь не слишком знаю дорогу на Гизли.

Когда мы оставили Хедингли позади и поехали по сельской местности, розовые полосы в небе превратились в золотые, а потом поблекли до белизны. Осторожно появилось несмелое солнце. Если не считать шума двигателя, мир был тих и спокоен. Даже лошади и коровы еще не вышли пасть.

Мэри Джейн подняла воротник и засунула руки в рукава пальто.

Я быстро глянула на нее. Вот человек, который знал мою биологическую мать, братьев, сестер, кто знал моего отца и был частью их жизни. Все они оставались для меня тайной. В тот момент, когда я осторожно совершала поворот, на меня навалилось чувство страшного одиночества. Отказавшись думать о семье, которая меня отдала, я никогда не нуждалась в том, чтобы они что-то для меня значили. А теперь Мэри Джейн вторглась в мою жизнь – эгоистически, без всяких там «вы позволите».

Внезапно на дорожке слева показалась повозка. Лошадь в шорах мотнула головой. Щелкнул кнут. Я снизила скорость и нажала на тормоз.

– Я никогда тебя не забывала, – вдруг сказала сестра, низко наклонив голову, а потом повернувшись и взглянув на меня. – Ты была совсем крошкой. Я просила маму, чтобы она не отдавала тебя тому человеку. Мне казалось, что он тебя уронит. Он, помню, держал тебя на сгибе правой руки. Я помню, как говорила, что он тебя уронит. Но никто не слушал. Я плакала, когда тебя унесли.

Она дала мне некоторый материал для проверки. Я смогу проверить ее слова. Спрошу папу: ты один ходил меня забирать? Ты держал меня на согнутой руке?

Я подвела машину к тротуару и остановила. Не глядя на сестру, уставившись на свои руки, лежавшие на руле, спросила:

– Почему ты сразу не сказала, когда вошла в мой дом? Ты должна была сразу мне сказать.

– Я собиралась сделать это позже.

Я повернулась к Мэри Джейн:

– И что еще ты собираешься сказать мне позже?

Она встретила со мной взглядом.

– А ты попробуй сама. Попробуй сказать что-нибудь подобное и посмотри, как будешь себя чувствовать.

На мой вопрос она не ответила. Если все это было дурацкой ложью, чтобы заручиться моей помощью, она пожалеет. Но ведь никто не станет придумывать подобную историю, верно? И кроме того, что-то в ее поведении успокаивало меня, несмотря на мое беспокойство, если в этих словах есть какой-то смысл.

Следуя в деревню Мэри Джейн, мы выехали из Лидса, миновали деревню Хорсфорт и поехали вдоль трамвайных путей. На самой высокой точке дороги мы пересекли реку Эйр. Меня всегда удивляет, какая бурная жизнь протекает за углом по соседству, на улице, куда ты вряд ли заглянешь.

Моя вновь обретенная сестра не слишком-то умело показывала направление. Она изрекала: «Поезжай туда, – в смысле «поверни налево», а потом говорила: – Ты его пропустила».

Мэри Джейн опоздала с подсказкой поворота на Грейт-Эпплвик. Я поискала следующий поворот и въехала на Бэк-лейн, вдоль которой стояли скромные каменные жилища, парадные двери которых открывались прямо на улицу. В населенном пункте, в названии которого содержался намек на яблоневый сад, в поле зрения не было ни одного деревца. Мы снова повернули, минуя химический завод, типографию и указатель «Поле для гольфа».

На Таун-стрит, где чередовались магазины и жилые дома, мы проехали мимо школы, церкви и методистской часовни. На Овер-террас дома поредели. Затем появились сельский лужок и два крытых соломой коттеджа, сложенных из песчаника. Позади них вытянулись узкие полоски полей и лугов, переходившие в сельские просторы. Чуть дальше Мэри Джейн указала на третий дом:

– Это наш.

Я остановила автомобиль напротив двухэтажного дома из песчаника, которому (дому, само собой) было лет двести. Он стоял немного вглубь от дороги. Самой веселой деталью в его облике была цветущая яблоня слева от входа.

Жалюзи на окнах верхнего и нижнего этажей были опущены. Сланцевая крыша казалась гораздо новее остального дома. В целом он был более внушительным, чем я представила по словам Мэри Джейн. На

первый взгляд идиллический сельский коттедж.

– Он очарователен, – сказала я. – Но покрыт не соломой, как другие два коттеджа.

Она фыркнула, демонстрируя нелюбовь к этому дому.

– Сколько я пилила Этана, чтобы он это сделал. Ты когда-нибудь жила под сырой старой крышей, в которой крысы устраивают гнезда, а птицы считают, что она открыта для всех? И водопровода, как у тебя, у нас нет. Нам приходится носить воду из колодца в огороде за домом.

Я остановилась почти вплотную к каменной, сложенной без раствора стене, и поэтому выбираться нам пришлось с моей стороны, я – первая, шевеля замерзшими пальцами ног, чтобы вернуть их к жизни.

– Этана нет, – упавшим голосом проговорила Мэри Джейн.

– Откуда ты знаешь?

– Он развел бы огонь. Из трубы шел бы дым.

Мы прошли к двери, наступая на розовые лепестки, сдуваемые ветром с яблони.

Сестра потянула за веревочку, торчавшую из прорези для писем в двери.

– Маленькая мартышка сняла с веревки ключ. Должно быть, боялась, что кто-нибудь войдет. – Мэри Джейн громко постучала и подождала. Снова постучала. – Придется кидать камушки в окно.

Наклонившись, она принялась рыться в дерне вокруг клумбы, собирая камешки. Выбрав верхнее окно, Мэри Джейн бросила камешек, который не произвел почти никакого звука. Следующий камень полетел мимо.

– Если дети все еще спят, может, ты покажешь мне пока каменоломню? Отсюда можно туда доехать?

Она метнула еще один камешек.

– Не могу. Понимаю, что трушу, но я не могу снова туда войти.

– Тогда скажи мне, где это. Я съезжу.

Она, кажется, испытала облегчение, что я готова поехать в каменоломню без нее.

– Отсюда туда ведут две дороги. Одна – из нашего огорода за домом, по тропинке, или вернись в деревню и сверни на дорогу у часовни. Каменоломню ты не пропустишь.

Когда кто-то говорит тебе: «Ты это не пропустишь», такие слова обычно означают: «Я не пропущу, потому что знаю, где это находится, но тебе повезет, если ты это место отыщешь».

Как раз в этот момент по ту сторону двери послышался шум. Отодвинули засов. В замке повернулся ключ.

Маленькая девочка в длинной белой ночной рубашке посмотрела на мать, на меня, а потом – мимо нас, на дорогу и машину, надеясь увидеть кого-то еще. Не увидев отца, она сникла. Шагнула назад, больше на нас не глядя. Ее длинные волосы, стянутые ленточкой, доставали почти до талии. У меня по телу пробежала дрожь. Я все равно что посмотрела в зеркало старого платяного шкафа, который был у меня в детстве. Глаза у девочки были велики для ее личика, волосы тщательно разделены на пробор над бледным высоким лбом. Если у меня и были какие-то сомнения в том, сестра ли мне Мэри Джейн, они улетучились, когда я посмотрела на это маленькое воплощение себя в детстве.

Следом за Мэри Джейн я переступила порог.

– У тебя тут все без происшествий? – спросила она у дочери.

– Да. – Ребенок отвечал со сна вяло.

– Это Гарриет. Гарриет, поздоровайся вежливо с миссис Шеклтон, которая подвезла меня назад оттуда, куда я ходила искать папу. Это было любезно с ее стороны, верно?

– Где ты его искала?

– Его будет искать миссис Шеклтон на своем автомобиле.

Вот, значит, что я буду делать. У ребенка хватало разума с некоторым скепсисом отнестись к данной идее. Я пожалела, что рядом со мной нет Джима Сайкса. У него есть дети, и он знает, как с ними разговаривать. В этом доме даже мое имя звучало чужеродно.

Девочка на меня не смотрела, но стояла, наблюдая, как мать снимает дорожное пальто. Я свое не сняла.

– Почему ты отвязала ключ от веревки? – спросила Мэри Джейн.

Гарриет вынула ключ из замка и снова привязала его к веревке.

– Откуда я знала, кто пройдет мимо и захочет сунуть лапы в щель для писем.

Она отвечала спокойно, словно объясняла ребенку, и на кратчайшее мгновение мне показалось, что, должно быть, она – мать, а Мэри Джейн – дочь. Время сыграло шутку, превратив Мэри Джейн в старуху, а Гарриет – в уравновешенного и внимательного взрослого. Рядом со своей серьезной дочерью Мэри Джейн казалась легкомысленной.

Я оглядела комнату. Если тебе в ней не жить, можно назвать ее живописной – керосиновая лампа на комодке и подсвечники на каминной полке. На тщательно выскобленном дощатом столе у окна – эмалированный таз и кувшин. Под столом – бадья и ведро. Еще один стол вместе со стульями и буфетами разместился вдоль стены. На третьем столе, поменьше, перед которым стоял расшатанный стул, помещалась швейная

машинка. По обе стороны от всего этого тянулись встроенные буфеты и комоды. В дальнем конце комнаты неясно проступал комод с зеркалом. Загроможденная комната. Мне представилось, как члены семьи постоянно уворачиваются, чтобы не наткнуться на мебель.

Мэри Джейн поворошила золу в камине.

– Скоро разгорится огонь. Возвращайся в кровать, Гарриет. Для школы еще слишком рано.

Девочка уселась на табуретку у стола, наблюдая за матерью.

Та взяла газету и принялась скручивать ее. Гарриет спрыгнула с табуретки, вырвала у матери газету и разгладила.

– Папа еще не читал эту «Геральд».

Мэри Джейн вздохнула. Взяла сухого папоротника, несколько щепок и положила в камин.

– Ты не принесла уголь.

– Я собиралась это сделать.

– Ну, так сделай!

Девочка с заспанными глазами сползла с табуретки и взяла из камина ведерко для угля.

– Гарриет! Обуйся.

– Дай-ка мне. – Я забрала у племянницы ведерко. – Где у вас уголь?

– Нет, Кэтрин. Ты не должна этого делать.

Я проигнорировала Мэри Джейн и пошла за Гарриет, показывавшей дорогу к задней двери. Она была заперта на все засовы. Я отодвинула их, и дверь распахнулась в длинный огород с несколькими хозяйственными постройками.

– Уголь там. – Гарриет указала на первый сарай.

Сунув ноги в слишком большие для нее галоши, девочка зашаркала рядом со мной.

В угольном сарае я взяла лопату. Она заскрежетала по полу, когда я подсунула ее под кучу угля, набрала полную и опрокинула в ведерко. С верхушки кучи посыпались кусочки угля.

– Надо набрать доверху.

Я снова заскребла лопатой по полу.

– Вы знаете папу, миссис Шек...

– Миссис Шеклтон не очень легко произнести. Можешь называть меня тетя Кейт. – Я не собиралась этого говорить, но слова выскочили сами.

Гарриет нахмурилась, и я поняла, что допустила ошибку. Девочка следила, как я опрокидываю в ведерко следующую порцию угля. Заговорив, она не назвала меня тетей Кейт.

– Вы знакомы с папой? Вы с ним встречались?

Она спокойно смотрела на меня, дожидаясь ответа. У нее хорошо получилось бы вести допросы. Глядя в эти широко раскрытые глаза, опасный уголовный преступник поневоле скажет правду.

– Нет, Гарриет. Я незнакома с твоим папой. Но если ты будешь так любезна и если тебе не нужно срочно возвращаться в постель, ты могла бы проводить меня в карьер и показать, где он работал.

Это было трудно и, возможно, жестоко, но мне требовалось поговорить с ребенком наедине. В конце концов, она утверждала, что видела своего отца лежащего мертвым, и не походила на человека, подверженного обману зрения.

Гарриет сглотнула. Сжала кулачки. Ей не больше матери хотелось идти в каменоломню. Но она была отважнее.

– Сейчас, только оденусь.

Глава 3

Мы молча шли по тропинке. Для полевых цветов было еще рановато раскрывать свои чашечки. Тишина утра и мягкость окружающей природы предлагали идти неторопливо, словно без особой цели. Мне очень не хотелось нарушать это очарование.

Как начинать разговор с ребенком, когда нужно спросить: «Где ты видела тело своего отца?»

– В субботу твой братик ходил с тобой?

Она пнула камешек.

– Остин, да.

– Ты знаешь, сколько было времени, когда ты понесла своему папе ужин?

– Часы на церкви пробили пять. Он ушел с самого утра.

– Это мама попросила тебя собрать еду?

– Мне десять лет. – В ее голосе послышались намек на упрек и, пожалуй, некоторое сомнение в моих умственных способностях.

Не миновать мне неприятностей, допрашивая этого ребенка.

Тропинка стала грязной. Я последовала примеру Гарриет, шагавшей в обход по влажной траве. Показался крутой обрыв, под ним – река. Она текла быстро, от нее шел успокаивающий звук и жуткий душок химикалий.

– Прошу прощения за вопрос, Гарриет. Но, пожалуйста, расскажи мне все о том дне, сколько сможешь вспомнить, о субботе.

– Что – всё, с того, как встала?

– Да, – твердо ответила я.

Во взгляде девочки отразилось недоверие. *Какое нахальство*, наверняка подумала она. Затем она покраснела и тихо проговорила:

– Про все свои дела людям не рассказывают.

Ошибка. Я попросила слишком много и насторожила эту уже обладающую характером, рано повзрослевшую йоркширскую девочку. Всё вижу, всё слышу, ничего не скажу. Всё ешь, всё пей, ничего не плати.

– Прошу тебя, Гарриет. Это может помочь. Разумеется, мы разговаривали с твоей мамой, но все замечают разные вещи.

Гарриет вздохнула, но не ответила.

Я усилила давление:

– Не получал ли твой папа писем или сообщений? Не говорил ли он, что хочет кого-то навестить или куда-то уехать?

Мне самой было противно высказывать предположение, что Этан мог уехать в гости, но это помогло.

– Я не знаю ни про какие сообщения или письма. Он должен был пойти в воскресенье в Хоксворт-Мур и сказал, что возьмет меня и Остина.

Это было то профсоюзное собрание, о котором упомянула Мэри Джейн. Видимо, Этан намеревался с раннего возраста приобщать своих детей к политике.

– Гарриет, я хочу выяснить как можно больше о том, что могло произойти. Мне может быть полезна любая подробность, какую ты сумеешь вспомнить, какой бы незначительной она ни казалась. Расскажи мне о субботе.

До этого девочка тащилась еле-еле. Теперь она решила мне помочь. Выпрямилась. Ее походка стала целеустремленной. Появившаяся в голосе энергия кольнула мою совесть за то, что я пробудила у Гарриет несбыточную надежду.

– По субботам папа начинает работать поздно – в восемь вместо семи. Мы были еще в кровати, когда он ушел, мы с Остином. Он не крикнул, что уходит, но когда я спустилась вниз, то увидела, что он оставил мне чаю в своей пинтовой кружке. Он всегда так делает. Он любит крепкий чай с сахаром и немного оставляет мне. Мне все равно, что он холодный. Я люблю чай. Прямо умираю, как люблю. Мы оба с ним. Я слышала, как папа разговаривал с мамой. Он спросил, собрала ли она ему с собой еды. Мама ответила, что он должен прийти домой к обеду. Папа сказал, что ей прекрасно известно: он делает солнечные часы. Закончит их и придет домой, когда сделает дело, не раньше. Она спросила, какой смысл бороться за половинный рабочий день в субботу, а потом работать. И разве он не обещал сделать тяжелую работу по огороду. Папа сказал, что сделает ее в воскресенье, и она: о, а разве он не пойдет тогда в Хоксворт-Мур к своим дружкам-социалистам? Он ответил, что забыл об этом. Потом он ушел.

Все утро я помогала маме по дому и в огороде. Мне приходится это делать, потому что мама шьет мне к Троице платье, а Остину – брюки и рубашку и не может все успеть. Когда подошло время обеда, я спросила, может, я отнесу что-нибудь папе, и она ответила – нет, он должен прийти домой. Мы с Остином пошли по магазинам на Таун-стрит, к мяснику и в хлебную лавку. Я купила себе булочку с кремом и со взбитыми сливками, а он – пирожок с джемом.

Когда мы съели булочки, мама спросила, где ее сигареты, и я ответила, что забыла их купить. Она велела сходить за ними, и я сказала, что у меня болят ноги и от сумок ноют руки. И мама сказала – ну ладно, и пошла сама.

Тогда-то я взяла миску, положила туда вареного гороха, отрезала кусок холодного бекона, накрыла еду кухонным полотенцем и сказала Остину: пойдём, и молчи про это, а мы вернемся до того, как мама придет домой.

Гарриет произвела на меня впечатление. Она последовательно излагала события. Ссора между Мэри Джейн и Этаном оказалась мелкой стычкой из-за времени возвращения Этана домой: ничего такого, что заставило бы ее пробраться в каменоломню и убить мужа, пока дети ходили по магазинам.

Тропинка пошла круто вверх. Низкий кустарник на спускавшемся к реке склону был припорошен белой пылью, что, видимо, означало близость каменоломни. А потом я почувствовала его – сухой запах пыли, от которого у меня запершило в горле.

Теперь дорожка пошла резко вниз и привела нас к дороге не шире горной тропы. Карьер раскинулся перед нами – суровый и необычный пейзаж. Я взяла Гарриет за руку скорее для того, чтобы ободрить себя, а не ее.

– Гарриет, здесь всё так, как было в субботу, или здесь находился кто-то еще?

– Они все ушли домой. Я посвистела, вызывая папу, но он не ответил. Мне не хотелось идти через карьер только с Остином, но я уж добралась до этого места, поэтому и пошла.

– Мы можем сделать это сейчас?

Гарриет облизала губы. Меня кольнуло чувство вины: я вспомнила, что бедняжка не выпила даже глотка своего любимого чая, не съела и куска хлеба.

Гарриет повела меня по каменистой тропинке, не говоря ни слова. Мы миновали громадный навес. Девочка задыхалась чаще.

– Что это? – спросила я. Строение справа от нас походило на виденный мною снимок огромной лачуги в городке на заброшенном золотом прииске.

– Здесь стоит камнедробилка.

Мы прошли мимо огромного крана. Спуск привел нас к маленькой хибарке, примостившейся на камнях. Когда она осталась позади, наш путь нырнул вниз, потом снова выровнялся.

Гарриет остановилась перед трехстенным, без передней стены, навесом-временкой, сооруженным из толстых и широких досок и листов ржавого железа.

Перед ним стоял длинный верстак. На земле за верстаком валялись раскиданные куски синего сланца.

– Это те солнечные часы, которые делал твой папа, Гарриет?

– Наверное, да. Они не были разбиты, когда мы пришли. Они выглядели законченными. Сначала я подумала, что он, видимо, ушел домой по дороге и поэтому мы с ним разминулись.

– А где именно ты его увидела?

– Вон там, он лежал под навесом.

– Остин его видел?

– Не думаю. Я велела ему оставаться там. – Она указала на конец верстака. – Ему было страшно. Ходят слухи, что, когда люди покидают каменоломню, здесь появляются гоблины.

– Твой папа разговаривал с тобой или издал какой-нибудь звук?

– Нет.

– Ты с ним разговаривала или трогала за руку?

– Да. Он не ответил. Рука у него была холодная. Но камень же холодный. Поэтому и он был бы холодным.

Я вошла под навес. Гарриет осталась на месте.

Во времянке стояла ржавая жаровня, а на ней – закопченный чайник. На полке слева от меня лежали инструменты и стояли жестяные кружки.

Гарриет проследила за моим взглядом.

– Это не папины инструменты. Вот кружка и ложка папины. А деревянные молотки и зубила, они Рэймонда. – Она указала на шедшую вдоль задней стены лавку. – Мы с мамой сделали для папы и Рэймонда подушки.

– Рэймонд был учеником твоего папы?

Девочка явно обрадовалась, что я не полная невежда.

– Был папиным учеником, пока не закончил учиться. Теперь Рэймонд называет себя самостоятельным каменщиком.

– Рэймонд работал с твоим папой в субботу?

– Солнечные часы папа делал один. Только папа работал днем в субботу. У Рэймонда есть девушка. В следующую субботу он женится. Они с Полли будут жить с мамой и папой Рэймонда или с мамой и папой Полли. Мама у Рэймонда хорошая, но папа – такой злющий. У Полли мама и папа хорошие, но у них места нет.

Благодаря моей настойчивости бедный ребенок искренне старался рассказать мне все, совсем не понимая, что стоит упоминания, а что нет.

Она пристально вглядывалась в пространство под навесом, словно все еще кого-то там видела. И показала место, на которое не осмелилась ступить.

– Вот. Он здесь лежал, отвернув от меня голову. Его кепка слетела. Смотрите – вот она!

Внезапно Гарриет бросилась вперед, забыв о своем нежелании входить под навес. Из-под скамьи она достала старую плоскую твидовую кепку, которая когда-то была клетчатой.

Девочка сжала кепку.

– Знаю, мама надеется, что я ошиблась. И я хочу, чтобы так и было, потому что не хочу, чтобы папа умер. Сержант Шарп считает меня маленькой лгуньей. Я не лгунья.

Мы вышли из-под навеса. Я взяла большой кусок сланца с гладким краем. Пока я разглядывала камень, в моей голове лихорадочно роились мысли. История, рассказанная Гарриет, весьма походила на правду.

На сланце была вырезана изящная прямая линия. По краю шел волнистый узор.

– Они были целы, когда мы пришли.

Гарриет стояла так же неподвижно, как окружавшие нас камни на склонах каменоломни.

Какие же гнев и ненависть стояли за разбитыми часами, подумалось мне, и, возможно, те же самые гнев и ненависть обратились и на Этана. Его мастерство было безупречным. Я видела это по фрагменту синего сланца с гладким краем. Зачем Этану исчезать? Если поверить худшему и представить, что он был мертв, когда его нашли дети, то что случилось с телом?

Гарриет последовала за мной за навес. Там были следы ног, да и почему им там не быть? Но один след был не больше моего. Легко ступая, я сравнила его со своим. Достала камеру. Освещение за навесом оставляло желать лучшего, но я настроила камеру и подошла как можно ближе, но так, чтобы не повредить отпечатки ног.

Теперь я жалела о присутствии Гарриет. Следовало ли притворяться, что мне нужна экскурсия, только чтобы иметь предлог для поисков? И что я найду? Любые следы ног, любые улики покрыты пылью, затоптаны субботней поисковой партией, размыты ночным дождем.

И все равно я осмотрелась вокруг. От этого места у меня по коже бежали мурашки. Так, наверное, выглядит обратная сторона луны. В отдалении высилась серая гора валунов, словно после обвала.

Что я искала? Обрывок ткани, зацепившийся за камень, пятно, которое могло оказаться кровью, прядь волос? Большую часть своей жизни мы не смотрим под ноги, и вверх, собственно, тоже, только прямо. Я уставилась на землю. Песчаная, каменистая, и ничего-то по ней не прочтешь.

Гарриет стояла неестественно прямо и наблюдала за мной. Надо отвести ее домой. На сегодня ей достаточно.

Наши взгляды встретились.

– Я хочу, чтобы вы кое на что посмотрели.

– На что?

Она протянула руку. Под предводительством девочки я пошла по карьере, вверх и вниз по холмистой поверхности, вдоль ровного участка земли, мимо крана, напрямиком на другую сторону, где холм шел под уклон и упрямый ясень, белый от пыли, цеплялся за его скалистую поверхность.

Земля стала мягкой. Меня будто током ударило, когда я увидела нечто похожее на вмятину от каблука и плоский след, как от волочения. И снова – еще один след от каблука. Недостаточно просто сфотографировать эти следы на земле. Я должна измерить отпечаток каблука. Он был слишком мал, чтобы принадлежать рабочему каменоломни, если только здесь не было молодого паренька. Разумеется, этому можно дать абсолютно рациональное объяснение.

– Минутку, Гарриет. Я хочу сделать снимок на память о том, как выглядит каменоломня.

Я села на валун, чтобы подготовить камеру. Этот валун станет моим ориентиром. Я сфотографирую свою находку, валун и уходящую отсюда прямую полосу.

Если я была права – а мне так хотелось ошибиться, – кто-то протащил в эту сторону тело. Это объясняет, почему, когда мужчина с фермы вернулся сюда вместе с Гарриет, тело исчезло.

Гарриет наблюдала, пока я фотографировала участок земли, не вполне, впрочем, уверенная, что здесь действительно волокли тело. Вероятнее, это указание на место в сухой пыли, где на меня нахлынуло дурное предчувствие.

Когда я закончила съемку, Гарриет схватила меня за руку и потянула за собой. Мы продолжили наш переход по неровной земле.

Почти в самом конце каменоломни, рядом с дальним склоном, девочка остановилась. Большой темный пруд стоячей воды лежал почти идеальным зловещим кругом.

– А если он упал сюда? – спросила она. И сильнее сжала мою руку.

Не успела я ответить, как пронзительный свист разорвал утреннюю тишину. Мы обе одновременно вздрогнули. Я обернулась посмотреть, откуда донесся этот звук. На другом конце каменоломни стояла фигура. Человек со злостью поднес ко рту сложенные рупором ладони.

Слов вообще-то было не разобрать, но настрой сомнений не оставлял. Мы остались на месте.

– Это отец Рэймонда, – тихо проговорила Гарриет.

– Тот, который злющий?

– Да. Он бригадир.

– Как его зовут?

– Джосайя Тернбулл.

– Ярится, как бык. – Мужчина надвигался на нас так быстро, что я пожелала ему споткнуться и шлепнуться лицом вниз. – Давай-ка не будем его слушать, Гарриет.

Я направила фотоаппарат на пруд с тихой, темной водой и сделала снимок.

Мужчина приблизился, изрыгая яростные крики, которые складывались в слова:

– Какого черта вы тут делаете? Никаких юбок мы тут не потерпим.

Я повернулась к нему. Он был одет в старые вельветовые брюки и древнюю твидовую куртку, на голове кепка. Красный толстый шарф на шее сочетался по цвету с пылающими щеками. Крупный, с раздвоенным кончиком нос мужчины был сломан по меньшей мере однажды. Над бровью начинался старый шрам, причудливой линией пересекавший щеку. От мужчины несло пивным перегаром и табаком. Похожей на лопату рукой, на которой не хватало мизинца и безымянного пальца, он попытался схватить мою камеру.

Но соперничать со мной в ловкости ему было не под силу.

– Прошу вас, успокойтесь, мистер Тернбулл.

– Нечего приказывать мне в моем собственном карьере. Здесь приказы отдаю я. Отправляйтесь-ка домой кормить мужа завтраком. – Он повернулся к Гарриет: – Ты снова рассказываешь свои дурацкие сказки? – Взглянув на девочку, он увидел кепку, которую она сжимала в руках. Мужчина протянул свою загребущую руку, словно хотел отнять кепку. Гарриет сунула ее под пальто.

Пока мужчина ненадолго замолк при виде кепки Этана, я сказала:

– Я попросила Гарриет показать мне каменоломню. Я – миссис Шеклтон, провожу расследование от имени миссис Армстронг.

Он уставился на меня, потом – на девочку. Пауза вышла краткая.

– С таким же успехом вы можете вести свое следование в другом месте.

Он шагнул еще ближе. Еще дюйм, и он опрокинет меня своей тушей. Мы с Тернбуллом мерились взглядами, отчего у меня заболела шея. Гарриет сглотнула, но не шевельнулась.

– Вы были среди мужчин, которые обыскивали каменоломню в субботу вечером, мистер Тернбулл?

Я держалась с уверенностью, которой практически не чувствовала. Он был из тех людей, которые не привыкли, чтобы им бросали вызов, и стушевался всего на мгновение.

– И что с того? – Он сердито зыркнул на Гарриет. – Твой папаша смылся. Он был не в настроении, что не получил здесь поддержки с забастовкой. Сатана умел красиво говорить и все такое, и вы знаете, что с ним случилось.

– По последним сведениям, мистер Тернбулл, сатана жив и весьма преуспел. Вы не против того, чтобы сказать мне, когда вы в последний раз видели мистера Армстронга?

Носком башмака он коснулся моих туфель.

– Да, против. И вы вторгаетесь в частное владение.

У Тернбулла неприятно пахло изо рта, и дыхание вырывалось жгучими облачками, обжигавшими мне голову и плывшими дальше.

Этот человек был не просто злющим. Он умел жестоко запугать.

– Мне не нравится угрожающее поведение, мистер Тернбулл. Надеюсь, когда вы поразмыслите, то поговорите со мной в более вежливой манере. – Надежды, надежды. Скорее ад замерзнет. Каменоломня порастет голубыми розами. – Идем, Гарриет.

Она запрокинула голову, окинула Тернбулла еще одним пристальным взглядом, и мы, обойдя его, направились к выходу из карьера.

– Богатая стерва! – завопил он.

Слова ударили меня в спину между лопатками.

Гарриет расплакалась, но не раньше, чем мы отошли от Тернбулла на приличное расстояние.

– Он не вел бы себя так грубо и гадко, если бы здесь был мой папа.

Я поискала носовой платок.

– Знаю. Ты очень хорошо ему противостояла. Я тобой горжусь. – Я не добавила, что это сослужит ей добрую службу в противостоянии другим большим злюкам, которых она встретит на протяжении своей жизни.

Инцидент потряс меня, не в последнюю очередь потому, что я подвергла такому столкновению Гарриет.

Ко входу в каменоломню мы вернулись нашим путем.

– Куда ты пошла в субботу, Гарриет?

– Здесь мы свернули налево. – Она показала на дорожку, по которой мы только что прошли. – Только я пошла через мост на ферму. – Она помолчала, словно ожидая, что ей зададут новый вопрос, затем продолжила: – Я пошла на ферму, потому что она была ближе всего и я думала, что дядя Боб пойдет со мной и приведет папу домой. Хотите пойти

на ферму?

– Нет. Ты должна вернуться домой и позавтракать. Но я бы хотела, чтобы ты показала мне деревню. Я хочу сходить туда и повидаться с полисменом.

Девочка кивнула:

– Тогда сюда.

Мы стали спускаться с холма, который вел к Грейт-Эпплвику. В будущем надо взять за правило первым делом идти в местную полицию. Если бы при общении с этим злющим типом в каменоломне возникли сложности, я могла оказаться по разные стороны баррикады с местным полицейским, а мне требовалась вся поддержка, какую я способна была получить.

В горку шел какой-то рабочий с холщовой сумкой.

– Это Рэймонд, – сказала Гарриет, когда молодой мужчина уверенно зашагал к нам, по-солдатски размахивая руками.

– Рэймонд, ученик твоего папы?

– Теперь он каменщик, как папа. Но таким же хорошим он никогда не будет.

Я бы предпочла поговорить с ним наедине, на тот случай, если он окажется столь же вздорным, как и его отец. Теперь, когда мы сблизилась, Рэймонд замедлил шаги, настороженно меня разглядывая. Худой и бледный, как длинная полоса побелки, он был одет в мешковатые коричневые брюки и короткую куртку.

– Ты была в каменоломне, Гарриет? – мягко спросил он. – Ты же знаешь, что это опасно.

– Для меня не опасно, – ответила девочка, все еще готовая дать отпор после нашего столкновения с отцом Рэймонда.

– Я попросила Гарриет сводить меня туда. Здравствуйте, я – миссис Шеклтон, друг семьи.

Мы обменялись рукопожатием. Холод его прикосновения соответствовал его осторожной отчужденности. Я задержала его руку в своей, полная решимости немного растопить этот лед.

– Вы – Рэймонд Тернбулл, – проговорила я, как будто ему требовалось это знать. – Мы только что виделись с вашим отцом.

– О, – произнес он и, красный от смущения, посмотрел на Гарриет, прикидывая, как обошелся с нами его отец. – Полагаю, он...

– Все в порядке. Я знала, что мне там не обрадуются, и намеревалась осмотреться на месте до начала рабочего дня.

– Отец всегда приходит рано. – Рэймонд повернулся к девочке: – Я как

раз шел за своими инструментами. – Он легонько тронул ее за плечо. – Мне нужно идти в поместье и начинать там новые солнечные часы, чтобы сделать их вовремя, ко дню рождения миссис Леджер. Только они будут из песчаника, а не из того красивого синего сланца.

Гарриет ничего не ответила.

Рэймонд уже собрался идти дальше, но помедлил и еще раз посмотрел на Гарриет, как будто хотел сказать что-то доброе, но не мог подобрать слов.

Его симпатия к Гарриет дала мне преимущество, а его побудила заговорить.

Девочка показала кепку.

– Папина кепка лежала под лавкой.

– В субботу вечером мы ее не увидели, – поднял брови Рэймонд. – Само собой, темнело.

Я облекла свой вопрос в форму сочувственного замечания:

– Вам, наверное, потребовалась целая вечность, чтобы обыскать всю каменоломню.

Он кивнул.

– Сержант Шарп вытащил нас из паба. – Он быстро глянул на Гарриет. – Ну, тащить-то нас, собственно, и не требовалось. Мы хотели помочь.

– А вы... – начала Гарриет и замолчала.

– Что – мы?

– Пруд...

Он протянул руку, но не коснулся девочки.

– Нет, не думай об этом, Гарриет. Тот отстойный прудок просто заполнен грунтовыми водами. Как только проглянет солнце, он высохнет.

Гарриет внимательно смотрела на Рэймонда.

– Но я думала, что он здорово глубокий. Я думала, все пруды в карьере глубокие.

Он покачал головой:

– Этот – нет. Мы так говорим, чтобы отпугивать детишек, потому что некоторые из этих прудов глубокие, в старых карьерах, которые превратились в озера. Только не говори никому, Гарриет. Ты разумная, но есть легкомысленные дети, которые приходят и навлекают на себя неприятности, желая поплавать там на доске.

Гарриет охнула и прикусила губу.

– Рэймонд, в какое время вы в последний раз видели мистера Армстронга в субботу?

– Я работал до часу дня, а потом ушел обедать, как все остальные. Этан все еще занимался солнечными часами.

– В час дня все ушли из каменоломни?

– Отец задержался. Он всегда уходит последним, потому что бригадир. Но двадцать минут второго он сидел в пабе, – быстро добавил молодой человек, внезапно заинтересовавшись своей холщовой сумкой и не глядя на нас.

Точность Рэймонда меня встревожила. Это до странности походило на алиби. Бригадир Джосайя Тернбулл ушел последним. Мэри Джейн сказала, что Этан и Тернбулл были в ссоре из-за голосования о забастовке, всего несколько дней назад Этан призывал к действию, но Тернбулл взял верх. Я легко могла вообразить, как Тернбулл донимает Этана. Но я должна придерживаться фактов. Как можно небрежнее я спросила:

– Сколько еще времени, по-вашему, могло понадобиться Этану, чтобы закончить солнечные часы?

Рэймонд нахмурился. Знаю я этот тип молодых людей: будут цедить информацию в час по чайной ложке, не чувствуя необходимости в подробностях. Сделать что-то большее – значит утверждать и без того само собой разумеющиеся вещи.

На выручку пришла Гарриет:

– Как жаль, что папа не закончил их и не пришел домой.

– Мне тоже, Гарриет. Они были бы закончены, если бы твой папа не решил добавить маленькие завитушки. Он послал полковнику Леджеру записку, чтобы тот пришел и посмотрел.

– Полковнику Леджеру? – переспросила я.

– Он хозяин каменоломни. Никто никогда не осмеливался послать за ним, хотя он и доступный человек. Но это же твой папа, Гарриет. Он ни с кем не церемонится. Солнечные часы были подарком миссис Леджер ко дню ее рождения, понимаешь, и полковник нарисовал узор. Этан привык работать с точно обозначенным заданием. Мы не просто обкалываем камень.

Он раздулся от гордости, намекая на уровень своего мастерства.

– Уверена, что так и есть. Я очень уважаю ремесло каменщиков. Скажите мне, пришел ли полковник?

– Не знаю. – Рэймонд пожал плечами. При взгляде на кепку Этана уголки губ у него опустились, словно парню впервые пришло на ум, что с Этаном могло случиться нечто плохое.

– Вы видели Этана снова между часом дня в субботу и сегодняшним утром?

– Нет. Я с тех пор его не видел. – Он посмотрел на Гарриет, как будто больше всего на свете хотел найти какое-то объяснение. – Наверное, он ушел на поиски другой работы. – Сглотнув, он отвернулся, словно больше всего на свете сожалел, что его поставили в неловкое положение. – Во всяком случае, его инструменты пропали.

Гарриет подняла голову и перевела взгляд с Рэймонда на меня.

– Если папа забрал свои инструменты и куда-то ушел, то, получается, я ошиблась, что видела его в таком виде.

Обе мы посмотрели на Рэймонда, желая услышать подтверждение надежды Гарриет. Ее отец, вполне возможно, жив-здоров и обтесывает камни своим инструментом где-то в другом месте.

– Может, ты и права, Гарриет, – наконец проговорил Рэймонд. – Твой отец мог бы найти любое другое место. В прошлом году он в два счета мог бы перейти на работу в Йоркский кафедральный собор. Ему это предлагали.

Я еще немного подтолкнула Рэймонда:

– Для высококвалифицированного рабочего подобное место было бы очень заманчивым? Почему он отказался от этой работы?

Рэймонд кивнул на девочку:

– Мэри Джейн не захотела переезжать, чтобы дети не меняли школу и все такое.

Это меня озадачило. В конце концов, Мэри Джейн всячески давала мне понять, как ей не нравится этот коттедж с колодцем в огороде. Они могли бы переехать куда-нибудь в дом с водопроводом.

Наша тройца стояла кружком в неловком молчании. Гарриет вскинула голову, с упреком посмотрела на меня. Она хотела, чтобы я нашла ее отца, а я стою тут и задаю бесполезные вопросы.

– Догоняйте меня.

И медленно пошла вниз с холма.

– Что происходит? – спросил Рэймонд. – Где Этан?

– Это-то я и надеюсь выяснить. Вы упомянули Йорк и работу в соборе. Вы действительно думаете, что он мог уйти на поиски какой-то другой работы, ничего не сказав?

Мне приходилось проверять эту возможность, хотя я по-прежнему верила, что Гарриет видела тело.

Рэймонд покраснел.

– Вы хотите сказать, что я не расстроился бы, если бы он ушел?

– Нет, я не это хотела сказать. А это правда?

– Этан живет в коттедже каменщика. Этот дом всегда переходит к

работнику каменоломни. В субботу я женюсь. Если Этан не вернется, у нас появится собственный дом.

И твоему отвратительному отцу не придется уживаться под одной крышей с тобой и твоей женой.

– Спасибо, Рэймонд.

Мгновение мы стояли, ни один из нас не хотел двинуться первым на тот случай, если другому захочется сказать что-то еще.

Рэймонд вздохнул:

– Надеюсь, вы его найдете.

– Я тоже.

Я нагнала медленно шагавшую Гарриет. Мне хотелось услышать про посещение ею фермы, но это могло подождать. Девочку и так столько расспрашивали, а ей надо было позавтракать и выпить чаю.

Мы в молчании дошли до конца Хай-стрит. Если она захочет сказать мне больше, она это сделает.

На другой стороне дороги зеленщик мелом писал на витрине в окне перечень продуктов с ценами. Водитель фургона вылез из кабины, открыл заднюю дверь своего транспортного средства, достал пачку газет и понес их в магазин.

– У вас есть дети? – спросила Гарриет.

– Нет. Только кошка.

– Почему у вас нет детей?

– Мой муж не вернулся домой с войны.

– Это же было давно.

– Да.

– Как зовут вашу кошку?

– Соуки. А у тебя есть кошка?

– Нет. – И без малейшей паузы продолжила: – Мне нужно было пойти в деревню, когда я увидела папу? Нужно было бежать к доктору, а не на ферму? Нужно было идти прямо домой и позвать маму?

– Ты поступила правильно, обратившись к ближайшим взрослым.

Мы пересекли Хай-стрит и свернули на улицу с интересным названием Восточный вид, с которой не открывалось вообще никакого вида, только на химический завод, но когда-то с нее действительно мог открываться вид на восток. Дома из песчаника стояли по шесть в ряд. Обогнув угол, мы попали на Таун-стрит, с противоположных сторон которой сумрачно взирали друг на друга церковь и часовня, состязаясь за обитателей нескольких домов, добротных, приличного размера. На одном из них висела табличка полиции Уэст-Райдинга.

– Это полицейский участок, вон там, рядом с церковью.

– Спасибо, Гарриет. Иди теперь домой. Ты очень хорошо справилась.

Она посмотрела мимо меня, а затем закрыла глаза, словно это зрелище было ей невыносимо.

– Это мисс Тримбл, сестра vicария. Она задаст мне триста вопросов. Я – домой.

Повернувшись, Гарриет бросилась бежать.

Краем глаза я уловила худую, серую женщину, надвигавшуюся на меня со стороны церкви. Да, попозже я с вами поговорю, мисс Тримбл. Но сначала я должна прояснить отношения с местной полицией. Дверной молоток грохнул в дверь полицейского участка достаточно громко, чтобы по всей улице шевельнулись на окнах тюлевые занавески.

Глава 4

Дверь открылась, и я вошла.

И увидела мужчину, чем-то напоминавшего бульдога: массивная челюсть и маленькие глубоко посаженные глаза усиливали сходство.

– Доброе утро, офицер, – проговорила я, пока он закрывал за мной дверь. Я глянула на нашивки на его форме. – Вы, должно быть, сержант Шарп. Я – миссис Кейт Шеклтон, друг семьи Армстронгов. Миссис Армстронг обратилась ко мне за помощью. – Я подала ему свою визитную карточку. Полицейский поднял брови. – Не будете ли вы так любезны, чтобы уделить мне несколько минут?

Сержант обдумал эту просьбу, оценивая мою внешность – отнюдь не бедствует, мой голос – образованной женщины, мою манеру вести себя – до нелепости уверенную. Демонстративно посмотрел на мою карточку. Женщина – частный детектив. Его вид говорил: ага, следующим номером появятся говорящие обезьяны.

Я не могла рассчитывать, что ему известно о моем отце – суперинтенданте полиции Уэст-Райдинга, но готова была предъявить семейные верительные грамоты. Существует прием, помогающий без единого слова создать впечатление, что у тебя есть что-то про запас. Сержант сдался.

Я проследовала за ним по коридору и вошла в гостиную, отданную под штаб-квартиру полицейского участка.

Офицера Шарпа явно взяли на службу в те времена, когда значение имели только рост и телосложение и любой достойный служитель закона походил на чемпиона-тяжеловеса.

Его редящие волосы были аккуратно причесаны. Из щек можно было выкроить второе лицо.

Как только мы оказались в его кабинете, сержант бодро предложил:

– Вам лучше сесть.

Медленно обойдя письменный стол, он уселся на мягкий вращающийся стул. Наклонившись вперед, сержант положил руки на стол и забарабанил пальцами по промокательной бумаге, выбивая какой-то мотивчик, потом поинтересовался:

– У вас есть для меня какая-то информация?

– Нет. Но после разговора с миссис Армстронг и Гарриет я посетила этим утром каменоломню. Гарриет нашла кепку своего отца. Миссис

Армстронг, естественно, крайне озабочена, и от ее имени я хочу узнать, если вы можете мне сообщить, в каком направлении ведется расследование.

– А что, сама миссис Армстронг обезножела?

– Она измучена и совсем без сил. Я сказала, что помогу, так как обладаю некоторым опытом в розыске пропавших людей. – Я сделала паузу, ожидая, пока мое хвастовство произведет впечатление. Сержант, видимо, не впечатлился. – Не будете ли вы столь любезны сообщить мне, сержант Шарп, это расследование в связи с исчезновением человека или расследование убийства.

– Убийства? – Его бульдожья челюсть отвисла. Мне открылся прекрасный вид на золотые коронки в нижних коренных зубах. – Что ж, если это убийство, то одного человека заметили днем неподалеку от каменоломни, и это сама миссис Армстронг в своей клетчатой накидке. Только у нее не достало бы силы утащить тело и где-то его спрятать.

Вид Мэри Джейн, тащившей мои чемоданы вверх по лестнице, поколебал бы его уверенность, но я оставила свое мнение при себе.

– И могу вам сказать, – он посмотрел на визитку, уточняя мое имя, – и могу вам сказать, миссис Шеклтон, что в Грейт-Эплвике нет и следа Этана Армстронга, живого или мертвого.

– Миссис Армстронг не видела своего мужа с утра субботы. Днем она рядом с каменоломней не появлялась.

– Да, так она и мне сказала. Только кое-кто другой опровергает ее слова. И вы поймете, что я не могу назвать этого человека, хотя в его правдивости не приходится сомневаться.

Человек, сказал он. Наверняка это женщина, иначе он сказал бы – мужчина. Если ее слова значат так много для полицейского, стало быть, из приличной семьи.

– Мисс Тримбл, сестра vicария? – предположила я.

Сержант нахмурился.

Я проигнорировала его недовольство.

– Гарриет нашла кепку отца под скамейкой в хибарке каменщиков этим утром. Когда вы вели поиски, было темно. Так ли уж невозможно, что вы пропустили что-то еще? Рабочие уже собираются на работу, а ведь это может быть местом убийства. Я верю Гарриет. Она видела своего отца мертвым.

Он вздохнул и медленно покачал головой, обозначая разделяющую нас пропасть.

– А вот здесь мы с вами расходимся, миссис Шеклтон. Гарриет, может, и видела своего отца лежащим в рабочее время. Все они пьют. Все они

ходят в паб, и он там бывал, я проверял. Этан Армстронг считает себя лучше других, но он, как всякий другой, перебирает лишнего. Это главный момент. Его инструмент пропал. Опять же – он повздорил со своей хозяйкой. У них это случается. Он ушел. Теперь, если Этан ушел навсегда, его жена теряет дом. Этот дом – служебное жилье. Понятно, что она хочет остаться.

– Но Гарриет видела...

– А мальчонка что-нибудь видел? Нет, не видел. – Сержант перевел дух и покачал головой. – Вы не знаете, какими бывают эти маленькие девочки, миссис Шеклтон. Маленькие девочки славятся тем, что рассказывают разные небылицы. В полиции имеются задокументированные факты. Не думаю, что это началось с войны, но число девиц, которые заявляли о своей тайной связи со шпионами и что их пытались похитить, дабы склонить к проституции, легион. Юная Гарриет Армстронг, видимо, верит своим фантазиям. В таком местечке, как это, маленькая лгунья может доставить много хлопот. Воспринимая девочку всерьез, вы лишь поощряете ее.

– Если это сочинения Гарриет, то где же мистер Армстронг?

– Насколько хорошо вы знаете Армстронгов?

Трудный вопрос, ответом на которой стало бы «совсем не знаю».

– Это семейная связь, – ответила я чистую правду. – Мой отец знал отца миссис Армстронг, мистера Уитекера. Он был полицейским в Уэйкфилде, – добавила я, надеясь вызвать чуть больше интереса.

– Он был полицейским? Что ж, тогда вряд ли он придерживался высокого мнения о своем зяте, уверяю вас.

– Почему же, офицер?

– Этан Армстронг – смутьян. Пытался подбить людей на забастовку по какому-то поводу, никак их не касавшемуся. Хотел, чтобы они поддержали шахтеров на шахте полковника за десять миль отсюда. Полковник справедливый человек и хороший хозяин. А вот Армстронгу ума недостает. Если и когда я его увижу, я задам ему пару вопросов об умышленном уничтожении солнечных часов из сланца.

– Ну уж конечно, он не стал бы разрушать свою работу?

– Никогда не знаешь, что может сделать подобный человек. Голова у него работает не как у вас или у меня.

Сержант Шарп был умнее, чем я думала. Вместо того чтобы отшить, он пытался завербовать меня в ряды рассудительных – славных людей, которые всегда разделяют разумную точку зрения.

– Но, может, вы хотя бы огордите навес каменщиков на тот случай,

если это все-таки окажется расследованием убийства?

Глазки сержанта сузились. Я перестаралась.

– Нет, миссис Шеклтон, я этого не сделаю.

– У вас не будет возражений, если я продолжу наводить справки?

– Будут, но это свободная страна, какой она не была бы, если бы люди вроде Этана Армстронга добились своего.

Глава 5

В коттедж Мэри Джейн я вернулась не сразу. Мне подумалось, что, если мисс Тримбл, сестра викария, от которой удрала Гарриет, действительно задает триста вопросов за раз, тогда, возможно, моя догадка была верной, и это она – человек сержанта, чью правдивость нельзя поставить под сомнение и который заявляет, что видел Мэри Джейн у карьера.

В церкви Святого Юстиниана сильно пахло ладаном, полиролью для металла «Брассо» и лавандовой мастикой. Я прошла по проходу в боковом нефе. Алтарь в изобилии украшали гвоздики, источая одуряющий запах.

Я недолго просидела на боковом ряду в мягком свете, проникавшем через витражное окно, прежде чем появилась мисс Тримбл. Она узнала во мне спутницу Гарриет, но подойти не решилась, пока я не улыбнулась и не подвинулась на сиденье.

– Какая красивая церковь, – заметила я, когда сестра викария села на скамью рядом со мной.

– Благодарю вас. Мы с братом отдаем все силы служению Господу и приходу. Он мог бы откликнуться на приглашение служить в Брайтоне, но ему было велено остаться здесь из-за долга перед церковью. – Некоторое сожаление в ее голосе навело меня на мысль, что она поехала бы в Брайтон, предоставив Богу разбираться с долгом.

– Я – миссис Кейт Шеклтон, навещаю сегодня миссис Армстронг.

Мисс Тримбл поправила неровно лежавший сборник церковных гимнов.

– Мисс Аврора Тримбл, сестра викария. Я уже видела вас, с Гарриет.

– Да. Ее мать попросила меня о помощи.

Я подумала, что лучше говорить прямо, надеясь, что она откликнется.

Мисс Тримбл вздохнула:

– Жаль, что миссис Армстронг не обратилась за помощью ко мне. Юной девушкой, будучи еще Мэри Джейн Уитекер и служа у доктора, она была добросовестным членом моего Общества дружбы девушек.

– Полагаю, это было давно.

– В тысяча девятьсот двенадцатом году, – сообщила мисс Тримбл. – Выйдя замуж, большинство девушек присоединяется к Дамскому обществу дружбы, хотя в случае с Мэри Джейн Армстронг этого не произошло. Я возлагала на нее большие надежды, пока... Что ж, естественно, я не могу

раскрывать чужие тайны. Но теперь я верю, что грех в большей степени лежит на других, а не на ней. У меня есть миссал^[1], который я хотела бы ей вернуть. Вот мне и хотелось поговорить с Гарриет, а заодно узнать, есть ли какие новости.

– Никаких, боюсь.

Она вздохнула:

– Жаль. Но Бог действует таинственным образом. Я знаю, что Гарриет хочет участвовать на Троицын день в процессии под церковным флагом вместе со школьными друзьями, и мне бы хотелось подбодрить ее. Если мистер Армстронг покинул деревню, тогда препятствий не будет.

– Мистер Армстронг был бы препятствием?

– Вы знали этого человека?

– Нет.

– Как ни прискорбно, но Этан Армстронг – атеист и революционер. Человек должен хранить брачные обеты... данные в этой церкви... и все же меня не удивляет, что он ушел.

– Вы думаете, он взял и ушел, не сказав никому ни слова? По-моему, это довольно странно.

– Странные люди совершают странные поступки, миссис Шеклтон. Он не разрешает детям посещать воскресную школу здесь или в часовне. Они ходят на встречи детей квакеров, и я уверена, что он запретил бы и это, если бы мог. Крайне безбожный социалист.

– Но многие социалисты – христиане.

– Он хуже социалиста. – Мисс Тримбл оглянулась. Словно боясь, что изображения святых на витраже могут услышать и ужаснуться, она понизила голос: – Этот человек – коммунист.

– Все равно я попытаюсь его найти или узнать, что с ним случилось.

– Разумеется. Так поступила бы и я. Поэтому-то я и сообщила сержанту, что тем днем во время прогулки видела у каменоломни миссис Армстронг. Я старалась быть полезной. Я считаю, что она шла умолять его не бросать семью, но ее мольбы пропали втуне.

– Вы думаете, он бросил жену и детей?

– Именно такого можно ожидать от подобного человека, от коммуниста. Конечно, Этан Армстронг жив.

– Откуда вы знаете?

– Бог не призвал бы его. Бог не принял бы его.

Что ж, вот оно: тайна вечной жизни. Стань коммунистом и живи вечно, потому что для тебя не будет места ни в раю, ни в аду.

– Вы уверены, что видели именно миссис Армстронг?

– Она носит очень приметную клетчатую накидку.

– В какое время дня это было?

– Я совершаю прогулку после дневного сна. Это могло быть около четырех часов. Я хожу мимо мельницы, за реку, вдоль железнодорожного полотна и возвращаюсь по другому мосту. Тогда-то я ее и увидела.

– А она вас видела?

– Она была спиной ко мне, шла по направлению к каменоломне.

Я начала понимать, почему Мэри Джейн попросила у меня помощи. Сержант не верил Гарриет. Мисс Тримбл рассказала небылицу о том, что Мэри Джейн вот-вот бросит муж. Если такова деревенская реакция, то Мэри Джейн должна была чувствовать себя очень одиноко.

Мисс Тримбл достала из кармана миссал в белом переплете из телячьей кожи.

Из книги выпала закладка – открытка с напечатанной на ней молитвой. Я подняла закладку и отдала мисс Тримбл, наблюдая, как она переворачивает страницы, минуя одно воскресенье за другим, перелистывая страницы помедленнее, пока не дошла до Пасхи. Она открыла книгу на богослужебных указаниях седьмого воскресения после Пасхи: Троицына дня. В этот день Гарриет надеялась надеть обновку и, возможно, принять участие в процессии. Мисс Тримбл вложила закладку.

– Пожалуйста, отдайте это миссис Армстронг, когда увидите ее. Она поймет.

Глава 6

Было восемь тридцать, когда я вернулась в коттедж. Я постучалась и открыла дверь.

Гарриет сидела за столом. Она замерла, не донеся до рта ложку с кашей. Светловолосый мальчик, сидевший рядом, поднял на меня озадаченный взгляд синих, как сланец, глаз. Из-за бледной, почти прозрачной кожи он казался цветочным эльфом, живущим на листьях колокольчика.

– Мама наверху, – произнесла Гарриет. – Можете поесть, если хотите.

– Я подожду, спасибо. – Я улыбнулась Остину: – Здравствуй.

Он что-то пробормотал с набитым кашей ртом. Обращаясь к брату, Гарриет сказала:

– Это миссис... – Она передумала или забыла мою фамилию. – Ты можешь называть ее тетя Кейт.

Остин снова что-то пробормотал. Возможно, в отличие от сестры, ему не хотелось сблизиться со мной.

– Чтобы помочь нам узнать про папу, – ответила на его бормотание девочка.

Я разобрала следующие его слова:

– Там были гоблины?

Наверное, она сказала ему, что ходила в каменоломню.

– Нет там никаких гоблинов. Это просто сказки, чтобы дети туда не ходили.

Остин положил ложку.

– Я слышал гоблина за хижинкой, хруст. Гоблин меня видел.

– Ешь кашу, – приказала Гарриет.

Я выдвинула табуретку рядом с мальчиком.

– Какой он был, этот гоблин?

– Ждал.

– Не видел он никакого гоблина, – устало проговорила Гарриет. – Если бы он видел гоблина, то и я бы его видела.

Мальчик издал возмущенный вопль.

– Я слышал, как гоблин хрустел! Он меня видел.

– Замолчи.

– Сама замолчи.

– Нет. Я первая это сказала. Ты замолчи.

Интересно, какие звуки издают гоблины? След ноги за хижиной был великоват для гоблина, но в самый раз для женщины или маленького мужчины.

У Рэймонда Тернбулла маленькие руки. А ноги у него тоже маленькие? Если Мэри Джейн придется освободить дом, он достанется ему. И у Рэймонда Тернбулла есть невеста. В ближайшую субботу он женится. На мой взгляд, на убийство у него не хватило бы духу. А вот у его отца хватило бы.

– Я поднимусь наверх поговорить с твоей мамой.

Каменные ступени узкой лестницы служили полками: на каждой ступеньке слева что-то стояло – туфли, принадлежности для чистки обуви, коробка с пуговицами, жестянка от бульонных кубиков «Оксо», из которой торчали рецепты, старая жестяная коробка из-под печенья, лопающаяся от документов.

Наверху по обе стороны от лестницы располагались спальни, та, что слева, была не больше чулана.

– Я здесь, – позвала из меньшей комнаты Мэри Джейн. Она снимала постельное белье с единственной кровати. Это была детская, и в ней воняло мочой. Всегда ли бедный маленький Остин писался в кровати или его расстроило исчезновение отца? Мэри Джейн свернула простыни в комок и бросила в наволочку со словами: – Так-то лучше. Можешь снять прищепку с носа.

Кивком она пригласила меня пройти в другую комнату, а сама без церемоний швырнула грязное белье с лестницы, ловко не потревожив жестянки, коробки и туфли.

Комната напротив была больше, но не намного. В ней стояли двуспальная кровать и туалетный столик. Мэри Джейн села на кровать и, похлопав рядом с собой, тихо заговорила:

– Гарриет сказала, что вы видели Тернбулла и Рэймонда и что она нашла кепку Этана.

– Да. А затем я пошла в полицейский участок. Боюсь, на сержанта Шарпа надежды мало. Он считает, что Этан бросил тебя.

– Я знала, что он так решит. Ты рассказала ему про кепку?

– Да, но это не произвело на него впечатления. Когда дети уйдут в школу, я хочу, чтобы мы с тобой всё осмотрели, проверили, не взял ли Этан что-нибудь из своих вещей, а может, оставил какую-то улику, которая даст нам зацепку. Сегодня я разузнаю все, что смогу, и, быть может, это заставит сержанта Шарпа продолжить поиски. Если этого не сделает он, это сделаю я.

Мэри Джейн кивнула, взяла подушку, принялась снимать с нее наволочку.

– После этого я хочу, чтобы ты отвела меня на ферму и к полковнику Леджеру.

Она выронила подушку.

– Зачем?

– На ферму – потому что я хочу поговорить с Бобом Конроем и Артуром.

– Но зачем к полковнику, я имела в виду?

– Этан послал ему записку с просьбой прийти и посмотреть солнечные часы. Если полковник приходил, то, может, оказался последним человеком, который видел Этана.

Сестра подняла подушку и прижала к груди.

– Он не пошел бы. Полковник не пошел бы в каменоломню.

– Все равно мы должны проверить. Это костюм Этана висит сзади на двери?

– Да. В карманах ничего нет. Я проверяла.

– Ты не против, если я тоже проверю?

Она пожала плечами:

– Смотри все, что хочешь.

Я отошла в сторону, пока Мэри Джейн снимала с кровати две простыни. С охапкой белья в руках она двинулась к двери. Поймав мой взгляд, сказала, словно оправдываясь:

– Хороший ветреный день для сушки белья. Мир не остановился.

Она связала простыни в узел и, швырнув его с лестницы, стала спускаться следом. Я услышала, как она разговаривает с детьми.

Я проверила карманы Этана. В брючных – ничего. В верхнем кармане пиджака завалялась пара спичек, в наружных карманах – ничего, во внутреннем кармане пиджака мои пальцы нащупали что-то, пропущенное Мэри Джейн. Это был скомканный клочок газеты, совсем крохотный, рекламное объявление. Оно гласило:

Хорошо обеспеченная и приятная дама ищет
хорошо обеспеченного, привлекательного джентльмена с
целью соединить жизни и состояния.

Ящик № 49

Я разгладила бумажку. Проверка туалетного столика не дала больше ничего интересного. Я положила объявление в карман и спустилась вниз.

Гарриет доела кашу. Мэри Джейн взяла тарелку и посмотрела на меня.

– Съешь что-нибудь?

Мне показалось невежливым отказаться, и я кивнула.

– Если хочешь, могу приготовить тебе яйцо. Джорджина Конрой, с фермы, принесла нам сегодня утром полдюжины и буханку хлеба.

– Я с удовольствием поем каши.

Капля каши упала в огонь и шипела, пока Мэри Джейн накладывала порцию из кастрюли в тарелку Гарриет и передавала мне.

Девочка заботливо подала мне чистую ложку.

Следующие десять минут дети искали обувь и пальто. Гарриет утверждала, что у нее болит голова и живот, и говорила, что чувствует себя слишком плохо, чтобы идти в школу.

– Головная боль пройдет по пути в школу, – заявила Мэри Джейн.

– А боли в животе?

– Хочешь инжирного сиропа?

Гарриет не захотела. Дети ушли в школу. И только проведив их, Мэри Джейн спросила:

– Что еще сказал сержант Шарп?

– Он не верит словам Гарриет. Говорит, что вы с Этаном поссорились, что днем тебя видели у каменоломни и что Этан тебя бросил.

– Кто меня видел?

– Это имеет значение?

– Да! Гарриет сказала, что перед тем, как ты вошла в участок, на тебя надвигалась мисс Тримбл. Это была она, да? Что ж, меня даже рядом с каменоломней не было. Я пришла туда только после шести, когда наконец-то вернулась Гарриет, сбегав до того на ферму за помощью.

– У тебя есть приметная клетчатая накидка.

– О, по-твоему, я единственный человек в Йоркшире, который носит клетчатую накидку?

– Мисс Тримбл сочувствует. Она хочет помочь. И попросила передать тебе это.

Я положила на стол миссал.

Мэри Джейн уставилась на него, а потом отвернулась.

– Пусть оставит его себе, проглотит страница за страницей и подавится, а мне наплевать.

– Ну, что бы там ни случилось в прошлом, мисс Гримбл хочет помириться. Она беспокоится за тебя и за детей. Хотя для Этана у нее доброго слова не нашлось.

– Да, думаю, не нашлось. Это она за Гарриет охотится. – У камина

стоял чан. Мэри Джейн сняла крышку, и оттуда повалил пар. Она опустила в горячую воду простыню, пихая ее, словно хотела утопить. – Она хочет заполучить Гарриет для своего драгоценного Общества дружбы девушек. Именно это дарит она своим девушкам, когда они выходят замуж, – миссал в белом кожаном переплете. Только мой она забрала назад после рождения Гарриет. Теперь же она сменила тон.

Информацию о том, что Гарриет хотела участвовать в церковном шествии на Троицу, я оставила при себе. Но Мэри Джейн, должно быть, знает, особенно если шьет дочери праздничное платье. Я вспомнила, что в ее возрасте любила шествия, потому что ощущала себя частью чего-то, испытывала чувство принадлежности.

А вот вообразить Мэри Джейн марширующей за хоругвью я как-то не могла. Сейчас она стояла у раковины, в которую пристроила стиральную доску, и оттирала куском хозяйственного мыла пятно на простыне.

– Почему ты вступила в Общество дружбы девушек?

На лбу у сестры выступила легкая испарина.

– Они ставили пьесу. Мне немного нравилось петь и танцевать, но все это было ужасной скучищей. А уж если ты попадал к мисс Тримбл, она не давала тебе улизнуть.

Простыня полетела к другому белью в чане.

– Мэри Джейн, подойди, сядь на минутку и посмотри на это.

Я показала ей газетную вырезку.

Хорошо обеспеченная и приятная дама ищет
хорошо обеспеченного, привлекательного джентльмена с
целью соединить жизни и состояния.

Ящик № 49

– Она была во внутреннем кармане Этана. Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Нет. – Мэри Джейн покачала головой и, похоже, искренне удивилась. И почти бодро добавила: – Ты думаешь, он сбежал, чтобы познакомиться с кем-то хорошо обеспеченным и приятным?

– Не знаю. А что ты думаешь?

– Если так, она отправит его назад первой же почтой. Но я не стала бы придавать большого значения газетной вырезке в связи с Этаном. Он очень увлекающаяся натура. – Мэри Джейн вернула мне объявление. – Он вырезает самые необычные заметки. – Она сказала об этом так, будто речь шла об экзотическом животном, привезенном из далекой страны и

скучавшем по диете из слизняков. – Посмотри в его книгах, если не веришь мне. Вон там.

Рядом с кухонной плитой, между комодами и буфетом, имелось пространство примерно девять дюймов в высоту и восемнадцать в глубину. Оно было заполнено книгами, томики поменьше стояли, побольше – лежали плашмя. Тут были сочинения Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Уильяма Морриса, Беньяна, Герберта Уэллса и английских поэтов.

– Возьми любую из этих книжек, и из нее посыплются вырезки, – продолжила Мэри Джейн. – А под столом стоит ящик из-под апельсинов, тоже с книгами. Он просто ходячая частная библиотека.

В детском альбоме для вырезок, лежавшем поверх книг, было наклеено ошеломляющее разнообразие газетных заметок, и ожидали своего часа заметки, еще не наклеенные и охватывающие такие темы, как контроль над рождаемостью, перенаселенность, вождь индейцев Сидящий Бык – противник переселения в резервации, недостаток населения, Дикий Билл Хикок – стрелок и разведчик с Дикого Запада, милитаризм и золотые прииски Южной Африки.

– Разносторонний человек.

Я впервые по-настоящему захотела познакомиться со своим зятем, и меня охватило дурное предчувствие, что этого не произойдет.

Мэри Джейн ушла в дальний конец комнаты и подняла крышку сундука.

– Загляни сюда, если хочешь. Это всё его документы по профсоюзам и политике. – Она подняла папки и конверты. – Тут всего полно – протоколы собраний, письма, резолюции и бог знает что. Этан уже давно оставил попытки заинтересовать меня этим.

Я глянула на материалы, озаглавленные «Профсоюз рабочих каменоломен». В конверте с разрозненными листами бумаги лежали и вырезки из «Дэйли геральд», одна из них – письмо самого Этана, посвященное плохому здоровью рабочих каменоломен и опасным условиям их труда.

– Этан когда-нибудь думал сменить род занятий? Стать кем-то другим – не каменщиком?

Она улыбнулась:

– Политиком, ты имеешь в виду, или освобожденным профсоюзным деятелем?

– Ему, похоже, нравится бумажная работа.

Мэри Джейн засмеялась, и тревога покинула ее просиявшее лицо.

– Именно это я ему и говорила. Но он не всегда был настолько увлечен

предложениями и резолюциями. Счастливее всего он чувствует себя, когда помогает на ферме Конроев, вечером в субботу или в воскресенье, на свежем воздухе. Одно время он хотел, чтобы Остин стал каменщиком, но вроде потом передумал. Без конца говорит об образовании. До него еще не дошло, что книжным червем будет Гарриет.

Просматривая материалы из сундука, я вдруг поняла, что в полиции, вполне вероятно, имеется досье на Этана Армстронга и его деятельность. Не то чтобы мой отец упоминал о данном аспекте работы констеблей, но я об этом знала. Люди, считавшиеся радикалами и потенциальными революционерами, привлекали определенное внимание властей начиная еще с 1911 года и даже раньше, насколько мне было известно.

Я убрала в сундук коричневые папки и конверты, а газетную вырезку о хорошо обеспеченной женщине положила в свою сумочку.

Обвела взглядом помещение.

– Этан что-нибудь забрал? Что-то, на что в тот момент ты не обратила внимания? Сумку, или одежду, или документы? У него есть банковская книжка?

– Он ушел в том, во что оделся утром в субботу.

– В каменоломне мы видели Рэймонда. Он сказал, что инструменты Этана исчезли. Это что-нибудь значит?

– Это может значить, что кто-то их стырил.

– Мог Этан уехать куда-то в поисках работы?

– Зачем ему так поступать в субботу, и словом не обмолвившись? Это бессмысленно. Единственные деньги, кроме тех, что на домашние расходы, принадлежат союзу. Они лежат в одной из жестянок на лестнице. Этан казначей и собирает взносы. И еще до твоего вопроса я посмотрела. Не пропало ни пенни.

– Что еще есть на лестнице – в коробке из-под печенья, которая не закрывается?

– Полисы, свидетельства о браке и рождении детей. Посмотри, если хочешь.

Мэри Джейн явно надеялась, что я не стану этого делать, но я взяла несколько жестянок и принялась изучать их содержимое.

– Полиция заинтересуется документами, если всерьез воспримет исчезновение Этана, и поэтому я вполне могу просмотреть их сейчас.

– Поступай как знаешь. Ведь это же я обратилась к тебе за помощью. Но в этом нет ничего для тебя интересного.

Она забрала жестяную коробку из-под мясных кубиков «Оксо» и поставила назад на ступеньку. Я перебрала документы в коробке из-под

печенья.

– Ты застраховала жизнь Этана.

– А он – мою. Но я бы не стала убивать его из-за этого. Здоровый бедняк дороже живой, чем мертвый.

Мэри Джейн вынула из-под раковины ведро.

– Надо сходить за водой к колодцу. – Она вздохнула. – Когда твои новые родители уносили тебя из нашего дома в Уайт-Свон-ярде, я плакала. Возможно, плакала потому, что забирают не меня.

Ведро звякнуло о дверь, когда она выходила. Я вернула жестянку с документами на лестницу и проверила другую, из-под «Оксо». Под рецептами я нашла книжку Йоркширского сберегательного банка на девичью фамилию сестры: М. Д. Уитекер. На ее счету, открытом в 1911 году в размере ста пятидесяти фунтов, лежало теперь триста фунтов. Это была громадная сумма для девушки, работавшей в услужении. Более того, Мэри Джейн ни разу не снимала деньги. Редкие пополнения счета всегда были не меньше двадцати фунтов. Что бы Этан ни давал ей на домашние расходы, даже если его зарплата и росла, сестре не удавалось бы сэкономить такие единовременные суммы. 1911 год. Двенадцать лет назад. Я подсчитала, что первый вклад был внесен за год до брака Мэри Джейн. Из того немногого, что мне пока удалось узнать о нашей общей истории, наследство представлялось крайне маловероятным. Бедные, а не богатые отдают своих детей на усыновление. Я убрала банковскую книжку в ее потайное место и поставила жестянку на лестницу. Может, Мэри Джейн действительно моя сестра, но она совсем меня не знает.

Глава 7

Пешая прогулка до фермы Конроев даст мне время подумать. Мэри Джейн объяснила, куда идти, но сама не пошла, сказав, что останется на месте – а вдруг появятся новости.

Солнце заливало своим сиянием великолепные просторы цветущих лугов по ту сторону каменной стены, и поэтому трудно было вообразить, что Этан встретил какой-то страшный конец. Эти красоты показались мне идеальным местом, чтобы растить детей. Мэри Джейн содержала свой коттедж в безупречной чистоте. Она ворчала, но я могла представить, почему она не желала отсюда уезжать. Мне стало интересно, что же она от меня скрывает и почему. Видит бог, со мной очень приятно поговорить. Я не болтаю всем подряд о том, что у меня роман с сотрудником Скотленд-Ярда, что в прошлом году я едва не совершила большую ошибку, спутавшись с ветреным психиатром, что я принимала решения, из-за которых едва не потеряла своего очень ценного помощника, и что я сохранию секрет, от которого зависит жизнь человека. Не говоря уже о том, что пять лет спустя после получения телеграммы со словами «пропал без вести, считается погибшим» я все еще жду, что Джеральд войдет в дверь.

Я договорилась о посещении на следующей неделе очередного госпиталя, на этот раз в Кэттерике. Я не настолько глупа, чтобы думать, будто найду там Джеральда. Но всегда есть слабая возможность, что его проглядели в маленьком госпитале, что он потерял память или что его нашли во Франции и перевезли домой.

Поэтому если у Мэри Джейн имеется тайный банковский счет, это ее дело. Или нет? Дает ли мне право совать нос во все углы ее жизни тот факт, что она попросила моей помощи в поисках Этана?

Старая ломовая лошадь взглянула на меня и вернулась к своему занятию – щипать траву и клевер. Указатель обозначил тропинку на Литл-Эппвик.

Я прошагала по широкой грунтовой дороге, которая вывела к реке и старому каменному мосту. Задержавшись, чтобы посмотреть на стремительный поток, я почувствовала себя в другом времени, когда этот мост только построили, а карьер был нетронутой горой. Что-то ударило о мои ноги, заставив меня очнуться от грез.

Это был черно-белый пес, овчарка, с обрывком веревки на ошейнике. Пес вилял хвостом, прося погладить его по голове. Я повиновалась, а потом

мы трусцой перешли мост вместе.

У железнодорожного пути пес остановился и посмотрел налево и направо, потом поднял ко мне морду, словно говоря, что переход безопасен. В отдалении загудел поезд, отходя от станции Хорсфорт.

Я ожидала, что в этом поселении не будет ничего, кроме фермы, но мы миновали гостиницу и пивоваренный завод, а далее – заброшенный коттедж с полупровалившейся крышей. Из-за сломанной входной двери, висевшей на одной петле, высывал длиннющие цветущие ветки яркий бобовник.

После заброшенного коттеджа дорожка сузилась. Восточный ветер порадовал меня ароматом разбрасываемого навоза.

После межевого камня, обозначающего границу прихода, направо пошла еще более узкая дорожка. За сложенными без раствора каменными стенами паслись на полях овцы, со вкусом ощипывая грубую траву, ягнята неуверенно ковыляли вслед за ними. На следующем поле, не отрываясь от жевания сена, подняла дружелюбную морду корова и посмотрела на меня.

Собака терпеливо ждала, пока я открою ворота фермы, а потом помчалась вперед, оставив меня позади.

Двухэтажный фермерский дом насчитывал, наверное, лет двести. С виду он был в хорошем состоянии, с надежной сланцевой крышей. Из трубы поднимался дым. Вокруг располагалось несколько старых амбаров и сараев. Пара свиней обнаружила меня раньше, чем я их. Они захрюкали громко и немного насмешливо.

Я угодила ногой в дурно пахнущую грязь и после этого уже внимательно смотрела, куда ступаю. Из хлева слева от меня донеслись овечьё блеяние и тихий голос:

– Привет!

Я заглянула внутрь, глазам потребовалось мгновение, чтобы привыкнуть к темноте. Дружелюбный пес, уже без веревки, подошел ко мне.

Мужчина с седыми, торчащими из-под кепки растрепанными волосами стоял на коленях рядом с молчавшей овцой. Он не повернул головы, чтобы не отвлекаться от своего занятия – засовывания руки в чрево овцы, и спросил:

– Вы привели пса назад?

Догадавшись, что обращается он не к овце, я ответила:

– Он сам себя привел.

Мужчина кивнул на пса:

– Где он был?

– На мосту.

– Не в его привычках исчезать. – Пес перевел взгляд с него на меня, понимая, что является темой беседы. – Ну, давай же, старушка, – стал упрашивать овцу мужчина. – Теперь он лежит правильно. – Он сел на пятки, вытирая руки старой тряпкой. Появилась голова ягненка. Мы оба наблюдали, как малыш протиснулся в этот мир. Крохотное создание с испачканной кровью светлой шерсткой с трудом вставало на ножки.

– Я ищу Артура.

– Тогда вы его нашли.

– Я Кейт Шеклтон, помогаю Мэри Джейн Армстронг в поисках ее исчезнувшего мужа. Простите, я не знаю вашей фамилии.

– Можно обойтись и без нее.

– Артур, как я понимаю, в субботу к вам со своей бедой пришла Гарриет.

– Ага, и вот уж доставила мне хлопот с этой своей историей.

Взглядом он следил за ягненком, наконец вставшим на ноги.

– Я так понимаю, она искала Боба Конроя. Его здесь не было?

– Она со всей мочи барабанила в дверь фермы и пришла ко мне, когда не получила ответа. – Артур встал и потянулся. – Я доил, – указал жестом на овцу. – Это не моя работа. Я пастух, но тут так заведено, все помогают, если необходимо.

– С вашей стороны было любезно пойти с ней.

– Само собой, Этана там не было. – Артур достал трубку, наблюдая, как овца облизывает ягненку голову. – Я рад, что юная Гарриет не нашла Боба Конроя.

– Почему же?

– А вы не знаете? Младший брат Боба Саймон встретил свой конец в том карьере во время последнего окота.

– А что случилось?

Артур чиркнул спичкой о камень.

– Ему сказали, что в каменоломню забрела овца. Это было воскресенье, поэтому никаких рабочих. Саймон пошел сам, чтобы поймать и привести животное назад. Бедняга не пережил ужасного падения. Говорят, что в субботу Гарриет видела его призрак.

Аромат трубочного табака смешивался с запахом сена и навоза. Я решила, что у Мэри Джейн не было причин упоминать эту более раннюю смерть. Но это заставило меня взглянуть на каменоломню с другой стороны. Неудивительно, что дети боялись.

– А вообще что-нибудь необычное в каменоломне вы увидели, когда

пришли с Гарриет?

Артур затаился.

– Необычное или нет, откуда мне знать. Я только дошел до того места, а по каменоломне не ходил.

– К тому времени, когда туда попала миссис Армстронг, солнечные часы были разбиты.

– Ко мне это не имеет никакого отношения. Я их и пальцем не коснулся.

– А вы вообще куда-нибудь выходили днем в субботу, после часа? Мне интересно, не видели ли вы кого-нибудь у каменоломни.

– Не видел никого, кроме коров, овец и ягнят. Я ем, сплю и вижу сны о коровах, овцах и ягнятах. И теперь, без помощи Этана, приходившего сюда после чая, гораздо тяжелее обычного.

– Этан много помогает на ферме, да?

– Да, когда не занимается переустройством мира. И прежде чем вы спросите, он ничего не говорил мне о том, что собирается смыться, и я не представляю, куда он мог уйти. Я только надеюсь, что Гарриет ошиблась.

– На прошлой неделе он приходил сюда помогать?

– Приходил, да, но не помогать. Он тяжело воспринял сообщение Боба о том, что тот собирается продать ферму полковнику. Этан был очень недоволен, что Боб отказывается от нее после всех этих лет.

Вот еще кое-что, о чем Мэри Джейн и не подумала упомянуть. Я сделала вид, будто знала.

– Когда Этан узнал, что Боб продал ферму?

Ошибка. Артур занялся остатками чая в жестяной кружке, притворившись, что не услышал моего вопроса. Но я догадалась, что продажа произошла недавно. Артур еще с ней не примирился. Новые владельцы не всегда хотят держать на работе старика.

– Я не из простого любопытства спрашиваю, Артур. Я только хочу помочь Мэри Джейн найти Этана, если он все еще жив.

– Я это понимаю, миссис. – Он выплеснул чайные листья из кружки на грязную солому.

– Тогда позвольте мне задать еще один вопрос. Вы сказали, что Этан приходил сюда на прошлой неделе, но не помогать. Он был здесь по какой-то другой причине?

Артур пожал плечами:

– Он заходил в дом, вон в тот. Не спрашивайте меня зачем. Я к этому касательства не имею.

– Спасибо. Надеюсь, у вас все устроится. Возможно, вы останетесь на

своем месте, когда ферма сменит хозяев.

Уголки его губ опустились, когда старик издал подобие смеха.

– Полковник здесь ферму не оставит. Мы все знаем, что он сделает.

– И что же?

Ответа на свой вопрос я не получила.

Я пошла к дому, а Артур направился в коровник. Да, прошлая неделя выдалась неважной для Этана Армстронга. Его друг продал ферму полковнику, без сомнения, разжиревшему капиталисту, по мнению Этана, он проиграл при голосовании о забастовке и поссорился с Мэри Джейн. Видимо, из-за всего и ничего, как она сказала. Но была ли у нее от него тайна – например, вклад в банке? Если так, возможно, ссора могла оказаться гораздо серьезнее, чем она утверждала.

Я постучала в дверь фермерского дома. Дверь открылась только через минуту или около того. Приветливо улыбающаяся женщина в темном платье тепло со мной поздоровалась. Я представилась, исполняя свою арию о расследовании исчезновения Этана.

Женщина посторонилась, пропуская меня в дом.

– Я вас ожидала.

Я шагнула на коврик у двери, пытаюсь вытереть туфли, а потом решила, что лучше всего вообще их снять.

– Нет, не снимайте обувь. У нас тут без церемоний. Мы к навозу привычные. Проходите и садитесь. Я Джорджина Конрой.

Джорджина была привлекательной, но не в обычном смысле этого слова. Привлекательность заключалась в ее живости, энергии и готовой улыбке. Засучив рукава платья, она умело взяла бутылку с соской.

– Проходите, садитесь у огня и грейтесь. Можете говорить со мной, пока я поддерживу вон то создание по эту сторону рая.

В коробке у очага лежал, свернувшись, ягненок. Присев, Джорджина сунула ему в рот соску.

– Я могу одновременно слушать и кормить, а через минуту сделаю нам чай. Ах, что за напасть – это я про исчезновение Этана. Сегодня утром я отнесла туда яиц, надеясь, что у Мэри Джейн есть новости.

Все ее внимание переключилось на ягненка, и некоторое время мы молчали.

Сидя в уютной комнате перед жарко горящим огнем, я впервые за тот день расслабилась. На мгновение я забыла, что мне нужно работать. Хотя двор фермы выглядел довольно захудало, дом представлял собой разительный контраст. В нем пахло свежее испеченным хлебом. Графитовые очаг и камин блестели, тщательно надраенные. На крюках на стене сияли

медные кастрюли и грелки. На плите пел почерневший чайник.

Выложенный плиткой пол был выкрашен чем-то красным, возможно, суриком, и по всей его поверхности были разбросаны вязаные коврики разного возраста, размера и цвета. Мебель состояла из тяжелого старого дубового буфета, в котором красовалась сверкающая посуда, внушительного стола, накрытого практичной клеенкой, крепких стульев вокруг него и пары кресел-качалок у камина. Чисто выскобленный стол поменьше стоял у большой плоской раковины.

– Прошу прощения. Я сейчас подам вам чаю.

– Не волнуйтесь из-за этого. У вас и так забот полон рот.

– Не настолько уж полон, чтобы забыть о приличиях. Но вы правы. На ферме работа никогда не кончается. Поэтому ни меня, ни Боба не было здесь в субботу, когда пришла Гарриет.

– Если это такая тяжелая работа, возможно, вы не опечалитесь, сменив место жительства.

Джорджина вздохнула с видом такого искреннего сожаления, что я почувствовала всю бестактность своего замечания.

– Мне будет очень жаль уехать с этой фермы, но мы годами бедствовали, а после трагедии прошлого года стало еще хуже.

– Эта каменоломня, похоже, несчастливое место.

– Да. Боб очень огорчился, что его не было здесь, чтобы помочь этой девочке, и почти так же огорчился, что... – Она умолкла.

– Что?

– О, ничего. Мне не следовало говорить. Я слишком много болтаю.

Есть ли более желанный для детектива человек, чем болтун?

– Миссис Конрой, я пытаюсь выяснить, что произошло в субботу. Если вы можете каким-то образом помочь, я буду крайне признательна.

– Что ж, Этану очень не понравилось, когда Боб сказал ему, что продает ферму. Эта ферма всегда была его прибежищем, когда у них с Мэри Джейн случались размолвки. Боб поссорился из-за этого с Этаном и ходил сам не свой. И поэтому так сильно огорчился, что отсутствовал и не помог Гарриет – будто бы дважды подвел Этана.

– Где был Боб в тот день?

– На дальнем поле, прочищал канаву. Учитывая размеры хозяйства, большую часть времени мы все чем-то заняты, а сейчас у нас заканчивается окот, поэтому несколько дней мы вообще работаем сутки напролет. Я пошла проверить овец, пока Артур доил. – Джорджина похлопала ягненка и встала. – Теперь уж я заварю чай. Артур тоже не откажется от чашечки.

В окно я увидела девочку, подметавшую двор. С виду ей следовало бы

ходить в школу.

– Это ваша дочь?

– О нет. У меня нет детей. Это просто девочка, которая мне помогает.

– Она очень юная.

– Ей исполнилось тринадцать. Я держу ее, по сути, из милости. Уверена, что в деревне есть девочки постарше, которые справились бы лучше, но не могу ее прогнать. – Миссис Конрой постучала по стеклу. – Она может выпить чаю и мужчинам отнесет.

Девочка быстро обернулась. Угрюмая малышка. Мгновение спустя она бросила метлу и вошла в дом, не забыв вытереть ноги. Не обращая внимания на нас двоих, она прошла к ягненку, погладила его по голове и прошептала ему пару слов.

Миссис Конрой позвала ее:

– Отнеси этот поднос Артуру и, если увидишь мистера Конроя, скажи, что у нас гостя.

Девочка вышла, мы остались сидеть за столом. Джорджина Конрой вернулась к теме пропавшего Этана.

– В воскресенье я заставила Мэри Джейн с детьми прийти сюда на обед. – Она печально покачала головой. – Правда, есть ей не очень-то хотелось.

– Вы так добры.

– А на что же нужны соседи?

– Вашему мужу, наверно, непросто было решиться продать ферму.

– Ему пришлось. – Джорджина отвернулась, чтобы я не видела слез в ее глазах, достала из кармана передника носовой платок и высморкалась. – Он отличный парень, Этан Армстронг. Человек принципа, даже если временами и заблуждается. Боб пытался убедить его выставить свою кандидатуру в парламент, вы об этом знали?

– Нет.

– На прошлой неделе Этан приходил ко мне поговорить. Было такое впечатление, что между ним и Бобом пробежала черная кошка. А Мэри Джейн и Этан были как масло и огонь.

– Что он сказал?

Миссис Конрой покачала головой:

– Некрасиво, наверно, это повторять. Но он сказал, что ему только что пришлось уйти из дома. Мэри Джейн никогда не скрывала своего недовольства. Но, с другой стороны, все эти собрания, на которые он ходит... У меня на месте Мэри Джейн возникли бы подозрения.

Ее слова дали мне повод задать вопрос. Я достала газетную вырезку.

– Это вам о чем-нибудь говорит?

Я передала ей объявление, хотя и без особой охоты, потому что это являлось вмешательством в частную жизнь Этана и Мэри Джейн. Если миссис Конрой свободно разговаривала со мной, возможно, она все расскажет и другим. Однако она казалась женщиной порядочной, обожающей Этана, Мэри Джейн и детей.

Хорошо обеспеченная и приятная дама ищет
хорошо обеспеченного, привлекательного джентльмена с
целью соединить жизни и состояния.

Ящик № 49

Джорджина посмотрела на заметку.

– Откуда она?

– Из пиджака Этана.

– Вы показывали ее Бобу?

– Я еще не встречалась с вашим мужем.

– Что ж, если кто и знает, то это Боб, но мне он ничего не говорил. Я знаю, что Этан был несчастлив, но не подумала бы, что он станет отвечать на объявление в газете. Кроме того, это ведь двоеженство, верно? А Этан законопослушный человек, хотя и революционер.

– Миссис Конрой, если вы знаете что-нибудь – даже если это кажется вам маловажным, – что помогло бы с разрешением этой загадки, прошу вас рассказать.

Джорджина вздохнула:

– Даже не представляю. Мне вот интересно, не вскружила ли ему голову какая-нибудь пылкая социалистка, исповедующая свободную любовь. Но это всего лишь предположение.

– Я разговариваю с каждым, кто способен оказать помощь, – настаивала я. – Может случиться так, что какая-то сказанная вами мелочь в соединении с чем-то еще обретет смысл.

Миссис Конрой немного подумала и говорить, кажется, не хотела. Я ждала.

Она высморкалась.

– Не поймите меня неправильно. Я бы не сказала об этом никому в деревне. Я говорю вам откровенно и в этих четырех стенах, потому что вы взялись помочь Мэри Джейн. И, надеюсь, вы сможете, и надеюсь, что я ошибаюсь. Я сочувствую ей, потому что она была здесь пришлой, как я, а здешним людям понадобится четверть века, чтобы сказать вам прямо в

лицо, что вы никогда не придёте к двору. Но о ней в деревне говорят так, как не говорят обо мне, поскольку я не даю им пищи для болтовни.

– Что о ней говорят?

– О, это чепуха. Сплетни и злословие. Одни домыслы и никаких фактов.

– Дальше меня это не пойдёт. Я хочу помочь, если получится.

– Я не знаю, что люди о ней говорят. Когда они видят меня, то перестают шептаться. Я лишь слышу ее имя, вот и все.

– В связи с каким-то другим именем? – не отставала я.

– Да. В связи с именами тех, на кого она когда-то работала.

– Врача?

Я вспомнила, как мисс Тримбл говорила мне, что Мэри Джейн служила у него.

– Нет. Не врача. Перестав работать у доктора и его жены, она на несколько лет пошла в услужение в большой дом, к Леджерам. Этан считал, что все ее светские замашки оттуда. Коттедж стал для нее не слишком хорош, когда прошла новизна. Но я не виню Мэри Джейн и не виню Этана. – Ее голос смягчился, когда она упомянула имя Этана. – Он был очень добр ко мне. – Миссис Конрой заколебалась. – Есть еще кое-что.

– Да?

– Мне ужасно не хочется нарушать тайну... – Она сунула руки в карманы фартука. – Как-то вечером на прошлой неделе, когда Боб был в «Руне», Этан приходил ко мне поговорить. Они с Бобом тогда еще не поссорились. Этан просил у меня совета.

– О чем?

– О себе и о Мэри Джейн. У них произошла крупная ссора, он не сказал, по поводу чего. Он сказал, что было бы неплохо, если бы она хотя бы больше симпатизировала делу, как он его называл.

– Тогда он должен считать, что вы симпатизируете... делу.

– Я? Да я совершенно не разбираюсь в политике, но у меня правило: никогда не возражать, и мужчины думают, что ты согласна, а это всегда лучшая политика.

– Спасибо, что рассказали мне об этом.

– Прошу вас, не говорите Мэри Джейн. Ему не следовало приходиться. Мне было бы очень обидно, если бы она узнала. Семейные неурядицы касаются только их двоих.

Она стояла у двери, провожая меня. Когда я покидала ферму, девочка мела двор и дразнила пса, который бросался на метлу, виляя хвостом и желая поиграть.

– Умный пес. Кто сам нашел дорогу назад от этих плохих детей, плохих, плохих, плохих, плохих.

– А куда же ушел пес? – спросила я. – Его кто-то увел?

Девочка притворилась, что не слышит меня.

Казалось, ей нравится беседовать с животными, но не с людьми. Я последовала ее примеру и обратилась к псу, поглаживая его по голове:

– Ты привел меня сюда, правда? Как тебя зовут?

Поскольку пес не ответил, за него ответила девочка:

– Билли.

– А что за дети увели тебя прочь, Билли?

– Тебя увели Гарриет и Остин, – сообщила псу девочка. – Но ты вернулся.

Глава 8

Яркие простыни и наволочки вздымались на ветру на заднем дворе у Армстронгов. Очевидно, Мэри Джейн не позволила возможной трагедии помешать домашним делам. Она стояла у двери, выбивая лоскутный коврик, и остановилась, когда я подошла на расстояние слышимости.

– Ты не поверишь, что учудили мои дети!

– Они же в школе, разве нет?

– Ха! Отправились в школу, как пай-детки, но туда не пришли. Какой-то ребенок принес мне записку от учительницы об их отсутствии. И куда бы, ты думала, они пошли?

Терпеть не могу, когда люди задают вопросы, желая что-то вам поведать, но я поддержала эту игру.

– Ума не приложу, куда они пошли, Мэри Джейн.

Я прошла за сестрой в дом, где она аккуратно положила выбитый коврик.

– На ферму они отправились, прокрались, если хочешь, взяли их пса, привязали его на веревку и дали понюхать кепку Этана. Они обыскивали поля и канавы. Выставили меня такой дурой перед учительницей.

Это объясняло бегавшую на воле овчарку. Видимо, ей надоело, что ее заставляют служить, и она сбежала.

– Бедные дети.

– Да, и в самом деле бедные дети. – Она уставилась на мои перепачканные грязью туфли, когда я уселась в единственное хорошее кресло. – Но они хотя бы пытались.

Иными словами, я не пыталась.

– Послушай, Мэри Джейн, ты не была со мной откровенна. Ты заставила меня думать, что, будь у тебя хоть малейшая возможность, ты бы в два счета покинула этот дом с его колодцем и тяжелой работой и эту деревню, где, по твоим словам, тебя никто не любит. А затем я узнаю, что Этан мог получить работу в Йорке. И ты не сказала мне, что его уговаривали выдвинуть свою кандидатуру в парламент.

Она пренебрежительно отмахнулась:

– Ах, это.

– Ты говоришь, что мисс Тримбл тебя не любит, но не говоришь почему. Тебя не любит сержант Шарп, но ты не говоришь почему. Ты сказала, что приехала в Грейт-Эпплвик работать у врача...

- Сначала я у него и работала.
- ...а теперь я обнаруживаю, что ты работала у полковника Леджера...
- У миссис Леджер...
- Стало быть, у миссис Леджер. Поэтому не сходишь ли ты в поместье и не задашь ли простой вопрос? Ходил ли полковник Леджер в каменоломню в субботу?

Дом поражал безукоризненной чистотой, но Мэри Джейн бросилась на какое-то пятнышко на каминной решетке, оттирая его тряпкой.

– Мне не придется спрашивать, потому что, поработав там, я прекрасно знаю, что полковник не пошел бы в каменоломню. Что касается нелюбви ко мне сержанта Шарпа, что ж, тут нет никакой тайны. Если хочешь знать, я однажды над ним посмеялась.

- Почему?
- Потому что глупая была и не смогла удержаться.
- Что же было смешного?
- На любом деревенском празднике он встает и декламирует стихи. Если бы Этан предупредил меня, что это не комический номер, я бы так не оконфузилась. Я смеялась и не могла остановиться. Когда же поняла, что он это всерьез, то попыталась изобразить кашель, как будто у меня запершило в горле.

- Он бы не запомнил и не затаил бы на тебя зуб.
- Еще как затаил. Он читал Горация. – Мэри Джейн выпятила грудь, набрала воздуха и принялась декламировать: «Ларс Порсенна из Клузия, он поклялся девятью богами, что великий дом Тарквиния не должен более страдать от невзгод». А остановиться мне не давали все эти его драматические жесты. «Восток и запад, и юг, и север», размахивая руками туда-сюда.

Несмотря на мое раздражение по отношению к ней, она меня рассмешила. Я представила серьезный момент и хихикающую Мэри Джейн.

- А что насчет мисс Тримбл? Ты и над ней посмеялась?
- Мэри Джейн испустила вздох.
- Ты с каждым это проделываешь, для кого работаешь? Выпытываешь историю жизни? В смысле, скажем, я ограбила банк, какое это имеет отношение к исчезновению Этана и к тому, найдешь ли ты его? – Она взяла висевшее на дверце плиты кухонное полотенце и повесила его на крючок. Миссал, переданный мисс Тримбл, по-прежнему лежал на столе. Она взяла его. – Я вполне могу тебе рассказать, или это сделает кто-то другой. Когда девушки из ее Общества дружбы выходят замуж, мисс Тримбл дарит им

миссал в переплете из белой телячьей кожи. Она следит за календарем, и если первые роды случаются раньше девяти месяцев после свадьбы, она забирает миссал.

– О, ясно.

– Теперь ты понимаешь, что за местечко Грейт-Эпплвик. Мне следовало уехать, когда у Этана была возможность.

– Почему же ты этого не сделала?

– Не знаю. Не могу вспомнить. – Сжав кулаки, Мэри Джейн застонала от досады.

– Должна быть причина, чтобы ты не уезжала. Это же всего лишь в Йорк, не на другой конец света.

– Из-за детей, – тихо проговорила она. – Я думала о детях, если уж тебе так нужно знать. – Неубедительный ответ, но придется принять. Пока. Она сменила поведение, раздражаясь на меня. – И я же говорила тебе, что от сержанта Шарпа помощи не дождешься. Он думает, что я разбила солнечные часы и выгнала Этана. В его понимании Этан – революционер, а я – не лучше, чем мне следует быть.

Мы топтались на месте.

Время двигаться.

– Идем, Мэри Джейн. Ты покажешь мне дорогу в поместье. Нам нужно спросить у полковника Леджера, ходил ли он в каменоломню или Этан приходил повидаться с ним.

– А ты не можешь сходить одна?

– Мне нужно, чтобы ты показала мне дорогу.

Я предположила, что Леджеры с большей охотой ответят на вопросы, если я приду с Мэри Джейн, их бывшей работницей, ныне – барышней в беде.

По голубому небу неслись белые облака. Мимо нас прогрохотал по булыжной мостовой мужчина с тележкой. Из булочной вышла женщина с корзинкой на руке.

Владелец тележки с помощником передвигали к подвальной двери за «Руном» бочонок с пивом. Потертая вывеска паба поскрипывала на ветру, краска на ней шелушилась. На вывеске красовалась чересчур шерстистая овца, чудесным образом висевшая в воздухе, спина изогнута, глаза закрыты.

Терпеливая ломовая лошадь с пивоварни била копытом о землю, из ноздрей в утреннем воздухе вырывались маленькие облачка пара.

Когда мы дошли до военного мемориала, я остановилась. Мэри Джейн встала рядом со мной.

На последние несколько часов я выбросила из головы мысль о том, что Мэри Джейн моя сестра. Теперь же я задумалась о том, что недавние годы означали для этой моей семьи, о которой я ничего не знала.

– Мэри Джейн, а кто-нибудь из нашей семьи погиб на войне?

– Да. Наш брат Берт, кузен Джеффри и дядя Томми – брат нашего отца.

– Не слишком ли стар был дядя Томми, чтобы идти на фронт?

– Был. Он воевал почти до конца, думая, что приглядит за их Джеффри и нашим Бертом.

Мэри Джейн смотрела, как я читаю имена на стеле военного мемориала.

– Имя твоего мужа тоже поместят на одной из таких стел, Кэтрин.

– Да.

Я расходилась с семьей Джеральда в одном – не соглашалась с их желанием выбить его имя на плите их местного военного мемориала в списке погибших. Почему он должен там быть, спрашивала я. Пропавший без вести не обязательно означает мертвый. В конце концов они выбили его имя без моего разрешения.

Я немного встряхнулась.

– Идем. Нам нужно в поместье.

В движении Мэри Джейн, похоже, почувствовала себя лучше, ведя меня к началу Таун-стрит и показывая на химический завод и фабрику.

Я пыталась представить, каково ей было приехать сюда юной девушкой и устроиться на работу, далеко от семьи.

– А где дом врача, к которому ты приехала работать?

– Там, недалеко от дома викария.

Мы свернули на узкую дорогу, где Мэри Джейн остановилась.

– Отсюда ты найдешь дорогу сама, иди по Задней улице, мимо водоема и дальше по дороге.

– Мэри Джейн, мы делаем это вместе.

Она насмешливо фыркнула:

– Это бессмысленно. Полковник не побежал бы в каменоломню по требованию Этана. Только не человек его положения. Тебе не нужно вовлекать его в это.

– Ты попросила меня провести расследование. Позволь же мне решать, с кем нам нужно поговорить, а с кем – нет.

Она помедлила, а потом пошла в ногу со мной. Мы молча шли по узкой дороге, между рядами лип. Солнце падало на идущую Мэри Джейн сквозь лиственный узор, так что при каждом шаге она оказывалась то на свету, то в тени.

Ты моя сестра, а я не знаю, что о тебе и думать. Я чувствую подозрение и недоверие, словно ты затянула меня в сеть.

Внушительный дом возник неожиданно, за низкой каменной стеной, сложенной без раствора. Благодаря удаленности от фабричной трубы и дыма песчаник не почернел, но сохранил тепло присущего ему цвета. С безукоризненно содержащейся подъездной аллеей и обширным парком, жилище сразу производило безошибочное впечатление, свидетельствуя о прочном привилегированном положении своих владельцев.

– Расскажи мне о Леджерах, Мэри Джейн. Полковник Леджер нанял Этана, чтобы сделать солнечные часы. И он владеет каменоломней...

– И всеми здешними каменоломнями, и шахтами. Его семья изначально занималась стекольным делом. Крупные землевладельцы были со стороны миссис Леджер. У них же была и доля в фабриках.

– Что он за человек?

– Доступный. Люди его любят.

По обе стороны от железных ворот сидели вырезанные из камня львы. Я погладила по гриве ближайшего ко мне.

– Прогулка не придала тебе мужества? Полезем в логово льва Леджера? – Она не ответила. – Тебе нужно задать полковнику Леджеру достаточно простой вопрос. В конце концов, он работодатель твоего мужа.

– Я не могу. Не могу унижить себя вопросом. – В ее голосе послышалась горечь. – Этан не ушел бы, не сказав никому ни слова. Просто не мне он сказал, вот и все. Знает кто-то другой, но не полковник.

– А что собой представляет миссис Леджер?

– Она... изысканная. Ты никогда такой не встречала.

– Как ты попала к ним в услужение, если сначала работала у доктора и его жены?

– Я понравилась миссис Леджер, когда приносила сюда лекарства. Она спросила у доктора, могу ли я перейти к ней. Ну, мне было всего пятнадцать лет, и я ужасно радовалась, что меня выбрали. Я работала у них до замужества. – Казалось, Мэри Джейн сейчас заплачет, словно присутствие здесь вызвало воспоминания, которые она предпочла бы забыть. – Когда я уходила, миссис Леджер думала, что я выйду за Боба Конроя и буду жить на ферме. Между их семьями давняя связь. Но я вышла за Этана и знаю, что она была разочарована. А потом, на прошлой неделе, Этан попытался подбить рабочих на забастовку из-за какого-то происшествия на одной из шахт. И я пожалела тех людей на шахте, которым урезали зарплату, и Этан собрал пожертвования. Почему этого было недостаточно? Этан был очень доволен. Он проиграл битву, сказал он,

но выиграл войну. Мне так все это не понравилось. Миссис Леджер посмотрит на меня и ничего не скажет, но подумает, что я вышла не за того человека. А это не так, Кейт. Я люблю Этана.

В глазах ее стояли слезы, и теперь я почувствовала себя гадко из-за того, что слишком давила на сестру.

– Возвращайся в коттедж. Я приду туда, когда закончу.

Я в последний раз похлопала льва и вошла в ворота, Мэри Джейн пристально смотрела мне вслед.

Глава 9

Центральная часть Эпплвик-холла могла остаться от усадебного дома шестнадцатого века. Флигели по обе стороны были добавлены позже, выстроенные для размещения большой семьи или для внешнего эффекта. Невысокие стены не отгораживали проживающую семью от соседей. Это говорило о преобладании хороших отношений и о том, возможно, что полковник с супругой и их предшественники осознавали, что положение обязывает.

Один садовник занимался цветочной клумбой. Другой катил вдоль дома тачку. Где-то, скрытый от глаз, вытесывает новые солнечные часы Рэймонд Тернбулл. Обнаружатся также конюх, шофер, дворецкий, экономка и куча задерганных горничных.

Меня не удивило, что, поработав здесь, Мэри Джейн была недовольна коттеджем. Созерцая великолепие этого дома, я немного поняла страсть к улучшениям и равенству, которая двигала Этаном Армстронгом. Какого же он был большого о себе мнения, если послал записку полковнику – землевладельцу, сквайру и барону всего обозримого пространства, – чтобы тот пришел и осмотрел солнечные часы из сланца.

Я постучала в тяжелую дверь, все еще прикидывая, как подступиться к этой семье. С полковником поговорить можно, сказал Рэймонд.

Открывшая дверь служанка настолько удивилась при виде посетительницы-дамы, протягивающей визитную карточку и спрашивающей о возможности увидеть полковника, что дала мне неправильный ответ.

– Миссис Леджер неважно себя чувствует.

– Я здесь, чтобы повидаться с полковником Леджером, если вы будете настолько любезны и отнесете ему мою карточку.

Она тупо кивнула и на мгновение замешкалась, прежде чем открыть дверь достаточно широко, чтобы впустить меня в передний холл с высокими, богато украшенными потолками, теряющимися где-то на полпути к небесам, с просторными комнатами по обеим сторонам, холл уходил в бесконечность, а лестница вела к звездам.

Я не успела достаточно серьезно, чтобы потребовалось медицинское вмешательство, свернуть шею, когда служанка вернулась и провела меня в гостиную.

– Полковник скоро к вам выйдет.

Это дало мне еще немного времени поглазеть по сторонам. Напротив окна со шторами висел семейный портрет. Я предположила, что вижу полковника и миссис Леджер и двух их сыновей девяти или десяти лет вместе с парой упитанных гончих. Миссис Леджер, если сходство было подлинным, уместно смотрелась бы и на портрете кисти Гейнсборо: аристократическая красавица с живыми глазами и веселым ртом. Она сидела на садовом стуле в голубом летнем платье – все в сборках и складках, рукава заканчиваются чуть ниже локтя пеной кружев. Ружье полковника прислонено к дереву, намекая, что он только что вернулся с охоты. Один мальчик стоял на веревочных качелях, другой – прижимался к отцу. Я узнала фамилию художника – несколько лет назад он выставлялся в Королевской академии.

– Вам нравится?

Голос заставил меня вздрогнуть.

Я обернулась и увидела говорившего – высокого, худощавого, черноволосого человека. В его шевелюре лишь кое-где проглядывала седина.

– Он великолепен, почти фотографическое качество. Когда был написан портрет?

– Около трех лет назад, когда мальчики были дома на каникулах.

Полковник указал на пару обитых парчой диванов по обе стороны пышно украшенного камина.

– Не угодно ли присесть? – Он взглянул на мою карточку. – Миссис Шеклтон.

Я выбрала место спиной к окну. Мы смотрели друг на друга поверх широкого пространства дубового пола, разделенные персидским ковром.

– Спасибо, что приняли меня, полковник.

Он ровно смотрел на меня.

– Мне любопытно. У меня мало посетительниц дам. – На действительно очень красивом лице появилась тень улыбки.

– Я здесь от имени миссис Армстронг. Мистер Этан Армстронг пропал с субботы...

Изменение в его лице было едва уловимо – слегка прищурились глаза, шевельнулась, нельзя сказать, чтобы дернулась, верхняя губа. Он ждал.

– Полковник, есть ли у вас какое-нибудь предположение о том, куда мог уйти мистер Армстронг и почему?

– Боюсь, ничем не могу помочь. Впервые я услышал о том, что он исчез, в воскресенье утром у церкви. Подошел молодой Рэймонд Тернбулл, мял в руках кепку и все ходил вокруг да около, сообщая мне, что я могу

распрощаться со своими солнечными часами из синего сланца. Но, возможно, вы сможете что-то мне сказать, миссис Шеклтон. – Он откинулся на спинку с видом хозяина всего окружающего. – Вы говорите, что пришли сюда от имени миссис Армстронг.

– Да.

– Как так получилось, что миссис Армстронг обратилась к вам? И почему вы думаете, что я буду посвящен в передвижения одного из моих каменщиков? Мэри Джейн следует обратиться в полицию, если уж она так встревожена.

– Она и обратилась в полицию. Сержант Шарп считает, похоже, что раз исчезли инструменты Этана Армстронга, значит, он ушел отсюда в поисках работы.

– Это возможно. Каменщики полагают, что могут устанавливать свои правила и свои часы работы, особенно такой человек, как Армстронг. Его жена не сказала вам, что он первоклассный агитатор?

– Однако же вы держите его у себя.

– Он хорошо справляется с работой, но если желает найти другую, это его дело.

– Миссис Армстронг считает, что это маловероятно, и...

Он наклонил голову набок, словно ястреб перед тем, как броситься на воробья.

– Что связывает вас с миссис Армстронг?

Предполагалось, что вопросы задаю я.

– Между нашими семьями давняя связь. Я обещала помочь, если смогу. – Это звучало почти правдоподобно и содержало несколько крупиц истины. Мой отец, суперинтендант, проявил такой интерес к семье Уитекеров, что удочерил меня. – Иногда постороннему человеку это легче, – добавила я с видом знатока, которого часто зовут восстановить отношения между мужьями и женами.

– Постороннему легче что?

– Задавать неудобные вопросы. Полковник, вы ходили в субботу в каменоломню? Я знаю, что мистер Армстронг попросил вас осмотреть солнечные часы.

Впервые за время нашей беседы полковник помедлил чуть дольше, чем следовало бы. Улыбнулся.

– Армстронг по праву высокого мнения о себе и своем ремесле. Он действительно прислал записку, что я могу осмотреть работу в процессе выполнения, потому что он вынужден был внести небольшие изменения в мой чертеж солнечных часов.

– Вы туда ходили, полковник?

Он едва заметно усмехнулся:

– Не ходил. Я совершенно уверен, или был уверен, в мастерстве Армстронга. Солнечные часы должны были доставить сюда рано утром в понедельник и установить в розарии, чтобы торжественно открыть их в день рождения моей жены. Моя жена получит на день рождения гораздо более скромные солнечные часы, хотя, кстати, из нашего собственного песчаника. – Он позвонил в колокольчик. – Позвольте мне кое-что вам показать. Это, возможно, объяснит, что же все-таки случилось.

Дворецкий возник так быстро, что, видимо, подслушивал под дверью.

– Принесите мне чертеж солнечных часов и записку Армстронга.

Дворецкий кивнул и ушел.

– Вы знали Армстронга, миссис Шеклтон?

– Нет. Мои родители были связаны с семьей миссис Армстронг.

– Он из тех людей, которые считают, что сыновья земли с мозолистыми руками – неизвестные гении мира и что они должны быть – как там это у Шелли? – и законодателями мира. Его злило то, что чертеж солнечных часов был точен до тысячной доли дюйма. Это не сочеталось с его взглядом на меня как на легкомысленного эксплуататора земли и ее истинных наследников.

Вернулся дворецкий, неся толстую картонную папку на завязках. Он положил ее на низкий столик и перенес столик на персидский ковер. Там он развязал папку, откинул крышку и разложил чертеж.

– Посмотрите. – Полковник кивнул в сторону стола. – Вот он; подставка в виде дорической колонны, циферблат – сама простота. Армстронг не должен был знать, что я не сам делал расчеты. Один перс произвел все необходимые вычисления несколько веков назад. Мне только и требовалось, что найти нужные страницы в соответствующих книгах и перечертить план в масштабе. Господин Каменщик воспринял это как вызов. Он должен показать, насколько он умен, – а он умен. Он работает с синим сланцем, материалом для него незнакомым. При этом он подозревает, что я выбрал его, чтобы он провалился и выставил себя дураком. Разумеется, он ошибается, но думает именно так. – Полковник указал на чертеж черенком трубки. – Армстронг работает резцом терпеливо, осторожно, пока не получатся все прямые края и гладкие поверхности. Делает все сам, не доверяя начальную часть работы простому рабочему или своему бывшему ученику. Точные движения, выполняемые исподтишка, чтобы сланец не заметил, что его преобразуют, чтобы не нанес ответный удар и не раскололся. Армстронгу нужно убедить его

принять требуемую форму. Потому что, будучи камнем, сланец живет собственной жизнью. В нем могут иметься трещины, не видные невооруженным взглядом. Он мог треснуть, пока его перемещали в нужное место. Возможно, вода просочилась в него тысячу лет назад и оставила воздушные карманы, поэтому человек может работать со всей аккуратностью и наткнуться на один из этих карманов. Вся его работа пойдет насмарку, когда камень треснет и разлетится на куски, а тогда...

Полковник достал из конверта листок бумаги и протянул мне.

Записка была написана аккуратным каллиграфическим почерком, который стал мне таким знакомым, пока я перебирала документы в сундуке Этана Армстронга.

Сэр!

В сланце имеется небольшой дефект, который портит его внешний вид. Я могу полностью его замаскировать, вырезав цветок и еще три дополнительных цветка для придания этому узору гармоничной целостности. Не подойдете ли вы, чтобы одобрить данное изменение в чертеже?

Этан Армстронг

Записка была абсолютно деловой, без вежливого приветствия или уважительного заключения. Я положила ее на столик.

– Итак, вы видите, – сказал полковник. – Меня поставили в известность, что ради симметрии он исправит мой чертеж. Меня, который хорошо если раз в год посещает шахты и каменоломни и полагается на доклады своих управляющих, просят подойти и осмотреть эту совершенную работу, которую следовало бы выполнять в моих владениях, а не в каменоломне. Нет, миссис Шеклтон, я в каменоломню не ходил. Я велел передать ему, чтобы он продолжал работать и первым делом в понедельник утром доставил часы сюда. Что же случилось после этого? Ну, я знаю не больше вашего. Или он обиделся на мой ответ и обрушил молоток на все произведение, или он оказался не столь уж умен, как думал, и его попытка скрыть дефект цветком не удалась. Сланец нанес ему поражение.

– Кто принес записку от мистера Армстронга и кто отнес ответное сообщение?

– Я не знаю, кто ее принес.

Полковник позвонил. Снова через мгновение появился дворецкий.

- Мы закончили с этим.
- Очень хорошо, сэр. – Дворецкий убрал чертеж и записку Этана в папку, тщательно завязал тесемки.
- И, Ригби, кто принес эту записку от Армстронга?
- Один из рабочих каменоломни, сэр. Более этого ничего не могу сказать.

Дворецкий медлил, словно ждал указания проводить меня.

Было ясно, что беседа подошла к концу.

- Есть еще один момент, если позволите.

Я посмотрела на дворецкого и снова на полковника.

- Оставьте нас, Ригби.

- Сэр. – Дворецкий исчез так же тихо, как появился.

– Вечером в субботу в каменоломню пошла Гарриет Армстронг, чтобы отнести отцу поесть и надеясь привести его домой. Она рассказывает, что увидела его лежащим под навесом. Мертвым. Когда рабочий с фермы, а потом и миссис Армстронг пришли посмотреть, его там не оказалось. Солнечные часы были разбиты. С тех пор мистера Армстронга не видели. Я подумала, что лучше навести некоторые справки предварительно, прежде чем это превратится в расследование убийства.

Полковник Леджер в изумлении разинул рот.

- Вы подозреваете убийство?

– Гарриет показалась мне разумной девочкой. Я склонна ей верить, в отличие от других.

- Почему мне не сообщили?

Он позвонил в колокольчик.

Вновь появился дворецкий.

– Попросите сержанта Шарпа прийти ко мне. И пошлите записку бригадиру рабочих каменоломни явиться сюда незамедлительно.

- Да, полковник.

Дворецкий кивнул, удаляясь.

Я поднялась с дивана.

- Благодарю, что уделите мне время, полковник.

Он вскочил.

– Подождите! Я хочу привести жену. Ей захочется узнать о том, как Гарриет нашла отца. Она обожает Мэри Джейн. Прошу, садитесь. Не желаете ли чего-нибудь? Бокал хереса?

- Нет, спасибо.

Леджер повернулся к двери.

- Я где-то вас раньше видел, миссис Шеклтон.

– Мне тоже так кажется, – ответила я. – Но не представляю где.

Я ему не доверяла, но у меня не было выбора, оставалось только ждать. Этан Армстронг был бельмом на глазу у полковника – бельмом, от которого следовало избавиться. Полковнику требовалось время подумать после известия о том, что Гарриет видела тело своего отца, прежде чем убийца – один из приспешников Леджера? – успел убрать его. Леджер пошел за женой не из заботы о Мэри Джейн, а чтобы заставить меня подождать. Пока он сделает что? Поговорит с сержантом и убедится, что расследование закроют, так и не начав.

По прошествии шести или семи минут, показавшихся часами, в комнату плавно вошла миссис Леджер в сине-голубом, с широкими рукавами и квадратным вырезом платье для утренних визитов. Сапфиры на шее – в цвет глаз. Гладко зачесанные золотистые волосы придавали ей сходство с фарфоровой дрезденской статуэткой. Адресованная мне ослепительная улыбка не скрывала тем не менее озабоченности.

В своем твидовом костюме я вдруг почувствовала себя бедной гувернанткой. Мэри Джейн была права, изысканная женщина. Но она ошибалась, когда сказала, что я никогда не встречала подобных ей. Я встречала много женщин, похожих на миссис Леджер, – утонченных, женственных и обладающих стальной решимостью никогда ничем себя не утруждать. Возможно, грубо, но такой она мне показалась. Перед лицом столь сверхъестественного совершенства я могла понять, почему Мэри Джейн так не хотела идти в Эпплвик-холл.

Миссис Леджер села рядом со мной на диван.

– Меня очень огорчило сообщение о мистере Армстронге, и я переживаю за Мэри Джейн. Жаль, что она не пришла ко мне. Ее муж политический подстрекатель, но исключительно хороший рабочий, как говорит полковник.

– Насколько мне известно, он едва не устроил забастовку в каменоломне.

Она проницательно на меня посмотрела.

– Да, это правда. Но мой муж говорит мне, что мы должны идти в ногу со временем и пытаться понимать таких людей, как Этан Армстронг.

Или уничтожать их.

– Как Мэри Джейн?

– Держится.

– А дети?

Ее интерес казался искренним. Я коротко поведала о том, как Гарриет обнаружила тело в субботу, а этим утром увела для поисков собаку с

фермы. Она слушала внимательно, потом спросила:

– А мальчик? Шестилетний ребенок еще слишком мал, чтобы понять о смерти. Давайте надеяться, что Гарриет ошиблась.

Я побыла там еще несколько минут, а затем откланялась.

Выходя из дома, я произвела быстрые подсчеты. Мне пришло в голову, что деньги на банковский счет Мэри Джейн были положены, пока она работала у Леджеров. Возможно, Мэри Джейн и сама была не чужда радикализма и увидела здесь какую-то возможность выгоды. Несмотря на богатство миссис Леджер и ее явное сочувствие, я бы не заподозрила ее в щедрости. По моему опыту, богатые держатся за свое достояние.

Садовник все еще занимался цветочной клумбой. Я обратилась к его затылку:

– Прошу прощения.

Оторвавшись от работы, он смерил меня подозрительным взглядом.

– Где находится розарий?

Он выпрямился и показал:

– Вон там.

– Спасибо.

Идя по лужайке к розарию, я чувствовала разочарование, что мой визит никуда не продвинул расследование. Все, что у меня было, так это подозрение, что попытка Этана организовать забастовку переполнила чашу терпения полковника. Разумеется, он мог его уволить без рекомендаций, выгнать из служебного жилья, чрезвычайно осложнить ему жизнь. Логического смысла в убийстве или организации убийства не было. Но под этой очаровательной маской скрывался реалистичный делец, имеющий сыновей-наследников и не желающий терять свое имущество.

В розарии на одном или двух кустах красовались многообещающие бутоны. Для роз было еще слишком рано. Я услышала звук чьей-то работы, ритмичное постукивание, гармонизировавшее с птичьей песенкой, доносившейся из живой изгороди. Я приблизилась осторожно, не желая напугать Рэймонда, рука которого могла соскользнуть и испортить вторые солнечные часы.

Я могла не волноваться. Он не обратил внимания на мое присутствие и продолжал свою работу. Рядом стояла кованая скамейка. Я направилась к ней, словно мое жизненное призвание заключалось в наблюдении за работающими людьми.

Через минуту он прервется, подумала я. Прервется, потому что нервничает и от моего наблюдения ему будет не по себе.

Он прервался.

– Прошу вас, не отвлекайтесь.

– Вам что-нибудь нужно? Предполагается, что это сюрприз, и если миссис Леджер видела, что вы пошли в этом направлении...

– Рэймонд, вы сделаете кое-что для меня? Это будет означать возвращение в каменоломню, когда вы закончите работу здесь.

– Это связано с исчезновением Этана?

– Да.

Рэймонд подошел к скамье.

– Скажите, что от меня требуется.

– Этан высекал на циферблате солнечных часов четыре цветка, чтобы скрыть дефект сланца. Это был его завершающий штрих. Не осмотрите ли вы осколки? Если четыре цветка есть, тогда он работу закончил. Не знаю, поможет ли это установить данный факт, но кто знает.

– Вы думаете, что он мертв, да?

– Да, я так думаю.

– Я тоже.

– Рэймонд, кто мог хотеть убить Этана?

Пока Рэймонд молчал, я затаила дыхание, почти готовая к тому, что он обвинит собственного отца в убийстве Этана. Хотя я попыталась сохранить бесстрастный вид, молодой человек все прочел по моему лицу.

Когда он наконец заговорил, то от смущения не мог смотреть мне в глаза.

– Я состою в профсоюзе рабочих каменоломни. Мы голосовали за забастовку. Мой отец – он бригадир, вы с ним уже встречались – узнал, как именно голосовал каждый. Этан знал, что среди нас есть предатель. Он сказал мне, что, куда ни пойдешь, всегда будет хозяйский стукач или правительственный шпион. Еще он сказал, что люди, наверное, боятся его, раз так пристально за ним следят, и это его ободряло. Если кто и причинил вред Этану, так это не мой отец. Отец действует запугиванием. Он цепляется только к тем, кто не может ответить. Вот только это я и хочу вам сказать. Этан заявил, что вычислил доносчика.

– Он сказал вам, кто это?

– Нет. Он только сказал, что позаботится, чтобы такое больше не повторялось. Если бы вы слышали, как говорит Этан, то поняли бы, как работает у него голова. Он говорит, что линии фронта обозначены. Говорит об обещаниях, которые были сделаны, когда он уходил на войну. Лучшее жилье, дома, достойные героев, хорошие школы. Он думал, что сражается за лучший мир. И что же мы получили, спрашивал он. Ну, его ответ был – ничего. Рабочий люд не получил ничего. В субботу я женюсь, и это выбор

между жизнью у ее родителей, где ни дюйма свободного места, или у моих. А мой отец знает, что я в профсоюзе. Он не дает мне об этом забыть. Вы видели, какой он.

Я действительно видела, каков мистер Тернбулл, – забияка, драчун, не питающий любви ни к Этану, ни к его политике.

Глава 10

На обратном пути из поместья, пока обходила водоем и шла мимо огородов, я пыталась разобраться в том, что успела выяснить. И Этан, и Мэри Джейн страстно хотели жить где-нибудь в другом месте, вести другой образ жизни, но что-то держало сестру здесь; его тоже, если моя догадка верна. Желание продолжать жить по-прежнему напоминает мне о человеке, который лезет в драку, но передумывает, потому что рядом нет никого, кто подержал бы его пиджак, пока он засучивает рукава. Возможно, Мэри Джейн винила Этана в том, что его больше заботят товарищи по работе, чем собственная семья, а Этан винил ее в том, что она стоит на своем, и так все и продолжалось – до субботы.

Приближаясь к деревне, я вспомнила, что мисс Тримбл с большой уверенностью утверждала, что в середине того дня видела у каменоломни Мэри Джейн. Однако же Мэри Джейн это отрицала. Возможно, стоит нанести еще один визит мисс Тримбл. Возвращение миссала и все сказанное ею наводило на мысль, что теперь она сочувствует Мэри Джейн.

Я отыскала дом викария, приготовилась выслушать массу не относящихся к делу сплетен и постучала в дверь. Ответа не последовало. Возможно, она еще в церкви, переставляет гвоздики.

В церкви было пусто. Я толкнулась в дверь ризницы. Она оказалась не заперта. Из любопытства я открыла приходскую метрическую книгу.

В сентябре Гарриет исполнится одиннадцать. Сейчас у нас май. Значит, дата ее рождения приходится на сентябрь 1912 года. Я перелистала страницы назад. Конечно, вот она. Типично для своей семьи, она обладала двумя именами: Гарриет-Уинфред. Я перелистала страницы летних месяцев двенадцатого года и дошла до весны. Записи о браке между Этаном Армстронгом и Мэри Джейн Уитекер не было. Январь – ничего; декабрь 1911 года – ничего; ноябрь, и здесь я нашла запись об этом браке и подписи Этана Армстронга и Мэри Джейн Уитекер, засвидетельствованные Бобом Конроем и Барбарой Мэй Джонсон. Значит, Боб Конрой, которого Мэри Джейн отвергла, достаточно симпатизировал им обоим, чтобы согласиться на роль шафера, а всезнающая сестра Барбара Мэй была подружкой невесты.

Десять пристойных месяцев между свадьбой и рождением Гарриет. Если только у мисс Тримбл не серьезные нелады с арифметикой, она имела какую-то другую причину потребовать назад миссал, нежели зачатие

Гарриет вне брака.

Почему Мэри Джейн ввела меня в заблуждение в данном отношении? Только-только я начала доверять своей сестре, как это доверие ослабело. Что вынудило ее солгать? Наговорить на себя.

Я покинула ризницу и прикрыла за собой дверь. В церковь вошла, прихрамывая, пожилая женщина и села в заднем ряду. Из церкви я направилась в дом викария – еще раз попытать счастья.

Когда на мой стук никто не ответил, я через окно заглянула в кухню. Это было опрятное, современное помещение, с газовой плитой, на которой стоял блестящий медный чайник. В камине ярко горел огонь – здесь уголь не экономили. Пройдя по дорожке вдоль дома, я заглянула в следующее окно, наверное, в кабинет пастора – его стены были сплошь уставлены книжными шкафами, на столе лежала рукопись.

Мисс Тримбл я увидела в окно гостиной. Она неподвижно лежала перед камином, ее голова находилась в опасной близости от каминной решетки.

Передняя дверь была заперта. Я поспешила к черному входу. Дверь там открылась. Через кухню в выбежала в коридор, крича:

– Есть кто дома?

Никто не ответил.

Я распахнула дверь в гостиную. *Будь жива.*

Женщина, должно быть, собиралась дернуть за шнурок звонка и упала. Моей первой безумной мыслью было, что она, возможно, увидела мышь и потеряла сознание, но коврик был сбит, как будто она споткнулась.

– Мисс Тримбл?

Тревога и недосып, видимо, сыграли со мной злую шутку. Она дышала. Я убедилась, что она дышит. Ее полные ужаса глаза бегали. Губы шевелились. Я подошла поближе, чтобы услышать.

– Горько, – произнесла она.

– Все будет хорошо.

Я взяла с дивана покрывало и накрыла ее, повернув слегка набок и лицом в сторону. Все кости, кажется, целы. Мисс Тримбл была очень холодной.

Я взяла ее за руку, нащупала пульс. Под ногтями у нее была шерсть от ковра. Наверное, она в отчаянии цеплялась за него.

– Вы что-нибудь чувствуете? – Она испуганно заморгала. – Где-нибудь болит? – спросила я.

Она пристально смотрела на меня, с еще большим страхом. Я сообразила, что она не может ни шевельнуть головой, ни кивнуть, ни

сказать «нет». С резким хрипом она медленно, с трудом выдохнула, словно это было последним ее содроганием. С нечеловеческим усилием она поймала мой взгляд и легонько вздохнула, ее глаза жили тревогой за пронзительный, скрипучий звук, исторгнувшийся из самых недр ее существа. Она выдохнула единственное слово: «Диванчик», ее слабый голос был едва различим, однако полон отчаяния.

Несчастливая женщина сошла с ума, при чем тут диванчик.

– Я сейчас позвоню врачу. Все будет хорошо. Не волнуйтесь.

Страх в ее глазах не дал мне двинуться с места. Опустившись рядом с ней на колени, я держала мисс Тримбл за руку, поддерживала ее голову. Она успокоилась и совсем затихла. В ее взгляде отразилось нечто большее, чем страх, – потеря, любовь, ужас, а затем ее не стало. Я закрыла ей глаза.

Я медленно вернулась в коридор и сняла телефонную трубку.

– Пожалуйста, соедините меня с доктором, немедленно. Это срочно.

– Кто говорит? – спросила телефонистка, скорее из любопытства, нежели из деловитости.

– Меня зовут миссис Шеклтон, я звоню из дома викария. Соедините меня побыстрее, пожалуйста.

Женщина, лежавшая на коврике у камина, больше никогда не возглавит заседание Общества дружбы девушек.

Для такого корпулентного мужчины двигался доктор легко. Он был уже далеко не молод, но храбро опустился на колени, чтобы осмотреть мисс Тримбл. Видя, что ему будет сложнее подняться, чем опуститься, я поставила рядом стул с плетеной из пальмового волокна спинкой. Опершись на него, врач поднялся, а затем расспросил меня о том, как я обнаружила мисс Тримбл, печально кивая, пока я излагала ему подробности.

– Мадам, я вам признателен. Бедная леди страдала астмой, и у нее было больное сердце.

– Вы это считаете причиной смерти?

Он нахмурился, манера его переменилась, когда в моем голосе он услышал вызов.

Я покинула дом викария, ощущая слабость, казалось, что все кости в моем теле размякли. Не оттого ли умерла мисс Тримбл, что знала нечто, и не было ли это «нечто» ее сообщением о том, что она видела у каменоломни Мэри Джейн? Но она уже сделала заявление об этом. Врач явно не хотел никаких осложнений. Инфаркт всегда является удовлетворительной причиной смерти. Но безумие в ее глазах, когда она

бросила на меня первый взгляд, чувство, что она пыталась что-то мне сказать, очень на меня подействовали. Возможно, у меня разыгрались нервы, или мой нюх на преступления подвел меня, заставляя верить, что мисс Тримбл убили.

До церковного двора было совсем недалеко. Какая-то предприимчивая душа окружила ствол старого дуба деревянной скамьей. Меня затрясло, когда я села. Дрожащими руками я достала из сумки фляжку с бренди.

Я была на ногах с половины пятого утра. Мое посещение карьера, полицейского участка и Эпплвик-холла не приблизило меня к ответу на вопрос о судьбе Этана Армстронга, живого или мертвого. Мне требовалось подумать, прежде чем снова встречаться с Мэри Джейн. От усилия осмыслить исчезновение Этана у меня заболела голова. Немногая собранная мною информация оказалась под угрозой выветривания из головы в результате этой внезапной смерти, которую врач, похоже, непреклонно решил считать естественной.

Если бы я знала побольше о причастных к этому делу людях – о моей собственной родне, к примеру, – тогда я лучше понимала бы, что происходит. Гарриет рассказала мне о своем страхе, что ее отец лежит на дне пруда в каменоломне. Она сделала это, потому что легче довериться незнакомому человеку, или на то была более мрачная причина? Возможно, в глубине души Гарриет таилось недоверие к собственной матери, как и страх за отца. Это объяснило бы, почему дети потихоньку ушли из дома в субботу с едой для Этана, пока Мэри Джейн отсутствовала, почему они заарканили фермерского пса для выполнения служебных обязанностей. Это объяснило бы, почему мисс Тримбл видела фигуру в клетчатой накидке рядом с каменоломней в тот день.

Остин заявлял, что слышал прятавшегося за хижинкой гоблина. Настоящая тетка знала бы, кишит ли воображение Остина страшными чудовищами или он уловил движение человека, который не хотел, чтобы его видели или слышали, – убийцы, затаившегося за навесом каменщиков.

Наверняка это не могла быть Мэри Джейн. Она не позволила бы собственным детям обнаружить тело их отца. Это было бы неестественно.

Не знаю, сколько я там просидела. В глубине сознания теплилась слабая мысль, что викарий пожелает поговорить с человеком, который обнаружил тело его сестры. Я услышала крики выходивших из школы детей. Один или два срезали дорогу через церковный двор, не обращая на меня никакого внимания.

А потом кто-то заговорил. Я ясно услышала имя. Этан Армстронг. Откуда прозвучал этот голос? Мне послышалось это имя?

Я прошла по дорожке между могилами, глядя не на старые плиты, а на новые. Этан Армстронг, каменщик, наверняка вырезал какие-то из этих имен. Возможно, ученик Этана Рэймонд вырежет имя своего наставника, если его тело найдут.

А потом я увидела его склонившегося над могилой, раскачивавшегося взад-вперед, бормотавшего себе под нос. Неужели я нашла Этана Армстронга? Мой голос прозвучал странно, когда я обратилась к мужчине.

Он повернулся и взглянул на меня. Это был не тот человек, фотографию которого показывала мне Мэри Джейн. Смущенным он не выглядел, но, похоже, не сознавал, что раскачивается и бормочет. Мгновение он в упор смотрел на меня, словно пытаюсь понять, что это за страна и что за особа к нему обращается.

Потом, не сводя с меня глаз, он отступил, вдруг сообразив, какое странное впечатление произвел. Сухопарый, жилистый мужчина с длинными руками, он наклонил голову набок и поднял руки, то ли показывая, что безопасен, то ли сдаваясь. С некоторым усилием он улыбнулся, обнажив ровные, почти белые зубы. Широкий лоб и густые брови придавали ему печальный вид. У него было свежее, обветренное лицо сельского жителя, глаза – серые.

– Моя жена Джорджина сказала, чтобы я вас нашел. Вы, верно, миссис Шеклтон?

– Да. Мистер Конрой?

– Боб. Простите мое бормотание. Я разговаривал со своим братом. – Он кивнул на могилу. – Он в прошлом году погиб в каменоломне.

– Я слышала, вы произнесли имя Этана Армстронга. Вы рассказывали о нем брату?

– Да, – тихо ответил Боб Конрой. – Мой брат Саймон был настоящим фермером, пастырем. Он погиб в каменоломне, спасая заблудившуюся овцу. Вся эта история с Этаном вновь вызвала в памяти те события.

Он немного посторонился, чтобы я могла встать рядом с ним. Я прочла надпись и дату смерти Саймона – всего год, месяц и день назад. Боб наблюдал за мной, потом сказал:

– Этан вырезал текст и на обороте памятника. Прочтите.

Он ждал. Я сошла с дорожки и прочла надпись на обратной стороне могильного памятника.

Кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник. А входящий дверью есть пастырь овцам.

Эти строки из десятой главы Евангелия от Иоанна, стихи первый и второй, показались мне неподходящими. Не такой отрывок выбрала бы я для пастуха, который погиб, пытаясь спасти овцу.

Я наклонила голову в сторону могильного камня с таким чувством, будто меня представляют покойнику, когда более привычно знакомиться с живыми людьми.

– Это вырезал Этан?

– Да.

– Вы хороший друг Этана, как я понимаю?

Он почти враждебно выставил подбородок.

– Да. Друг и товарищ. Мы вместе учились в школе. Вместе сражались. Гарриет точно ошиблась. Он объявится.

Вымученный оптимизм в голосе не отразился в глазах и не изменил серьезного выражения лица.

Возможно, то ветерок прошелестел листьями ивы, а может, нахлынуло осознание того, насколько мертвые превосходят нас численно. От дурного предчувствия по телу у меня пробежал холодок.

– Я написал нашим товарищам, – сказал Боб, – спросил, не связывался ли с ними Этан. Я отправил сегодня полдюжины писем. Не могу поверить, чтобы он уехал, не сказав ни слова.

– Когда вы сказали, что написали товарищам, вы имеете в виду, боевым товарищам?

– Я имею в виду, его друзьям по профсоюзному и рабочему движению. И да – некоторые из них служили в нашем полку.

Я вспомнила горы документов в сундуке Этана, тщательно составленные протоколы собраний, написанные Этаном и другой рукой, возможно, рукой Боба Конрой. Написание писем как-то займет Боба, и он знает всех людей, с которыми мог общаться Этан.

– Я рада, что вы это делаете, мистер Конрой. Значит, вы и Этан – соратники по революционному движению?

Он мягко рассмеялся.

– Этан – мечтатель, но иллюзий у него нет. Те, кто боится, что мы стоим на пороге революции, переоценивают нас. Есть столько могущественных людей, которые будут не на жизнь, а на смерть драться за сохранение существующего порядка вещей.

– Значит, у Этана должны быть враги?

– Для этого мы недостаточно важны, хотя Этан думает по-другому.

Я снова посмотрела на надпись с обратной стороны могильного камня пастуха.

– Вы сказали, что это вырезал Этан?

– Да.

– Это...

– Продолжайте. – Он вытянул шею, как черепаха, выглядывающая из своего панциря. – Скажите мне, что, *по вашему* мнению, он хотел этим сказать.

Не дождавшись немедленного ответа, он вздохнул, как бы сомневаясь, продолжать ли, словно человек в могиле мог нас услышать.

– Давайте где-нибудь сядем, миссис Шеклтон.

Мы прошли по дорожке, оставив позади старые могилы и иву, пока не подошли к скамье, с которой я не так давно встала.

– Здесь годится?

Конрой сел, прислонившись спиной к стволу, словно дух дерева, который может слиться со стволом, и вы никогда его больше не увидите.

– Так скажите же мне, мистер Конрой, почему Этан вырезал эти загадочные строки из Писания?

– Наша ферма примыкает к землям Леджеров. У нас безусловное право собственности на недвижимость. Прошлой весной кто-то из детей сообщил, что один ягненок отбился от стада и оказался около карьера. Было воскресенье, поэтому никто не работал и никто не мог взять его и принести домой. Не знаю точно, как это произошло. Но Саймон в одиночку пошел спасать ягненка. Следующее, что я узнал, – что он лежит мертвый на дне карьера. – Боб вздохнул. – Я сам принес его домой.

Большие ладони Конроя обхватывали колени, как будто он был мальчиком, который упал, разодрал коленки и пытается утишить боль. Он медленно покачивался.

Я подумала, он забыл, что собирался объяснить значение надписи, но после долгого молчания Конрой сказал:

– Эти слова, которые вырезал Этан: «Кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник», – он обратился к полковнику Леджеру.

– К полковнику Леджеру? Почему?

– Полковник хотел купить нашу ферму. Этан думал, что за смертью Саймона стоит Леджер. О, мне он этого не говорил. Ему и не надо было. Каждый из нас прекрасно знал, о чем думает другой. Этан думал, что Леджер хотел убрать Саймона с дороги. Без него, думал он, я продам ферму. Полковник сделал мне предложение, когда Саймон был жив, и сделал новое – через неделю после похорон Саймона.

– Зачем полковнику Леджеру нужна ваша ферма?

– Потому что существующая каменоломня почти исчерпала себя. Однажды полковник отправил на наш дальний луг своего инженера. Саймон застал его за взятием образцов. Там есть богатый пласт – силициты высокого качества. Мы находимся рядом с железнодорожной веткой. У него здесь рабочая сила. Пока Саймон оставался в этом мире, о продаже и вопроса не стояло. Когда же Саймона не стало, Леджер прикинул, что я отдам землю. И я почти отдал. У меня не хватило духу продолжать. Но Этан меня поддержал. Сказал, чтобы я стоял на своем. Что, если у меня родится сын, сказал он, и тогда я пожалею, что потерял ферму.

– Но смерть вашего брата была несчастным случаем. Он пошел искать заблудившуюся овцу.

– Да. Я именно так и думаю. Но Этан обладает способностью выискивать другие мотивы и иногда оказывается прав. Мы так и не узнали, кто из детей принес это сообщение.

– Он думал, что к смерти Саймона подтолкнул полковник?

– Не лично полковник, но он мог сделать свои желания известными. Предложение делал нам не сам полковник, а его человек.

– Но вы не продали ему ферму.

– Этан убедил меня не делать этого. Он помогал мне, когда мог. Но толку от этого не было. У нас случилась тяжелая зима, болели животные, цена на корм превысила мои возможности. На позапрошлой неделе я сказал Этану, что приму предложение полковника.

Мы сидели молча. Неподалеку старуха расстелила у могилы коврик и опустилась на колени. Все более громким и жалобным голосом она принялась жаловаться обитателю могилы на то, что у кухонного буфета отваливается дверца.

Выплеснув эмоции и подозрения, касавшиеся смерти брата, Конрой оперся ладонями о скамейку и, видимо, собирался с духом.

Я рискнула задать вопрос.

– Мистер Конрой, возможно, вы сумеете помочь мне в одном вопросе, который меня озадачивает.

– Что такое?

Я протянула ему газетную вырезку.

Хорошо обеспеченная и приятная дама ищет
хорошо обеспеченного, привлекательного джентльмена с
целью соединить жизни и состояния.

Ящик № 49

– Вам это о чем-нибудь говорит?

Он прочел ее, а потом покраснел.

– Надеюсь, Мэри Джейн не думает, что Этан погнался за другой женщиной.

– Она не знает, что и думать.

Конрой покачал головой:

– Этан не стал бы этого делать. – Он поднялся. – Мне нужно возвращаться на работу.

Мы вместе прошли через церковный двор. Когда мы приблизились к крытым воротам, я сделала еще одну попытку:

– Вы не знаете, почему Мэри Джейн не уехала в прошлом году из Грейт-Эпплвика, когда Этан мог получить работу в соборе?

Конрой замялся.

– Не думайте о Мэри Джейн плохо. Понимаете, это дело сложное.

Мгновение казалось, будто он пожалел о своих словах.

– Она... понимаете... ну, на кладбище у часовни похоронены двое их детей. Возможно, это привязывает Мэри Джейн к этому месту.

– Я не знала, – просто сказала я.

– Не думаю, что ей приятно об этом говорить. Показать вам?

Мы перешли к конкурирующему культовому зданию на другой стороне улицы и обогнули часовню, за которой рядами шли аккуратные могилы. Двое детей, родившихся после Гарриет, умерли один за другим в течение месяца, в возрасте трех и двух лет; один был назван в честь отца, а другая – в мою честь.

– Они подхватили коклюш, – просто пояснил он. – Мэри Джейн была вне себя от горя.

Он ушел, оставив меня там. Иногда кажется, что мир – всего лишь громадный шар потерь, который быстро вращается, стремясь скинуть всех нас с себя.

Я медленно побрела назад, к коттеджу. Мне пришло в голову, что есть многое, о чем Мэри Джейн не хочет говорить.

Глава 11

Когда я повернула за угол в нескольких ярдах от коттеджа, навстречу мне тащились по дорожке дети.

– Вы куда-то собрались?

– Я не хочу снова идти, – мрачно ответил Остин.

Гарриет вздохнула:

– Мы должны извиниться за то, что взяли Билли и заставили его искать папу.

– Билли?

– Овчарку.

– Вы большую территорию охватили?

Гарриет покачала головой:

– Билли не хотел этим заниматься. Он сбежал.

– Не пошел на пустошь, – вставил Остин.

– На пустошь?

– Мы бы пошли на поиски туда, – тихо проговорила девочка. – Мы иногда туда ходим.

На лице Остина отразилась надежда. Он начал переминаясь с ноги на ногу. Я ждала, что он собирается сказать.

– Мы можем поехать туда на вашем автомобиле.

– В другой раз. Мне нужно поговорить с вашей мамой.

– А куда ездят автомобили? – спросил он.

– Автомобили ездят куда хотят.

Гарриет потянула брата за рукав:

– Идем!

– Ты здорово придумала, Гарриет, дать Билли понюхать кепку твоего отца и поискать его.

Она не ответила. Дети медленно двинулись дальше, словно весь дневной запас энергии израсходовали этим утром, когда пытались превратить овчарку в ищейку.

Я постучалась и открыла дверь коттеджа. Комната сияла – аккуратная, прибранная и безупречно чистая. Пока я, бросив все, поспешила на помощь Мэри Джейн, она играла роль хорошей хозяйки.

Как будто прочитав мои мысли, сестра сказала:

– Если Этан вернется, я хочу, чтобы он увидел, всё так, как должно быть. Я не хочу, чтобы он подумал, будто может меня расстроить. Я не

расклеюсь из-за того, что он забрал себе в голову исчезнуть. – Она показала на стул у огня. – Садись-ка лучше и расскажи мне, как твои дела.

Я плюхнулась на стул.

– Опять ты извозила свою обувь. – Мэри Джейн села на пол и расшнуровала мои туфли. – Не подобает тебе ходить у нас в таком виде, будто ты совершила переход по Хоксвортской пустоши. Я их начищу.

Я чувствовала себя слишком усталой, чтобы спорить, и не знала, с чего начать. Начать следовало с сообщения о мисс Тримбл, но я еще и сама толком не осмыслила данное происшествие.

– Ты выходила сегодня днем? – спросила я.

– Нет. А что?

– Мне просто интересно.

– Я знаю тебя одиннадцать часов, и ты ни о чем не спрашиваешь ради интереса. Что случилось?

Она расстелила на столе газету, поставила на нее мои туфли, а потом принесла с лестницы подставку для чистки обуви.

– Я в этом разберусь, – проговорила я, думая о мисс Тримбл. – Но я узнала, что прошлая неделя у Этана выдалась нелегкой. В прошлую субботу арестовали несколько бастовавших шахтеров.

Мэри Джейн счистила грязь с моих туфель.

– Да, я знаю.

– В воскресенье Боб сказал ему, что продает ферму полковнику Леджеру.

Она замерла со щеткой в руке.

– Да ты что? Я об этом не знала. Почему же Этан ничего мне не сказал?

Она макнула щетку в крем для обуви и стала намазывать его на туфлю.

– А вы разговаривали? Я знаю, что у вас была размолвка.

– Кто это говорит такое? Мы прекрасно ладили, на свой лад.

– В субботу он собрал пожертвования, в воскресенье узнал о ферме, а в понедельник проиграл голосование по забастовке.

– И я этому рада. Как прикажете жить людям, если им не будут платить зарплату? – Скорость намазывания обувного крема сделалась бешеной.

– Он выяснил, кто его предавал, рассказывая бригадиру, как прошло голосование.

– Ну а что в этом такого тайного? Болтуны всегда есть. Не понимаю, какое отношение любое из этих событий может иметь к тому, что его нашли... как сказала Гарриет, или к его исчезновению.

– Все это складывается в портрет, Мэри Джейн. В портрет человека в состоянии кризиса. Он ничем из этого не делился с тобой?

– Нет. – Ритмичными движениями она принялась наносить крем на вторую туфлю, неотрывно глядя на кожу. – Ты считаешь, я что-то скрываю.

– Или так, или я что-то упускаю. А это разница.

– Что ж, продолжай. О чем ты хочешь меня спросить?

– Между вами ничего не произошло? Просто это обязательно выйдет наружу, если такое было. Этан разговаривал с миссис Конрой, нашел у нее сочувствие.

– Да ни в жизни! – Мэри Джейн взяла щетку для наведения глянца и начала яростно надраивать носки моих туфель, для верности поплеывая на них. – Она ему не нравилась. Это я всегда любила Джорджину.

Она закончила наведение глянца на туфли и вернула их мне: наклонившись, поставила передо мной на коврик. Я увидела макушку Мэри Джейн – каштановые волосы без единого седого волоска. Сестра села на стул напротив меня.

– Мэри Джейн, если худшие страхи Гарриет станут реальностью и вмешается полиция, она начнет с подозрения в убийстве. Появится список заинтересованных лиц. Начнем снизу. Рэймонду придется ответить на вопросы как бывшему ученику Этана...

– О, его ты можешь исключить.

– Позволь мне закончить. Он сам говорит, что как бывшей ученик Этана получит и его место, и этот дом.

– А куда же денемся мы?

– Это служебное жилье.

Реальность дошла до Мэри Джейн.

– Но...

– Джосайя Тернбулл, бригадир, отец Рэймонда, был заклятым врагом Этана и взял над ним верх во время голосования по забастовке. Дело могло дойти до драки. Он был последним, кто ушел из каменоломни в субботу. А затем есть полковник Леджер...

– Ты с ума сошла? Полковник...

– Этан был ему как бельмо на глазу. Полковник восхищался мастерством Этана, дал ему работу, которая вполне могла потребовать личного контакта, с самим полковником или с одним из его подчиненных.

– Тебе бы детективные истории писать. Все это чересчур фантастично.

– погоди. Это список с конца. В начале его ты можешь найти себя, Мэри Джейн, и поэтому я и хочу, чтобы ты рассказала мне все откровенно.

– Все, что я тебе рассказала, правда.

– Нет. Не все. Вы с Этаном поссорились. Дети тайком понесли ему еду, потому что...

– Я хотела, чтобы он пришел домой, поэтому не собрала ему перекусить.

– Ты солгала о том, почему мисс Тримбл забрала у тебя миссал. Я проверила приходскую книгу. Гарриет родилась значительно позже девяти месяцев. На целых четыре недели.

Мэри Джейн улыбнулась.

– Хорошо. Но она действительно так поступает с людьми. Я видела подобное. Если тебе так уж нужно знать, я перестала ходить в ту церковь и стала посещать часовню. Мне не нравится мисс Тримбл и викарий не нравится. Он сноб, заправский щеголь и занят только собой. Его прихожане достают воду из колодцев и не могут позволить себе свечи, а он за счет прихода отделал себе ванную комнату и кухню. Этан был прав насчет него. И мы действительно ладили, мы с Этаном. У нас были сложности, но мы из одного теста, недовольны этим миром, вот как он говорил, и это правда.

Она крепко обхватила себя руками и сжала губы, словно не собираясь больше произнести ни единого слова.

Я почувствовала, как на меня постепенно наваливается усталость, поднимаясь от кончиков пальцев на ногах. Надевание туфель вдруг представилось мне непосильной задачей.

– Мэри Джейн, причина, по которой я спросила, где ты была сегодня днем, связана с очень серьезным происшествием в доме викария, касающимся мисс Тримбл.

– Отлично. Вот корова.

– Ты не злословила бы, если бы знала о случившемся.

– Что? Ты хочешь сказать, что она умерла?

– Да, и нашла ее я. Она умерла у меня на руках. Это было ужасно. Врач говорит, что это инфаркт, но я в этом не уверена.

Сестра закрыла глаза.

– Мне жаль, что она умерла. Она хорошо ко мне относилась, когда я только пришла в ее общество, это потом уж она на меня озлилась.

Я надела туфли. Завязывая шнурки, я думала, что, если бы мы выросли вместе, я хорошо бы знала сестру, была бы в состоянии понять вспышки раздражения Мэри Джейн и ее молчание.

– Я много сегодня выяснила, Мэри Джейн. В какой-то момент это начнет приобретать смысл. Завтра я не приеду. Я еду в Уэйкфилд повидать своего отца. Кто-то же должен заставить сержанта Шарпа отнестись к исчезновению Этана более серьезно.

– А мне что пока делать? Я чувствую себя бесполезной.

– А что твоя мать и Барбара Мэй? Разве они не должны знать, что у тебя случилось?

Она вздохнула:

– Пока они не знают, все это кажется нереальным. Но, может статься, придется им сказать.

Я встала, собираясь идти.

– Я не сдаюсь. Не думай так. Если я тебе понадобится, попроси сержанта Шарпа позвонить мне или можешь послать телеграмму.

Мэри Джейн проводила меня до двери.

Я дошла до автомобиля, села в него.

– Подожди! – Она догнала меня. – Кейт, подожди! Подвинься. Мне нужно с тобой поговорить.

Я подвинулась на сиденье. Она забралась ко мне. В отдалении прогудел паровоз.

Уставившись вперед и не глядя на меня, Мэри Джейн проговорила:

– Ты права насчет того, что я не поехала, когда Этану предложили работу в соборе. Я не хотела отсюда уезжать, а потом, когда дошло до дела, просто не смогла. Я не могу объяснить.

– Попытайся.

Она молчала.

Вспомнив слова Боба Конроя, я спросила:

– Это не связано с теми двумя детьми?

Ее голос был еле слышен:

– Вроде того.

– Расскажи.

– Не могу.

– Боб сказал мне, что ты потеряла двоих детей и что они похоронены на кладбище за часовней.

– Да, – после паузы ответила Мэри Джейн. – Это разбило мне сердце. – Она посмотрела на свои руки. Кожа на них потрескалась и покраснела после целого дня стирки. – Есть еще кое-что. Я думаю, ты заглянула в мою банковскую книжку. От тебя мало что укрывается.

– Да, я ее видела.

– На прошлой неделе я показала ее Этану. Он никогда о ней не знал, но на прошлой неделе он был так расстроен из-за всего происшедшего – из-за тех бедных шахтеров, арестованных и голодающих. В той полковничьей шахте не забастовка, а локаут: предприятие закрывается, и всех увольняют. Я сказала ему, что если он хочет поступить по совету Боба и бороться за

место в парламенте, то я внесу первый взнос за новый дом, помогу ему. Этан выпытал у меня, откуда эти деньги.

Мэри Джейн умолкла. Тень живой изгороди удлинилась.

– И откуда же эти деньги, Мэри Джейн?

– Это было нечто вроде приданого от миссис Леджер, когда она думала, что я выйду за Боба Конроя. Когда я сообщила Этану, он аж побелел от злости. Сказал, что не прикаснется к этим деньгам. Поносил меня, обзывал.

– Он подумал, что за подарком миссис Леджер стояло нечто большее, чем доброта?

– Да. И он был прав. Я ему не сказала. Но это заставило его предположить худшее. Он говорит, что подобные ей люди не дают деньги просто так.

Я была рада, что мы сидим в машине рядом, потому что чувствовала: если бы сестра сидела напротив и мы смотрели друг на друга, то она не заговорила бы.

– Мне было пятнадцать лет, когда я пришла к Леджерам, и я была очаровательной и очень стеснительной девчушкой. Миссис Леджер подняла вокруг меня такую суету. Я совершенно не знала обязанностей горничной, состоящей при леди. Она показала мне, что и как делать, наряжала меня в красивую одежду. Это было похоже на игру, на веселье. И я совсем не чувствовала себя горничной. Полковник нас фотографировал. Он называл свои снимки художественными. Я бы хотела послать один домой, но там не поняли бы. Они не разглядели бы художественной стороны и посчитали бы его фривольным.

Мне было интересно, насколько фривольным, но я решила дать Мэри Джейн выговориться.

– Я состою в фотоклубе, Мэри Джейн. Вероятно, мне приходилось видеть снимки, подобные тем, о которых ты говоришь.

– Поэтому когда она дала мне эти деньги, я положила их в банк и никогда не говорила Этану. Ну а зачем, правда? Какая дура, выходя замуж, сообщит мужу, что у нее в запасе? Только на прошлой неделе, когда Этан был в унынии и не знал, что же делать, я сказала, что мы могли бы внести взнос за новый дом, и он мог бы открыть свое дело или выставить свою кандидатуру в парламент, или что уж он там захочет. А он уже начал работу над солнечными часами. Я думаю, Этан хотел сделать их идеально, чтобы показать, на что способен, а потом разбить – из-за того, кому они предназначались. И мне кажется, что он ушел и не вернется. Или случилось кое-что похуже.

Мы долго сидели, не говоря ни слова.

– Ты поэтому не хотела идти в поместье спрашивать у полковника, ходил ли он в каменоломню посмотреть на солнечные часы? Ты все еще привязана к Леджерам после того, что они сделали? Ты же была практически ребенком.

– Нет. Я к ним не привязана. Видимо, мисс Тримбл поймала взгляд или какое-то настроение между нами, между полковником и мною. Не знаю. Она ополчилась на меня, и я не могу понять почему. Знаю, мне давно нужно было отсюда уехать, но иногда ты привязан к какому-то месту, несмотря ни на что.

– Из-за твоих детей на кладбище?

Мэри Джейн вздохнула:

– Точно. Глупо, правда? Я не могу бросить детей. Они по-прежнему мои. Что они подумали бы, если бы узнали, что я просто уехала?

– Но тебе нужно заботиться о Гарриет и Остине.

– Знаю.

– Мэри Джейн, ты пришла ко мне за помощью. И я делаю что могу. Но я не настоящая твоя семья, в отличие от твоей матери или сестры Барбары Мэй. С исчезновением Этана они тебе понадобятся. Сообщи им. Если Этан тебя бросил или с ним произошел какой-то несчастный случай, тебе понадобится твоя настоящая семья.

Она открыла рот и снова закрыла. Хотела сестра согласиться или возразить, я не узнала.

Мэри Джейн выбралась из автомобиля.

– Я подумаю об этом. Может, съезжу к матери завтра. – Она обернулась: – И, Кейт, не говори никому про Леджеров и о деньгах на моем банковском счете. Я никогда больше к ним не прикоснусь. Потрачу их на Гарриет и Остину.

Когда я завела мотор, она снова позвала:

– Подожди! – Она появилась мгновение спустя, нагруженная папками и газетами. – Забери этот хлам Этана. У меня нет сил его читать. Но, может, он намекнет тебе на какую-то неизвестную сторону его жизни, о которой я не знала. Я хочу, чтобы ты это прочла.

Глава 12

Трудно было сосредоточиться на дороге, когда я так живо представляла тело мисс Тримбл, будто оно находилось со мной в машине. Смотри на дорогу, говорила я себе. Следи за трамвайными путями.

Нельзя сказать, что я пропустила поворот на Киркстолл, но я приняла за него более ранний поворот и оказалась в итоге на крутых холмах, живописных, но незнакомых, приведших меня на вершину за лесом, где путешествие затянулось по весьма ощутимой прохладе, прежде чем я остановилась и сверилась с картой, разворачивая ее дрожащими пальцами. Домой я приехала через Батчер-хилл по круговому маршруту через Вест-парк.

Въехав в Хедингли, я вспомнила, что сегодня моя экономка обменивается книгами с нашей соседкой через дорогу, сестрой профессора.

Вместо того чтобы ехать прямо домой, я двинулась в Вудхауз, поговорить с мистером Сайксом. Джим Сайкс – моя правая рука, бывший полицейский, которого хлебом не корми, дай выследить и схватить преступника. Этим утром он должен был посетить универсальный магазин «Маршалл энд Снелгроув», где несколько недель назад пропала шуба из оцелота. Сайкс предложил учебный курс для продавцов. Первое занятие он провел сегодня утром.

Обсуждение с Сайксом событий этого длинного дня, надеюсь, поможет мне хоть немного в них разобраться.

Когда я прибыла в Вудхауз и постучалась к Сайксам, дверь открыла миссис Сайкс. Полная, приветливая женщина с улыбкой поздоровалась и пригласила меня войти.

– Тут у меня чай, и вы съедите со мной по булочке. Это scones^[2], я их только сегодня испекла.

– Звучит заманчиво.

Она поставила на стол блюдо scones, масленку, тарелку, положила нож.

– Их проглотят за минуту, когда придет эта команда. Джим с детьми на пустоши, играет в крикет, хотя они окажутся там в потемках, если скоро не вернуться.

Намазывая маслом scones, я оглядывала комнату. Я всего во второй раз оказалась в этом доме. То был аккуратный коттедж в сплошном ряду ему подобных, с одним помещением внизу, двумя комнатами наверху и

подвалом. Кухонная плита сияла благодаря накладкам из черного графита. В камине горел небольшой огонь. Вязаный коврик отличался буйством красок без какого-либо внятного узора. Я предположила, что зимними вечерами в его вывязывании принимала участие вся семья.

Семейство Сайксов жило в Вудхаузе шесть лет, на три года меньше, чем я обитала в Хедингли.

Миссис Сайкс наблюдала, как я с аппетитом ем скон.

– Это новый рецепт, с добавлением сыра. Мое собственное изобретение.

– Восхитительно.

– Тогда возьмите один для миссис Сагден.

– Да, возьму, спасибо.

Миссис Сагден не обрадуется, если сконы миссис Сайкс окажутся лучше ее собственных.

– Джим сегодня остался очень доволен своей работой в «Маршалл энд Снелгроув». Скажу вам то, что не могу сказать в его присутствии. Он стал другим человеком с тех пор, как начал работать с вами, миссис Шеклтон. Его устраивает такая частичная занятость и возможность изредка водить машину.

Почему мысли о вознаграждении пришли мне в голову именно в тот момент, не знаю. Мне стало ясно, что я плачу Сайксу недостаточно. Но это и не настоящая работа. Мы никогда не знаем, что подвернется дальше и подвернется ли.

Словно прочитав мои мысли, миссис Сайкс сказала:

– Он оценил премию, которую вы дали ему после того дела с ювелиром.

Это было самое меньшее, что я могла для него сделать. Дело оказалось из тех, по которому мы не сошлись во взглядах и никогда не сойдемся.

– Я рада.

Я доела скон и отказалась от второго.

– И еще кое-что, только между нами. Если бы мы не провели отпуск в Робин-Худс-Бэй, наш Томас никогда не помог бы тамошнему плотнику и не обнаружил бы в себе склонность к плотничьему делу. Тогда он не поступил бы в ученики.

– Он поступил в ученики! Это же чудесно. Я и не знала.

Миссис Сайкс приложила к губам палец:

– Джим захочет сам вам рассказать.

– Тогда не пророню ни слова. Мне нужно обсудить с ним пару моментов. – Я понесла свою тарелку и чашку к раковине.

– О, оставьте.

– Пойду прогуляюсь, может, встречу их. Мы с мистером Сайксом свернем на пустошь и поговорим кое о каких обстоятельствах.

Глаза хозяйки засияли:

– Новая работа?

– Вроде того, – ответила я. – По родственной линии.

– А.

Она кивнула. Все знали: там, где дело касается семьи, о деньгах речь не заходит.

Вудхаузская вересковая пустошь – один из зеленых массивов вблизи центра города. Придя на пустошь, я заметила Джима Сайкса и его детей. Четырнадцатилетний Томас, старший из двух мальчиков, неторопливо шел, неся крикетную битку. Девочка и мальчик помладше бежали вприпрыжку, перебрасываясь мячиком и смеясь, когда кто-то из них ронял его. Сайкс, шагавший немного позади, приветственно поднял руку.

Я вспомнила прошлый год, когда папа предложил Сайкса мне в помощники. Мы договорились о встрече на пустоши. Сайкс сидел в центре на скамейке, справа от дорожки. Мы оба держались настороженно: я – из-за беседы с потенциальным сотрудником на парковой скамейке, он – потому что настороженность является частью его характера. На Сайксе в тот день была мягкая фетровая шляпа, и, когда он ее снял, сзади на этой шляпе я углядела крохотную дырочку – для третьего глаза, того, что у него на затылке.

Уже почти совсем стемнело, и дети невольно пропускали мяч. Сайкс, изловчившись, поймал его и бросил назад. Когда мы сблизились настолько, чтобы лучше видеть друг друга, я заметила, как бодро шагал Сайкс, и выглядел он намного более довольным, чем при нашей первой встрече. Тогда он был безработным и на плохом счету в полиции. Один из его начальников арестовал за преступление не того человека, и когда Сайкс попытался исправить дело, стало ясно, что будущего у него нет. Загнанный в угол, он вынужден был уйти в отставку.

Томас увидел меня и помахал рукой. Перешел на бег. В прошлом году он казался совсем нескладным. Он по-прежнему оставался немного неуклюжим, но неловкость преодолел.

– Здравствуйте, миссис Шеклтон. Вы заметили во мне какую-нибудь перемену?

– Томас! Ты в длинных брюках.

– Угадайте почему.

– Даже не представляю.
– Подумайте.
– Мне только приходит в голову, что ты пошел работать.
– Сегодня я начал обучаться ремеслу. – Он чуть не прыгал от радости.
– Если ты и на работе показываешь себя так же хорошо, как с табличкой для моей двери, они будут рады, что взяли тебя.

Табличку с названием он сделал из черешчатого дуба и нарек мой дом «Нетопырь-лодж» – из-за летучих мышей, которые обитают в соседнем лесу.

Двое младших детей Сайкса примолкли, предоставляя Томасу возможность побыть героем дня.

Затем мы все дружно зашагали к краю пустоши, над которой уже совсем смеркалось.

– Скажите матери, что я приду попозже, – сказал Сайкс, и дети весело помчались вперед. Мы, старшее поколение, без сомнения, тормозили молодежь.

– Отличная новость про Томаса, – заметила я.

Сайкс улыбнулся, что делал редко.

– Думаю, Роза вам сообщила. Никак не может успокоиться. Хуже самого парнишки.

Зажглись уличные фонари. К тому моменту, когда мы разок обошли пустошь, Сайкс поведал все, что мне нужно было знать о том, насколько хорошо он научил персонал универсама распознавать возможных воришек.

Мой рассказ, начиная с появления ранним утром в моем доме Мэри Джейн, занял немного больше времени.

Он серьезно меня выслушал.

– Я не знал, что вас удочерили.

– Да, я много лет об этом не вспоминала. Хотя теперь думаю об этом поневоле. Завтра собираюсь в Уэйкфилд поговорить с отцом. Им с матерью придется узнать, что со мной связалась моя сестра. Отец, разумеется, скажет, что я состою в слишком близком родстве, чтобы помогать Мэри Джейн, отсутствие объективности, и он будет прав. Не помогает делу и то, что мне приходится давить на нее, словно на тюбик зубной пасты, чтобы добыть информацию.

– Что она скрывает?

– Мне кое-что не нравится в местных «шишках», полковнике и миссис Леджер, которые, можно сказать, претендуют на роль помещиков Грейт-Эпплика. Оказывается, Мэри Джейн работала у миссис Леджер горничной. Отношения были не совсем традиционными, если вы меня

понимаете.

Сайкс – чудесный человек – и бровью не повел, а если и повел, то в темноте я не заметила.

– Такое случается.

– У Мэри Джейн есть страховой полис на Этана на довольно крупную сумму и банковская книжка, о которой он узнал за несколько дней до убийства или исчезновения. Две сотни дала миссис Леджер, внеся их перед свадьбой Мэри Джейн и Этана. О другой сотне я не знаю. Ее внесли небольшими суммами.

– Это большие деньги для горничной или жены каменщика. Она не намекнула, каким образом...

– Заработала их?

– Фривольными фотографиями. Звучит безобидно, но любой объективный наблюдатель внесет Мэри Джейн в список подозреваемых в убийстве Этана, если тот узнал об этом и угрожал бросить ее.

– Так же как и Леджеры, хотя не думаю, что полковник лично стал бы марать руки. Мне еще что-то следует знать, миссис Шеклтон?

Нас скачками обогнала громадная собака, которую хозяин спустил с поводка.

– В прошлом году Этану предложили работу в другом месте, но Мэри Джейн не поехала.

– Из-за Леджеров? Она все еще... общается с ними?

– Я так не думаю. Это было давно. Ей сейчас тридцать шесть, у нее есть дочь. Вероятно, оглядываясь на тот эпизод своей жизни, Мэри Джейн видит его совсем иначе. Тут есть другие обстоятельства. После Гарриет она потеряла двух детей. Они похоронены на кладбище за часовней. Боб Конрой – фермер и старый друг Этана – считает, что это мешает ей уехать, но я не уверена, что согласна с ним.

– Такое может быть, – сказал Сайкс. – Некоторые люди делают посещение могил важной частью своей жизни. А теперь расскажите мне еще немного о мисс Тримбл. Вы, наверное, пережили ужасный шок, найдя ее в таком состоянии.

В нескольких шагах от нас собралась группа оживленно болтавших собачников вместе со своими животными. Я неохотно озвучила свои подозрения в связи со смертью мисс Тримбл.

Я была уверена, что ее отравили, хотя врач посмотрел на меня как на сумасшедшую. Есть тут связь или нет? Я просто не знаю.

– Если за дело возьмется полиция, нам не понадобится в этом разбираться, – мрачно произнес Сайкс.

– Я не могу от него отказаться, мистер Сайкс. Мэри Джейн моя сестра. Эти дети... ее девочка так напоминает меня в этом же возрасте. Она храбрая и отчаянно хочет знать, может ли доверять своим глазам. Я не могу их бросить. Вы это понимаете?

– Понимаю. Но значит ли это, что вы должны продолжать расследование лично? Я уверен, когда вы увидите завтра суперинтенданта, он...

– Папа прикажет мне держаться от этого дела подальше. Но позвольте мне сказать вам кое-что еще.

Я описала Джосайю Тернбулла, бригадира рабочих каменоломни, и его сына Рэймонда, а также мою встречу с полковником и миссис Леджер.

Сайкс слушал внимательно, уточняя подробности и описания.

Свой автомобиль я поставила у края пустоши. Когда мы приблизились к нему, Сайкс спросил:

– Так что же именно вы от меня хотите?

– Не повредит, если вы нанесете визит в Грейт-Эпплвик, так, немного пошпионите. Если кто-то убил моего зятя, я хочу знать.

– Даже если это ваша сестра?

На это я не дала прямого ответа.

– В том, что никто, включая и Мэри Джейн, не знает, кто вы, есть преимущество. Возможно, вам удастся добыть полезную информацию, хотя и не знаю как. В подобных местах чужой человек как на ладони.

– Я пораскину мозгами.

– И это прозвучит очень подло.

– Продолжайте.

– Перед отъездом я постаралась убедить Мэри Джейн, чтобы она сообщила об исчезновении мужа своей матери или настоящей сестре, с которой она близка и вместе воспитывалась. Они ее подлинные родственники, и от них в любом случае будет гораздо больше пользы, чем от меня в смысле семейной поддержки. Бросил ее Этан, произошел с ним несчастный случай или...

– ...Его убили.

– ...Ей понадобится ее семья. Мэри Джейн сказала, что, возможно, сделает это, то есть навестит мать завтра.

– Но вы думаете, что она не поедет?

– Дети будут в школе. Мэри Джейн доверяет Остину попечению Гарриет, поэтому вполне может навестить своих. Если так, мне будет интересно узнать, каким трамваем или поездом она поедет.

Сайкс не пропустил ни малейшего намека, ни интонации.

– Вы ей не доверяете и хотите знать, не обратится ли она вообще к кому-то другому?

– Я не верю, что Мэри Джейн убила Этана. Но она не помогает себе. Может быть, она откровенна до глупости, или говорит нелепую ложь, или что-то скрывает. Она пытается охранять личную жизнь в ситуации, где это совершенно не годится.

Сайкс бросил на меня быстрый взгляд, и я почувствовала неловкость, словно он говорил: «А не себя ли ты сейчас описываешь?»

Глава 13

В доме было пусто. Войдя, я сразу включила свет. На столике в прихожей миссис Сагден вместе с дневной почтой оставила записку.

Ужин на блюде на противне.

Я позвонила:

1) ни в одной больнице поблизости не сообщили о жертве несчастного случая, похожей по описанию на Этана Армстронга;

2) ваш отец – ленч завтра, в полдень – встретится с вами в «Вебстерсе».

Одно письмо пришло от Маркуса, другое – из Йоркширской компании взаимного страхования. Но прежде чем заняться почтой, я решила поискать Соуки. Наверное, она уже родила.

Я позвала ее.

Конечно, она не ответила. Опустившись на колени, я заглянула под комод. Нет. Она не лежала, свернувшись комочком, ни на диване в гостиной, ни на стуле в столовой. Я поднялась наверх. Миссис Сагден всегда закрывает все двери наверху. Соуки не проникла ни в гостевую спальню, ни в ванную комнату, ни в кладовую. Какое облегчение. Миссис Сагден была бы крайне возмущена, если бы Соуки принесла свое потомство на постельном белье. Под моей кроватью ее тоже не было, равно как и на ротанговом стуле рядом с умывальником. Бессмысленно выглядывать в окно, чтобы поискать кошку в сгущавшейся темноте, но я все равно это сделала. Достала из комода кардиган.

Где же она может быть?

Есть, кажется, старая китайская поговорка, предостерегающая от поиска черной кошки в темном лесу, а если нет, то должна быть.

Тем не менее я быстренько гляну в сад и в лесочке. Я взяла фонарь и вышла через заднюю дверь. У Соуки имелось лежбище в кустах снежнотродника. Я вгляделась в проем между кустами – ее дверь. Луч фонарика высветил испуганную соню.

Я медленно обошла Бэтсвингский лес, ища между поваленными деревьями, где в мягкой коре можно устроить ночлег. По моим волосам чиркнул нетопырь.

– Соуки!

Если она разродилась здесь, какая-нибудь лиса могла растерзать и новорожденных котят, да и саму мамашу, учитывая ее слабое состояние.

Я сдалась и вернулась в дом. Миссис Сагден оставила мне ужин в виде пирога и зеленого горошка.

За едой я прочла письмо Маркуса.

Дражайшая Кейт!

Я примчался на вокзал Кинг-Кросс в надежде тебя проводить. Твой поезд как раз покидал вокзал. Так жаль, что я к тебе не успел и толком не попрощался. Время, проведенное с тобой, осветило мою жизнь.

До следующего раза. Скоро, я надеюсь.

Со всей любовью,

Маркус

Десять из десяти за краткость, Маркус.

Я вернулась из Лондона только вчера, а кажется – прошла целая вечность. Пока мы были там вместе, мне показалось, что Маркус сделает мне предложение, и я не могла придумать вежливого отказа.

Его общество мне нравится. Я спала в его постели. Но это не означает, что я хочу стать женой полицейского инспектора и жить в Хэмпстеде, ожидая по вечерам, когда он придет с работы домой. И все равно, его письмо меня подбодрило. Исходившее от него тепло вызвало у меня чувство вины и неудовлетворенности от того, что я никогда больше не почувствую безнадежную, беспомощную влюбленность.

Письмо же из Йоркширской компании взаимного страхования подняло мне настроение.

Управляющий просил позвонить, чтобы договориться о беседе с ним и главой отдела претензий. Если предстоящий разговор имеет отношение к выслеживанию мошенников, это как нельзя лучше подойдет моему компаньону Сайксу.

Я вернулась в темную комнату. Черная кошка в темном лесу.

Мы переоборудовали чулан в темную комнату вскоре после переезда в этот дом. Ее преимущество заключалось в полнейшем отсутствии света, а недостаток – в неискоренимой духоте.

В каменоломне я пользовалась фотопленкой на шесть кадров, на катушке. Осторожно размотав ее в кювету, я налила проявитель и стала

ждать. Работать при моем «безопасном» зеленом свете было приятнее, чем при красном.

Прошло несколько минут. Я вылила проявитель и налила закрепитель. В этом зеленом полумраке мне вдруг остро захотелось, чтобы все в жизни можно было укрепить с такой же легкостью, как фотографический снимок.

Кое-что я сделала исподтишка. Помимо каменоломни, я сделала две фотографии на ферме. Сняла якобы ягненка, но захватила и миссис Конрой, а на другой запечатлела Артура, положившего руку на спину овцы. Я всегда фотографирую с намерением представить свои снимки на конкурс.

Разбитые солнечные часы, общий вид карьера, верстак получились вполне прилично.

Мои украдкой сделанные портреты жены фермера и рабочего не завоевали бы никаких призов.

Теперь настало время заняться фотопластинкой, которую я использовала, чтобы запечатлеть то, что показалось мне отпечатком каблука, и то, что могло быть следом перетаскиваемого тела. Эту фотографию я сделала на краю пруда в каменоломне, где земля была влажной и отпечаток четким.

Тогда я думала, что пруд достаточно глубок, чтобы спрятать в нем тело. Это было до того, как Рэймонд меня просветил. Человек в ботинках может ступить в этот обманчивый пруд и даже не замочить лодыжек.

Все равно мне нужна была фотография.

У меня имелась книжица, которую я люблю читать, – «Нежное искусство фотографии». Неизвестный автор говорит, что каждый снимок должен быть точным, монохромным воспроизведением той сцены, на которую была нацелена камера.

Сцена, на которую нацелила камеру я, используя свой верный актинометр, чтобы точно определить требуемую экспозицию, могла получиться, а могла и не получиться похожей на след каблука и волочения тела. Кто потащит тело к пруду всего несколько дюймов глубиной?

Когда я позволила себе подглядеть, фотография начала проявляться – едва заметные очертания земли, очертания булыжника.

Между проявкой и передержкой существует тонкая грань, как между правдой и тем, что более или менее похоже на правду. О чем скажет этот снимок, кроме того, что я пошла по ложному пути, позволив своему воображению и детским страхам Гарриет разгуляться вместе со мной?

Я вылила проявитель обратно в мерный стаканчик, поставила кювету стоймя и извлекла из нее фотопластинку, взяв за края пальцами. Детали выглядели расплывчато, но темная скала была ясно видна, и я посчитала,

что негатив проявлен достаточно.

Каждый раз, когда я достаю из обертки лист самотонирующейся бумаги для печати снимков, меня охватывает ощущение чуда и наслаждения. Производители так осторожно обращаются с фотоматериалами, так благоговейно их упаковывают, что просто одно удовольствие ими заниматься. Если бы жизнь так хорошо заботилась о человечестве! Я положила глянцевую сторону на негатив, зафиксировала в нужном положении заднюю часть рамки и понесла на кухню, чтобы положить на свету.

К тому времени я была готова лечь в постель. Дверь в спальню была слегка приоткрыта. Я толкнула ее и только тогда услышала слабенекое мяуканье.

Соуки заморгала, когда я включила свет. Она лежала на дне ящика моего комода, который я оставила открытым, когда доставала кардиган. Я опустилась на колени, чтобы получше рассмотреть. Кошка с упреком на меня взглянула. *Ну, чего ты тарачишься, принеси мне поесть.* Слепые котята извивались, забираясь друг на дружку, чтобы схватить сосок. Один черный, два черно-белых, два полосатых и один – странного вида маленький гибрид: рыжий, полосатый и белый. Шесть котят.

Я вздохнула и пошла вниз за молоком и кормом.

В комод в моей спальне блял ягненок. Ребенок тянул меня за руку. Миссис Сагден, которая была не миссис Сагден, произнесла: «Шестеро детей». Соуки и ее котята возникли в кювете для проявки фотографий. Я не могла найти выход из темного леса, и это был не Бэтсвингский лес. Тропинка вела куда-то еще, к мелкому прудку, в котором лежало тело.

Когда я проснулась, мой собственный голос кричал во сне:

– Она неглубокая!

Человек, тащивший тело к пруду, был вроде бы мной. Он, или она, думал, что вода глубокая и что человек с камнями в карманах утонет без следа. Тело Этана подтащили к пруду, а затем перенесли в другое место. Но куда?

Вторник

*Ты всегда можешь поговорить с йоркширцем – но
особо с ним не разговоришься.*

Народная мудрость

Глава 1

Во вторник утром Джим Сайкс проснулся, точно зная: что-то с этой Мэри Джейн и пропавшим мужем нечисто. Он вознамерился выявить эту фальшивую ноту.

Сайкс стоял у кухонной раковины, наклоняясь вперед, чтобы увидеть себя в покрытом пятнами зеркальце, пристроенном на подоконнике. Он приглаживал волосы. Глядя в зеркальце, Джим видел сына Томаса, который сидел за столом и наворачивал овсяную кашу.

– Я беру твой велосипед, Томас.

Парень разинул рот – не слишком-то приятное зрелище, когда он набит кашей.

– Ну, папа!

– Закрой рот, до Вудхауз-лейн ходит трамвай.

– Как же я попаду на работу?

– Добежишь.

– Ну, папа!

Сайкс сунул руку в карман и выудил шестипенсовик.

– Тебе пока лучше поехать на трамвае, пока не найдешь, где можно безопасно оставлять велосипед.

– Я знаю, где безопасно оставлять велосипед.

Томас взял монету, сопоставляя неудобство и подкуп.

– Что я скажу людям? Они же знают, что я приезжаю на велосипеде.

– Ну а сегодня ты приедешь на трамвае.

Проехав полмили по Отли-роуд, Сайкс пожалел, что уговорил Томаса ехать трамваем. Давненько он уже не сидел в седле и не помнил, чтобы когда-нибудь так задыхался.

Бедный Томас. Когда ты старый и давно уже не работаешь, то забываешь, каково это быть паренком среди взрослых, не зная, что сказать о том или об этом, не находя слов, чтобы выразить простейшие мысли. Томас заявил о себе как об ученике, который приехал на велосипеде. И на тебе – всего день проработал и уже превратился в парня, который приехал на трамвае. От этого любой юнец смутится.

Сайкс почувствовал, как по спине у него стекает пот. И почему он не подумал об этом раньше? Он свернул на Норт-лейн. Он сядет в поезд, вместе с велосипедом, в поезд на вокзале в Хедингли. При мысли об этом он нажал на педали с новой энергией, держа руль одной рукой, а другой –

ослабляя узел галстука. Ветерок защекотал щеки и освежил горло.

Начальник станции поливал плантацию из горшечных растений, ровно держа лейку.

– Нет, приятель, в Грейт-Эпплвик вы отсюда не попадете. Вам придется ехать в Лидс и там пересесть на другой поезд.

Сайкс вздохнул. Достал огромный платок и вытер лоб. Он превратится в коммивояжера. На багажнике велосипеда у него был привязан коричневый чемоданчик, набитый аккуратно сложенными женскими чулками и мужскими носками. На время расследования исчезновения Этана Армстронга прикрытием Сайкса станет торговля чулочными изделиями. Накануне он навестил своего друга – рыночного торговца, который был обязан ему парочкой услуг с прошлых лет. Если же Сайксу требовалось понаблюдать, он доставал инструменты для ремонта велосипеда и принимался залатывать прокол. Медленно.

К тому времени как он заблудился – не станем говорить об этом миссис Шеклтон, – а затем отыскал дорогу, следуя по Хай-стрит в Грейт-Эпплвике, был почти полдень.

Держа в голове описание места, данное миссис Шеклтон, Сайкс проследовал по Хай-стрит, свернул направо вдоль сплошного ряда домов и налево – на проселочную дорогу.

Теперь он жалел, что не остановился в городке, чтобы подкрепиться в пабе. Как раз в тот момент, когда он уже собрался развернуться, Сайкс заметил, что трава на обочине приобрела серовато-белый оттенок. Должно быть, он недалеко от каменоломни. «Наблюдать» здесь смысла нет. В своем коричневом костюме и с мальчишечьим велосипедом он превратится в посмешище через минуту после прибытия. Он возьмет вправо, что приведет его на Нижний конец.

Сайкс замедлил движение, подъезжая к дому, который, видимо, был коттеджем Мэри Джейн.

Если бы он по-прежнему служил в полиции, для него устроили бы хорошо продуманное укрытие, хотя он не мог представить какое. Рядом не было живой изгороди, нуждающейся в стрижке. Сложенная всухую каменная стена требовала некоторого внимания, но если он ею займется, то всё испортит, не говоря уже о том, что одет неподходящим образом. Нет. Единственное, что можно сделать, это находиться от коттеджа на приличном расстоянии и наблюдать.

Полуразрушенная каменная стена дала ему хотя бы то преимущество, что позволила перебраться через нее, затащить туда же велосипед и никем не замеченным присесть там на корточках. При обнаружении он мог

заявить, что ремонтирует прокол в стороне от дороги, чтобы его не сбил несуществующий транспортный поток.

После почти часового наблюдения за коттеджем правая нога Сайка затекла так, что хотелось кричать. Мэри Джейн вполне могла уйти на рынок. Лишь твердое знание того, что по утрам женщины занимаются домашними делами, заставляло его держаться как можно ближе к объекту наблюдения.

Дверь коттеджа открылась. Сайкс осторожно выглянул из-за стены. Кейт сказала, что Мэри Джейн может куда-то поехать, и велела проследить за ней.

Первой вышла девочка, за ней – мальчик. Они обернулись помахать рукой, а затем заторопились по дорожке, словно могли опоздать в школу. Они приходили домой пообедать. Мэри Джейн стояла на пороге и махала, пока дети не дошли до поворота дорожки. Сзади Сайкс разглядел не слишком много, только зачесанные вверх и уложенные волосы, серое платье и завязки белого фартука.

В животе у Сайкса заурчало. Голова болела. Икры нещадно ломило. Эта женщина никуда не собиралась. Он попусту терял время. Сайкс потерял руки, чтобы вернуть пальцам чувствительность. Сделай несколько приседаний. Вспомни того инструктора по физической подготовке, когда ты только начинал служить. Спина прямая, колени согнуты, вверх, вниз. Если кто-нибудь пройдет мимо его стены, то решит, что он сбежал из психушки. Сайкс посмотрел на часы. Только половина второго. Иди же куда-нибудь, женщина, если ты идешь. Сайкс рискнул встать, распрямляясь, как старик. Взмах ногой, взмах другой ногой, держась за стену. Так-то лучше. Взмах рукой, левой, правой, левой, правой. Не искушай судьбу. Прячься за стену. Сядь на корточки и следи. А кому принадлежит это поле? Не появится ли какой-нибудь разгневанный фермер, ведя на поводу быка? Сам же будешь виноват, если тебя забодают, старина.

Без десяти два дверь открылась.

Вышла Мэри Джейн. Она заперла дверь и просунула ключ в щель для писем. Одета она была в серое, до середины икры пальто, на голове – шляпа с полями, видны были черные чулки и черные сапожки до щиколоток. Сумки у нее не было. Сайкс наблюдал за Мэри Джейн, отметил ее рост – около пяти футов четырех дюймов, разворот красивых плеч, походку – с поднятой головой, очень прямую. Она держалась, как миссис Шеклтон, намекая на какое-то внутреннее содержание и неприкосновенность. Разница заключалась в том, что миссис Шеклтон ходила быстро, как человек, который должен успеть на встречу, сестра же

ее, миссис Армстронг, двигалась медленно, словно до наступления ночи ее ждал долгий путь и она должна задавать себе темп.

Такая походка затруднит Сайксу следование за ней на велосипеде, особенно под горку. Но он не рискнул оставлять велосипед за стеной. Его потеря станет слишком высокой ценой.

Он поднял велосипед над стеной и мягко поставил на землю. Все еще двигаясь скованно после долгой слезки, Сайкс перелез через стену, свалив свободно лежавший камень. Плохо.

Сев на велосипед, Сайкс думал, что с виду он – вылитый коммивояжер, хотя и сожалел, что в коричневом чемоданчике не лежит вместо чулок и носков ломоть хлеба и кусок сыра.

Езда теперь превратилась в мучение, пытку. Он пытался ехать, приподнимаясь над седлом. *Забирай свой велосипед назад, Томас. Никогда больше не возьму его.*

Идя мимо фабрики, Мэри Джейн не смотрела по сторонам. Сайкс слушал лязгающую музыку ткацких станков, восхищался арочными, как в церкви, окнами фабрики и благодарил бога, что не работает в подобном месте.

Мэри Джейн свернула на узкую дорожку, прошла через мост. Там кто-то попался ей навстречу и поздоровался, но поговорить они не остановились. Будь это Роза, уж она бы останавливалась на каждом углу, чтобы поздороваться, и следить за ней было бы чертовски трудно. А за Мэри Джейн – легко. Никто не задерживал ее поболтать.

А вот, значит, куда ты собираешься. Она вошла в здание железнодорожного вокзала. Сайкс вскочил на велосипед и, забыв обо всех болях и неудобствах, закрутил педали со всей скоростью, на какую были способны его ноги. Он хотел встать в очередь за ней и услышать, куда она купит билет.

Мэри Джейн уже миновала контролера, когда Сайкс добрался до вокзала. Он заметил ее на первой платформе.

– Поезда на Лидс с первой платформы отправляются? – спросил Сайкс в билетной кассе. Он предположил, что, возможно, она хочет пересесть там на другой поезд.

– Да. Поезд через три минуты.

Сайкс купил билет. Прошел вместе с велосипедом на перрон. Сложность заключалась в том, что придется сдать велосипед в багажный вагон и упустить женщину из виду. Ничего тут не поделаешь. Он восхитился тем, как точно Мэри Джейн рассчитала время.

Подошел поезд. Пожилой мужчина открыл ей дверь купе. Мэри Джейн

кивком поблагодарила его и грациозно шагнула в вагон плавным, неспешным движением.

Преодолевая боль в мышцах рук, Сайкс забросил велосипед в багажный вагон.

Какое же облегчение стоять прямо.

Проводник дунул в свисток. Поезд медленно отошел от станции. Под перестук колес, в покачивающемся вагоне Сайкс задумался. Но когда поезд остановился, выглянул – на всякий случай.

Она ехала не в Лидс. Это был Хорсфорт. Мэри Джейн выходила из вагона. Будь она проклята, эта женщина! Сайкс вскочил, побежал, столкнулся с кондуктором, хватая свой велосипед, извинился, говоря, что у него срочное дело, сунув под нос кондуктору билет и с трудом пробившись из вагона на платформу.

Можно было не волноваться. Мэри Джейн неспешно шагала, удаляясь от вокзала. Сайкс последовал за ней, катя мимо контролера велосипед и чувствуя себя дураком. Утром он мог просто доехать до Хорсфорта. Это значительно сократило бы его путь. От Грейт-Эпплвика до Хедингли этот поезд не идет, но до Хорсфорта и обратно курсирует.

Мэри Джейн покинула вокзал, как актриса, совершающая выход на сцену. Она шла величественно, будто следом за ней маршировал духовой оркестр.

У обочины рядом с вокзалом Сайкс остановился, словно немного передохнуть, и стал шарить по карманам.

Мэри Джейн стояла неподвижно и оглядывалась. Чуть дальше по дороге из «Уолсли» вышел мужчина в хорошем темном костюме, на плечи накинуто кашемировое пальто, походка легкая, уверенная. Мэри Джейн двинулась навстречу ему. Он лишь коснулся ее руки, но было что-то особенное в этом прикосновении, в том, как они пошли в ногу и вместе повернулись. Они не заметили бы Сайкса, даже если бы шли на него, настолько были поглощены друг другом. Мужчина помог Мэри Джейн сесть в автомобиль, проделав это неторопливо и аккуратно.

Автомобиль отъехал от обочины.

Сайкс забыл про свои мозоли, натертые седлом велосипеда, и нажал на педали. Он по инерции скатился под гору, не выпуская машину из виду, пока та не остановилась рядом с таверной. Он не простит себе, если вся эта погоня впустую и эта женщина – не Мэри Джейн Армстронг. А вдруг он следил не за тем коттеджем? Нет. Отбрось эту мысль. Это точно она.

Мужчина вышел из автомобиля, открыл дверцу и протянул женщине руку. С высоко поднятой головой, будто она каждый божий день выходит из

шикарных авто, Мэри Джейн плавно скользнула на тротуар. Они вместе вошли в таверну, но не через главный вход, а через боковой.

Сайкс подъехал поближе, завел велосипед за таверну и поставил у ограды. Никакое задание не стоит потери велосипеда Томаса. Отвязал от багажника свой чемоданчик коммивояжера. Затем вспомнил, что нужно снять зажимы со штанин.

За полированной дубовой дверью оказался вестибюль с внутренними дверями в обе стороны, до половины застекленными. На двери слева темно-зеленые огоньки складывались в надпись «ПИВНАЯ», на двери справа – «БАР». Сайкс остановил свой выбор на баре, прикидывая, что оттуда он будет видеть «САЛОН».

За прилавком стоял официант в длинном белом фартуке, с крайней сосредоточенностью протирая стакан. Он был причесан в стиле Рудольфа Валентино – волосы намазаны темной помадой и зачесаны назад. Маленькие усики были напوماжены столь же густо. Он повернулся к Сайксу со словами:

– Что желаете, сударь?

– А еду вы подаете?

– Подаем. Пирог и зеленый горошек.

– Тогда я буду пирог, зеленый горошек и пинту вашего домашнего горького.

– Отличный выбор, сэр.

Официант исчез. Сайкс предположил, что он ушел на кухню передать заказ на пирог и горошек. Пока он ходил, Сайкс глянул через бар в салон. Ни следа водителя автомобиля и дамы.

Сайкс пересек салон, вышел с другой стороны, где два туалета щеголяли свежепокрашенными дверями, не достающими ни до притолоки, ни до пола. Сайкс вошел внутрь. Аккуратные квадраты газеты были наколоты на гвоздь. Сайкс воспользовался удобствами, затем вернулся в бар. Его пинта стояла на столе, рядом с ножом и вилкой.

В окно Сайкс видел сиявший на солнце автомобиль. Здесь должно быть какое-то другое обеденное помещение, банкетный зал наверху, возможно, отдельный кабинет. Эта пара не желала, чтобы их видели вместе на людях.

Сайкс сделал долгий глоток пенного напитка, вытер рот тыльной стороной ладони.

– Ваш заказ, сэр.

Официант держал тарелку на ладони. Острый угол сложенной накрахмаленной салфетки, висевшей у него на руке, оказался в опасной

близости от левого глаза Сайкса.

Сколько они с меня за это сдерут, спросил себя Сайкс. За чистые фартуки и белоснежные салфетки всегда выставляют приличный счет.

– Спасибо. – От пирога поднимался пар и густой аромат подливки. – Выглядит хорошо.

Что ж, успокойся. Сколько бы ни взяли, он заслужил это после изнурительного утра, за усилие, если не за результат.

Официант кивнул на чемоданчик:

– Путешествуете?

– В своем роде. Чулки-носки и тому подобное.

– Дамские чулки?

Двойник Рудольфа Валентино проявил, казалось, нужный интерес.

– Имеются, – сказал Сайкс. – Если хотите, я покажу вам товар, когда поем.

Официант печально покачал головой:

– Мне не по карману.

– Никогда не знаешь, – бодро откликнулся Сайкс, отрезая кусок пирога.

– Приятного аппетита.

– Уж в нем-то недостатка нет.

Несколько секунд спустя официант вернулся со второй пинтой.

– За счет заведения.

– Ваше здоровье! – сказал Сайкс, мрачно размышляя, не означает ли это, что придется расплатиться парой чулок. Если так, то пусть отработает. Сайкс кивнул в сторону окна: – Шикарный автомобиль.

– Да уж.

– Принадлежит хозяину?

– Нет. Он пока что не расстался с лошадьми. Это полковника.

– Полковника Леджера? – наугад спросил Сайкс.

– Да. Вы его знаете?

– Знаю о нем, только и всего. Полагаю, как и все в здешних местах.

Как думаете, пара чулок его не заинтересует?

Официант улыбнулся:

– Вполне может быть, но я бы не рискнул подходить к нему с этим. При том что он человек доступный. С ним можно поговорить, не то что с его покойным отцом.

Он удалился за стойку, протер стакан, а затем исчез.

Сайкс ел медленно, наслаждаясь пирогом. Не каждая работа дает законный предлог посидеть в таверне, которая тебе не по средствам, и не

спеша насладиться обедом. Он сложил нож и вилку, но оставил немного пива на дне стакана. Сколько он сможет просидеть здесь, не производя впечатления человека, которому нечего делать? Не задержишься даже под предлогом переждать дождь. День стоял великолепный.

Что ж, придется рискнуть. Он достал записную книжку. В конце концов, должны же коммивояжеры вести учет товара и планировать разъезды. Это место ничуть не хуже любого другого, чтобы побездельничать над бумажной работой.

Официант снова возник за стойкой бара.

– Что-нибудь еще, сэр?

– Нет. Но я заплачу за свою еду.

Сайкс сунул карандаш за ухо и отнес к стойке пустую тарелку.

– Спасибо, – сказал официант.

Сайкс рассчитался и вернулся на свое место. Словно что-то вспомнив, открыл чемоданчик и достал пару чулок.

– Мой подарок.

– Это очень щедро с вашей стороны, – проговорил официант. – Я не намекал...

– Я знаю, что не намекали. Но еда была хорошей, эль – отменным, и вы дали мне пинту бесплатно. Что еще человеку нужно?

Разве что в будущем немного больше информации. Всегда хорошо иметь человека, к которому можно снова обратиться.

– Прошу меня простить, сэр.

Официант ушел ответить на звонок колокольчика.

Сайкс взял чемодан. Странно будет задерживаться здесь дольше. Кроме того, заведение скоро закроется.

Во дворе он медленно нацепил зажимы и отстегнул от забора велосипед. Вернул на багажник чемоданчик и со скоростью улитки повел велосипед через двор.

Мужчина и женщина вышли из боковой двери и направились к машине. Друг друга они не касались. Расстояние между ними составляло примерно фут. Сайкс сожалел, что не может понять, почему такое расстояние, и узнать, что это означает.

Мужчина вежливо подал руку, помогая Мэри Джейн сесть в автомобиль. Она, казалось, заскромничала и ушла бы пешком, но он настоял. Она села в машину немного неловко, подумал Сайкс.

Он ожидал, что автомобиль развернется и поедет в гору – туда, откуда приехал, но он двинулся дальше вниз, и поэтому Сайкс за ним последовал.

Мужчина вел машину, одной рукой крутя руль, а другой – обнимая

женщину за плечи.

Когда Сайкс добрался до подножия холма, автомобиль уезжал. Женщина стояла на другой стороне дороги, на остановке трамвая, который должен был отвезти ее обратно в Грейт-Эплвик.

Глава 2

– Поздний ленч, – согласился отец.

Была уже середина дня; действительно, очень поздний ленч. И я не была уверена, что у меня хватит топлива в баке, чтобы доехать до Уэйкфилда.

Мы с «Джоуиттом» летели по знакомым улицам через дымный город, мимо складов, фабрик и механических мастерских. Копоть залепляла защитные очки. Я смахивала ее рукой в перчатке, но это мало помогало. А потом мир распахнулся передо мной сельскими угожьями, полями, вышками шахт и ветхими коттеджами.

В Ньютон-хилле я остановилась заправиться. Когда я вылезала из машины, из будки появился плотный рыжеволосый механик. Он был одет в синий комбинезон, и за ним тянулся обнадеживающе мощный запах машинного масла.

– Издалека ехали, да?

– Всего лишь из Лидса. Залейте бак и полную канистру, пожалуйста.

Я рада была размять ноги и стряхнуть пыль. Мой день начался с тревожного сна под утро. Призрачная мисс Тримбл стояла рядом со скамейкой в церковном дворе, одетая в платье цвета кротовьей шкурки, голова вполоборота ко мне. На краях скамейки сидели еще два призрака, покрытые пылью из каменоломни, все трое старались обратить на себя внимание, говоря одновременно. Что же говорили мертвые?

Мисс Тримбл бормотала:

– Общество дамской дружбы без меня развалится...

Мертвый пастух сказал:

– Мой пес Билли слушает мои шаги.

Слова Этана затихли, прежде чем я их расслышала.

– Едете в Уэйкфилд, мисс? – поинтересовался механик.

– Да. Отец пригласил меня на ленч.

– Везет же некоторым! – Он присвистнул, заливая бак.

Солнце сияло, делая мир более радостным местом для тех, кого не донимают призраки прошлого.

Все эти годы я предпочитала не думать о том, что меня удочерили, загоняя эту мысль в глубь сознания. Теперь же благодаря Мэри Джейн информация вырвалась на свет и продолжала вырываться.

Каждая семья сложна на свой лад. По линии моей приемной матери я

могу проследить ее с самого начала. Первый барон получил свой титул в благодарность за виртуозное владение пером от имени королевы Елизаветы. Мама нарисовала родословное древо на листе бумаги, когда мне было пять лет, и позволила раскрасить карандашами квадраты, обозначавшие поколения. И еще снабдила меня атласом, дабы я могла обозреть все захваченные моими предками земли.

Механик закончил наливать бензин. Начал смывать мошкату и грязь с лобового стекла.

– Не представляю, как вы сквозь это видите, мисс.

– Вы замечательно все отмываете, – сказала я, но мои мысли блуждали.

Семья отца была военной. Он первым пошел служить в полицию. Целая полка в семейном шкафу с фарфором была отдана начищенным медалям, заслуженным в военных кампаниях, начиная с конца восемнадцатого века.

Семья моего мужа Джеральда тоже обладала определенными особенностями, позволявшими мне понять ее. Они переселялись из Англии в Шотландию и обратно. Когда я думаю о семье Шеклтонов, передо мной встают образы врачей в килтах и умных женщин – выходцев из Шотландии.

Где мое место в любой из этих замечательных историй?

Нигде. Если по крови, то я имела представление о семейной истории не больше воробья, клюющего что-то рядом с бензоколонкой.

Когда мне было лет семь, мама сказала, что меня удочерили, и попыталась объяснить, что это значит. После объяснения она дала мне четвертушку бумажного листа и предложила это нарисовать. Я наотрез отказалась и измарала бумагу каракулями.

Объявившись без предупреждения, Мэри Джейн заставила меня посмотреть на разлом, проходящий через мою собственную историю. Кровные узы связывали меня с миссис Уитекер, Барбарой Мэй и погибшими на войне братом, кузеном и дядей.

– Все готово, – сказал механик.

Я расплатилась по счету и дала парню чаевые за старание.

Отъезжая, я не могла отделаться от образа, навеянного рассказом Мэри Джейн: младенец, которого уносят из дома Уитекеров на согнутой правой руке.

Я припарковалась на Булл-ринге, словно приехала на трамвае, сменила дорожную шляпу на темно-синюю широкополую, засунула дорожное

пальто на заднее сиденье автомобиля, а затем пешком направилась на Кросс-сквер, опаздывая уже на десять минут при крайней пунктуальности отца.

Мы договорились встретиться в «Вебстерсе». Сюда до моего замужества мы обычно заходили с мамой, совершая походы по магазинам. Казалось странным встречаться с отцом здесь, среди модно одетых покупателей.

Папа помахал мне, встал и отодвинул для меня стул. Головы деликатно повернулись в нашу сторону. Папа, скинув габардиновый плащ, выглядел неотразимо в полицейской форме Уэст-Райдинга. При росте шесть футов его трудно было не заметить.

Папа улыбнулся.

– Прости за опоздание, папа. Я останавливалась заправиться.

– Все нормально. Наш главный констебль сегодня в духе, поэтому никто не станет смотреть на часы. – Он указал на меню. – Я заказал для нас. Надеюсь, тебе понравится. Я знал, что ты скоро придешь.

– И что же я ем?

Он смутился.

– Я заказал нам обоим рубленый бифштекс. У меня немного болит зуб, и не хотелось бы много жевать. Но если ты предпочитаешь...

– Рубленый бифштекс вполне подойдет.

Он наклонился вперед, глаза его возбужденно блестели.

– Ну, что это за тайны? Обычно ты не просишь миссис Сагден позвонить мне на работу и договориться о ленче.

Я развернула салфетку.

– Она тебя неправильно поняла? – Папа поднял бровь. – Я должен был пригласить и маму тоже?

– Нет. Я хотела поговорить с тобой. Ну, вообще-то, с вами обоими, но подумала, что сначала поговорю с тобой...

Чем больше я бормотала и увливалась, тем становилось хуже. Я так хорошо знаю папу, что сразу же поняла – он думает, у меня новости о нас с Маркусом Чарлзом. Я догадалась, что тетя Берта беседовала с мамой о том, сколько времени я провела с Маркусом за неделю пребывания в Лондоне.

Терпеть не могу голос своей тетки, громко и ясно несущийся по телефонным линиям.

«Джинни, дорогая моя, Кейт без конца встречалась с этим своим полицейским парнишкой, а видела ли я его? Нет. Слышала что-нибудь? Нет. Но что-то происходит, поверь мне».

Папа говорит, что, если бы полиция умела использовать телефон хотя

бы вполнину так, как мама и тетя Берта, коммуникация в полиции значительно улучшилась бы.

Следующие папины слова подтвердили мое предположение:

– Твоя тетя Берта говорит, ей жаль, что она не встретила с инспектором Чарлзом, когда ты была в Лондоне. Судя по всему, он неплохой парень.

– Да.

– Знаешь, ты не должна чувствовать себя обязанной продолжать детективную работу ради Джима Сайкса. Знаю, именно я предложил взять его, но он найдет другую работу. Да и миссис Сагден тоже. – Он посмотрел на меня и сразу же осознал свой промах: – Я забегаю вперед?

– Да, папа. Я не знаю, что сказала тетя Берта, но ты же знаешь, как она любит сватать. Я не планирую бросать работу или уезжать из своего домика.

– Прости, только...

– Причина, по которой я хотела тебя видеть, папа... Не знаю, с чего начать. Это никак не связано ни с Маркусом, ни с моей поездкой в Лондон.

– С чем же тогда?

Не оставалось ничего другого, как просто начать, просто озвучить происшедшее.

– Вчера рано утром ко мне пришла женщина. Ее муж таинственным образом исчез. Она решила, что именно я могу ей помочь.

Папа кивнул:

– Понимаю, почему она так подумала. Ты добилась некоторых успехов в этой области.

– Ее зовут Мэри Джейн Армстронг. Ее девичья фамилия Уитекер.

Мгновение он выглядел озадаченным, а потом до него дошло:

– Уитекер?

– Да.

– Из Уэйкфилда?

Я кивнула.

– Она говорит, что выросла в одном из ярдов рядом с Уэстгейтом.

– В Уайт-Свон-ярде?

– Именно так.

– Что ж, тогда она выбрала нужное имя и нужный ярд. Ты считаешь, она настоящая?

– Да, я думаю, что она моя сестра. Мы совсем не похожи, но есть в ней что-то, какая-то связь. У нее двое детей, и довольно странно, но ее дочка похожа на меня в этом возрасте. Ей около десяти лет.

Папа взял в правую руку нож, переложил в левую и обратно и вернул на стол.

– Полагаю, такая возможность всегда была. Как она тебя нашла?

Я коротко поведала о том, что другая сестра следила за моей жизнью.

Папа наклонился вперед и спокойно проговорил:

– Ты знаешь, что не обязана ничего делать, если не хочешь. Можешь передать это дело полиции.

– Я уже передала, ну, или попыталась, и Мэри Джейн тоже. Местный сержант организовал вечером в субботу поиски, но безрезультатно.

– Где она живет?

– В Грейт-Эпплвике.

– Хочешь рассказать мне об этом деле?

– Ну, да, думаю, мне следует, потому что оно не так однозначно, как кажется. Вчера умер еще один человек, мисс Тримбл, и я невольно связываю эти события. Следовало бы сделать вскрытие для установления причины смерти, но я думаю, что врач подпишет свидетельство о смерти без оного.

На папином лице отразился интерес, он немедленно уловил недосказанное. Мы могли разобрать это дело за едой и после. Но пока в моей голове преобладало нечто более личное, смущавшее меня.

– Прежде чем мы к нему перейдем, я надеюсь, что ты кое-что мне скажешь.

Официантка принесла наши бифштексы с картофелем и зеленым горошком, щедро укрытые подозрительно темной подливой.

– Что ты хочешь знать? – спросил папа, когда официантка ушла.

– Точно не знаю. Мама пару раз поднимала вопрос о моем удочерении. Полагаю, она думала, что должна об этом сказать. Но тогда я знать не хотела. Теперь же выбора нет.

– Может, тебе лучше поговорить об этом с мамой?

– Пока нет. Только когда я разберусь в своих мыслях. Понимаешь, Мэри Джейн сказала, что это *ты* меня унес. Она заявляет, что пыталась тебя остановить.

– Я этого не помню. Там были и другие дети.

– Значит, она права. Это ты унес меня из того дома.

– Мама ждала снаружи. Я одолжил автомобиль. Джинни в дом не пошла. Не знаю, чего она боялась. Возможно, думала, что будут слезы, разыграется сцена. Ее ведь легко расстроить.

– Поэтому я и хочу все для себя прояснить. Если ты ответишь на мои вопросы, мне останется только сказать маме, что я наконец-то

познакомилась со своей настоящей семьей. Не хочу устраивать из этого большую драму.

Видит бог, их и так достаточно. Мама не больше меня оправилась от потери Джеральда.

Папа полностью сосредоточился на жевании и разминании вилкой куска картофеля. Он старался есть только левой половиной рта.

– Тебе нужно сходить к дантисту, папа.

– Знаю. Только тебе известно мое мнение об этих типах.

– Все равно запишись на прием.

– Запишусь. – Он проглотил пищу. – Слышал о новом зубном враче, который открыл кабинет где-то рядом с Киркгейтом. Наверное, схожу к нему.

– Конечно. Мне пойти с тобой?

– Это было бы здорово. – Он набрал на вилку с полдюжины горошин. – Что еще ты хочешь знать?

– Почему эта семья? Почему Уитекеры меня отдали?

Папа положил нож и вилку. Если бы мы не находились в общественном месте, клянусь, он бы встал и зашагал по залу – от сочетания зубной боли и озабоченности. Он нахмурился.

– Мы с твоей матерью... – Он умолк. Вот как это теперь будет. Даже слово «мать» зазвучит по-другому. – Мы были женаты три года. Она с нетерпением ждала детей. Усыновление мы не обсуждали, но однажды я вернулся с работы пораньше. Ее дома не было. На вопрос, где она была, она ответила, что в «Доме Беды Достопочтенного»...

– В приюте?

– Да. У них там проходил ежегодный фунтовый день, когда люди жертвуют фунт муки, фунт сахара и так далее, и она принимала в этом участие. У нее набралось не знаю сколько фунтов того и сего, которые она собрала у подруг. Вот тогда я и узнал. Мы, люди, не всегда читаем в сердце другого. Но я запомнил, что она ходила в этот «Дом» и что говорила о живших там мальчиках. Там были только мальчики. Я почти ждал, что она предложит усыновить одного из них. Но она не предложила. Наступил один из тех холодных, туманных дней в октябре... я приехал домой очень огорченным. Один из моих лучших сотрудников внезапно умер от сердечного приступа. Ему было сорок пять лет, осталось одиннадцать детей.

– Одиннадцать?

– Кейт, это было в прошлом веке. Тогда мало или ничего не знали о...

Я поняла, что он имеет в виду, хотя отец и не закончил предложение.

Не обладая соответствующими познаниями, я не осмелилась бы попробовать то, что попробовала на прошлой неделе с Маркусом. Но я задумалась. Если моя биологическая мать была такой невысказанно плодотворной, почему я не сумела произвести на свет ребенка, прежде чем у меня отняли Джеральда?

– Тебе было всего несколько месяцев от роду. Миссис Уитекер было сорок четыре года, совершенно измученная женщина. У нее имелись достаточно взрослые дочери, чтобы за тобой присмотреть, но они должны были идти работать. Не помню, когда я приехал домой и рассказал Джинни эту историю, чтобы она решила навестить миссис Уитекер. Но именно это она и сделала. И в тот вечер сказала, что хочет, чтобы мы тебя удочерили.

– Вот так просто?

Он колебался, и в этот момент я поняла, что это было отнюдь не так просто. Моя мать просчитала бы все вероятности. Хорошо зная ее, я догадалась, что она осмотрела остальных детей, чтобы убедиться в их физическом и ментальном здоровье.

Папа медленно произнес:

– Едва она увидела тебя, как захотела забрать домой. Мы об этом поговорили и... Я уверен, что твоя семья не хотела с тобой расставаться, но учитывая обстоятельства...

Я кивнула. И не стала ему помогать. Он должен был рассказать мне то, что я хотела знать. Не стану отвлекать его вопросами.

– Продолжай, – сказала я, подцепив эту короткую полицейскую фразу от Маркуса Чарлза.

– Твоя мать, как ты знаешь, никогда от тебя не скрывала, что ты приемный ребенок. Но в детстве ты любопытства не проявляла. Когда же родились близнецы, ты словно обрела еще большую решимость стать членом нашей семьи, и никакой другой.

Это была правда. Я довольно хорошо помнила, как из частной лечебницы принесли моих новорожденных братьев и свое желание оберегать их и как я хотела, чтобы они поскорее выросли и я могла бы с ними играть и командовать ими.

Папа продолжал:

– Твоя мать заготовила несколько отличных рассказов на тот случай, если ты станешь задавать вопросы, но ты никогда их не задавала.

Зачем бы ей понадобились отличные рассказы, подумалось мне, разве что скрыть нечто неприглядное.

– Вы заплатили какие-то деньги? – спросила я.

Он покачал головой:

– Нет. Я проследил, чтобы семье оказали помощь из благотворительного полицейского фонда и организовали сбор денег. Для других детей подыскали работу. Когда двое мальчиков захотели уехать в Канаду, я написал им рекомендательное письмо в конную полицию. – Папа улыбнулся. – Они не одну неделю провели на ферме в Аутвуде, учась ездить верхом без седла. По-моему, у них все получилось.

– Семья до сих пор живет в Уайт-Свон-ярде?

Он прекрасно понял, о ком я спрашиваю – не о «семье», а о матери.

– Миссис Уитекер живет во втором доме справа. Время от времени я ее навещаю. Она о тебе спрашивает.

Внезапно на меня навалилась такая тяжесть, что я почувствовала себя приросшей к стулу. Если бы прозвучал сигнал пожарной тревоги, меня пришлось бы выносить.

Подошла официантка и весело спросила, не желаем ли мы десерт. Мы не желали, но заказали чайник чая.

Когда она удалилась, отец проговорил:

– Я так понимаю, ты хочешь познакомиться с миссис Уитекер?

– Полагаю, мне следует. Она, наверное, немолода.

– Ей уже хорошо за семьдесят. Я рад, что ты спросила меня о ней. Так часто в жизни мы опаздываем что-либо сделать.

К счастью, он не стал допытываться, когда я пойду. Что-то подсказало мне, что лучше будет сначала повидаться с мамой и сообщить ей, прежде чем я пойду с визитом к этой другой матери, живущей в Уайт-Свон-ярде.

Некоторое время мы сидели молча, пока не принесли чай. Я помешала в чайнике и разлила чай по чашкам.

– Я подожду, пока остынет, – заметил отец, потирая челюсть.

Зубная боль не помешала ему положить гору сахару.

– Скажи мне, – проговорил отец, – этот пропавший муж Мэри Джейн. Ты далеко продвинулась в расследовании?

– Нет. И это очень странное дело. Его дети, дочь по крайней мере, видели его лежавшим без движения в каменоломне. И теперь его нигде не могут найти.

– Без движения?

– Мертвым. Я считаю, что его убили и что кто-то все еще оставался там, затаившись поблизости, и избавился от тела.

– Ты сказала, что местный сержант обыскал каменоломню.

– Да. Я могла ошибиться. Гарриет могла ошибиться, она же маленькая девочка, но почему-то мне так не кажется. Сержант предпочитает не верить Гарриет – дескать, сочиняет. Он думает, что, раз исчезли инструменты

Этана, значит, он ушел после ссоры с женой. А потом смерть сестры викария, мисс Тримбл. Я уверена, она могла что-то мне рассказать. Я понимаю, что все это выглядит притянутым за уши.

Папа помешал чай.

– Пропавший мужчина, как его имя?

– Этан Армстронг.

Папина ложечка замерла.

Он уставился на меня.

– Этан Армстронг из Грейт-Эплвика?

– Да.

– И он работает?..

– Каменщиком.

– А...

– Что такое?

Он снова принялся помешивать в чашке, забыв, что сахар уже давно, наверное, растворился.

– Кейти, я бы хотел, чтобы ты вернулась со мной в управление. Я хочу, чтобы ты рассказала мне все, что знаешь.

– Но...

– Будет лучше, если я ничего больше не скажу. Но разумеется, если узнаю побольше подробностей, тогда... будет гораздо больший шанс найти его.

Не глядя мне в глаза, папа отхлебнул чаю и сморщился. Но в этом могла быть виновата его зубная боль.

Когда мы переходили Булл-ринг, папа взял меня за руку, словно я могла попасть под трамвай. Пока мы шли по Вуд-стрит, папа оживленно болтал.

Его слова не доходили до моего сознания.

Миссис Уитекер жила во втором доме справа, в Уайт-Свон-ярде.

Папа все еще держал меня за руку, хотя мы благополучно перебрались через трамвайные пути.

– Мама надеется, что ты погостишь у нас несколько дней. На прошлой неделе она затащила меня в «Империю» на «Кровь и песок». И в «Гранде» что-то такое идет – она называла. «Сироты бури», вот как. Я с радостью куплю вам билеты, если ты захочешь посмотреть.

Второй дом справа, в Уайт-Свон-ярде.

Мы шли по Бэк-Бонд-стрит и через минуту войдем в красное кирпичное здание полиции Уэст-Райдинга.

Второй дом справа, в Уайт-Свон-ярде.

Я остановилась. Никогда еще не чувствовала такого нежелания давать

показания, а именно об этом просил меня отец. Бедный папа. Он постарался, чтобы это выглядело рутинной процедурой, которая не займет много времени. Но я слишком хорошо его знала. Почему он так быстро изменился, когда услышал имя Этана Армстронга?

Я хотела отойти от этого дела – пусть им занимается кто-то другой – сержант Шарп, Джим Сайкс, – но теперь осознала, что это мое дело. Мэри Джейн обратилась ко мне.

Уайт-Свон-ярд, второй дом справа.

Что-то неладное в том, что я сопровождаю своего отца в управление.

– Почему, папа? Почему ты вдруг заинтересовался? До того как услышал имя Этана, ты спокойно оставил бы это дело местному сержанту.

К папе вернулась его профессиональная манера. Он говорил спокойно, словно выступал на общественном собрании, а не обращался к своей дочери.

– Человек пропал – это в нашей юрисдикции. Я проверю, поступило ли донесение.

– Все, что я тебе скажу, будет пересказом слов Мэри Джейн, Гарриет и...

– Совершенно верно. – Папа открыл передо мной дверь. – Ты уже их опросила. Это сэкономит нам уйму времени.

– Папа! Ты же просишь меня...

Но мы уже находились в здании и пересекали вестибюль, стук моих невысоких каблучков эхом отдавался от кафельного пола. На лестнице нам встретился полицейский в штатском. Папа кивнул молодому человеку, который нес тяжелую грудку бумаг, и негромко поговорил с парнем.

В своем кабинете папа выдвинул для меня стул, а сам сел за письменный стол.

Я сама слышала напряжение, нежелание в своем голосе, когда заговорила:

– Мэри Джейн дала показания в местном отделении полиции. Мне действительно нечего добавить.

– Кейти, что на тебя нашло? Ты ведь хочешь найти этого человека, разве нет?

– Да, конечно, хочу. Только ты что-то от меня скрываешь. Это несправедливо.

Папа вздохнул:

– Этан Армстронг представляет для нас интерес из-за своей политической деятельности, давай назовем это так. Ты осматривала его дом?

– Да.

– Что ты нашла?

Я покачала головой:

– Если он у вас на заметке из-за политической деятельности, я уверена, ты знаешь, какого рода документы я нашла. Этан ничего не скрывал. Он участвовал в деятельности профсоюзов. В этом нет ничего незаконного, верно? Папа, ты же знаешь, что такое для мужчины вернуться с войны, ожидая нового мира, жилья для героев и все такое. Меня не удивляет, что они пытаются как-то это воплотить.

– Но есть разные пути и способы, Кейти. Некоторые из этих групп подстрекают к беспорядкам, к всеобщей забастовке, призывают рабочих завладеть средствами производства. Они думают, что они в России семнадцатого года. Они ушли на войну заводскими ремесленниками и сельскохозяйственными рабочими, а вернулись научившимися убивать людьми. Есть люди, которые внешне остались прежними, но неизвестно, что у них в голове.

Я улыбнулась:

– Папа, Этан писал письма. Были там какие-то записи насчет объединения союзов – шахтеров и рабочих каменоломен – и поддержки бастующих или находящихся в локауте на шахте, где были урезаны зарплаты. Он по крупицам собирал разные сведения, делая вырезки из газет, и у него есть личная библиотека, книги из которой он давал почитать. Совершенно ничего зловещего. Этан собирал пожертвования для семей бастующих шахтеров, но деньги не пропали, ничего такого.

В дверь постучали.

– Войдите! – крикнул папа.

Молодой человек, с которым мы встретились на лестнице, молча прошел по кабинету. Подал папе записку: «Об Этане Армстронге нет».

Папа сердито на него посмотрел.

– В будущем складывайте записки, если хотите сохранить конфиденциальность. Хотя нужды в этом нет. Это моя дочь, миссис Шеклтон.

Молодой человек покраснел.

– Простите, сэр. Мадам.

– Свяжитесь с Отли, Симпсон. Узнайте, нет ли у них сообщения об исчезновении Этана Армстронга и внезапной смерти... – Отец посмотрел на меня.

– Тримбл, мисс Авроры Тримбл, из дома викария.

– Есть, сэр.

Молодой человек проворно отступил к двери.

Переплетя пальцы, папа рассматривал свои ладони. После паузы он примирительно заговорил:

– Я уверен, ты права насчет Армстронга. Не я составляю эти списки для Министерства внутренних дел, и на местах есть свобода действий. Вполне вероятно, что сержант Шарп навел собственные справки. Он не сказал бы тебе, но станет заниматься этим делом. Я не прошу тебя дать официальные показания или что-то в этом роде...

«Да неужели, – подумалось мне. – А именно так это звучало, когда ты услышал имя Этана Армстронга. Только мое нежелание заставило тебя изменить тактику».

– Просто расскажи мне об этом, Кейти. Очень возможно, что к концу дня вопрос так или иначе решится. И может, донесение уже в пути. Поэтому – что же сказала Мэри Джейн?

– Если донесение будет здесь к концу дня...

Однако папу было не так-то легко отвлечь.

– Я бы лучше узнал это от тебя.

Да, допроса не избежать.

– Примерно в пять часов вечера в субботу Гарриет понесла еду своему отцу в каменоломню. Он работал там один, наносил последние штрихи на солнечные часы для полковника Леджера. Гарриет говорит, что видела отца, и уверена, что он был мертв. Она пошла за помощью к ближайшим соседям – на ферму Конроев.

– Смышленная девочка.

– Первым делом вчера утром я вместе с ней сходила в каменоломню и сделала несколько фотографий.

– Снимки у тебя с собой?

– На них нет ничего, позволяющего сделать какие-то определенные выводы. – Я достала фотографии из сумки и разложила на столе. – Эта сделана за хижинкой. Ты увидишь следы ног. Ничего необычного в этом нет, но один из них маленький. Может, принадлежит женщине или невысокому мужчине либо подростку. Остин, мальчик, думал, что за хижинкой скрывается гоблин. О каменоломне ходят страшные истории, их придумывают, чтобы отпугивать детей. Но он мог что-то услышать. Затем вот это.

Папа разглядывал снимок мелкого пруда, след обуви, следы волочения на влажной земле.

– Да, я вижу, как это выглядит. Пруд...

– Я тоже так подумала. Он кажется глубоким, но наполняется всего

лишь грунтовыми водами и дождем, очень мелкий, в нем недостаточно глубины, чтобы спрятать тело.

– Ты уверена?

– Мне сказал один из каменщиков.

– Все равно мы должны проверить.

– Мне пришло в голову, что...

– Продолжай, Кейти. Как бы нелепо это ни звучало.

– Человек, не знающий каменоломню, мог подумать так же, как и я, и подтащить тело к пруду. Как только он понял свою ошибку, ему пришлось искать другой способ от него избавиться.

– Ты можешь оставить их мне? – Папа протянул руку к снимкам.

Я пожала плечами:

– Если расследование веду не я, а ты, то они мне больше не нужны. Но зачем так секретничать со мной? Этан уважаемый рабочий, заинтересован в улучшении условий труда. Что в этом такого революционного?

– Кейти. – Папин голос звучал с интонацией: «Ты знаешь гораздо меньше, чем думаешь». – Этан Армстронг – часть разветвленной сети. Не стоит недооценивать мотивацию людей, которые хотят радикально изменить наше общество. Нам приходится проявлять осторожность. Эти люди имеют доступ к взрывчатым веществам. И в стране по-прежнему очень много оружия, принесенного солдатами домой с войны. Мы вынуждены повсюду следить за сплоченными группами политически мотивированных людей, и не только ирландцев.

– Я не наткнулась ни на анархистские бомбы, ни на пистолеты. Армстронги живут на жуткой улочке под названием Нижний конец. Это сырой коттедж, разве что крыша у него хорошая да есть огород за домом, где они выращивают немного овощей. Может, Этан Армстронг и имеет доступ к взрывчатке, но мне кажется, он больше пользуется пером и чернилами.

Папа кивнул:

– Ты хорошо разбираешься в людях, Кейти, но ты не встречалась с ним лично. Судя по твоим словам, это может быть чисто бытовое дело или какие-то производственные разногласия, не имеющие никакого отношения к политике. Возможно, все объяснится очень просто. А теперь оставь это нам, Кейти. Не возвращайся туда.

Возвращаться туда я не собиралась, однако меня удивило, что папа, по сути, отдал приказ.

– Ты прав, мне трудно быть объективной. Поэтому-то сегодня в Грейт-Эпплвик поехал Джим Сайкс, осмотреться на месте.

– Тогда, пожалуйста, отзови его оттуда.

– Папа, что ты от меня скрываешь?

Потому что и я кое-что скрываю от тебя: миссис Сагден тоже не терпит, если сестра в трамвай до Грейт-Эпплика и провести собственное небольшое расследование. Ей пришла мысль помочь Сайксу.

Папа побарабанил пальцами по столу.

– Ты слишком близкий человек в этом деле. Мэри Джейн следовало проявить больше разума, больше осмотрительности.

– Осмотрительность отходит на второй план, когда у женщины пропадает муж.

Он кивнул и мягко произнес:

– Это еще одна причина, по которой тебе нужно выйти из игры. Предоставь это мне. И вот тебе совет насчет истории Гарриет. Не всегда можно полагаться на слова детей, особенно девочек ее возраста. Они любят сочинять. Как только они оказываются в центре внимания, то хотят его сохранить и держатся за свою выдумку, пусть даже совсем фантастическую.

Глава 3

Небольшое расстояние от Бэк-Бонд-стрит до Кросс-сквер я проходила столько раз, что могла найти дорогу и с закрытыми глазами. Но на углу Вуд-стрит старый солдат играл на флейте такую навязчивую мелодию, что я остановилась как вкопанная и бросила монетку в его шляпу. Как много храбрых мужчин в этом мире пытается вести что-то похожее на жизнь. Я подумала, что лучше мне или не смотреть, или заняться каким-нибудь благородным делом.

Я вспомнила слова Мэри Джейн о том, кто в нашей семье погиб на войне. Брат, кузен и дядя. Не интересуйся той семьей, сказала я себе. Не гадай, как они выглядели, хорошо ли играли в гольф, были ли помешаны на лошадях или сгорали от страсти к фотографии, любили ли читать, преуспели ли в какой-то сфере жизни, если имели бы возможность.

Как там сказал папа? Миссис Уитекер настолько пала духом, когда умер ее муж, что отдала меня.

Но неужели они все пали духом? У нее было еще десять детей, некоторые должны уже были работать, а другие – достаточно большие, чтобы кормить младенца и менять ему пеленки. Они могли меня оставить.

Но я была рада, что они этого не сделали.

Пасть духом. Что ж, я знаю, каково это. Я сама пала духом. И не помогаю Мэри Джейн. Я отправила в эпицентр событий Сайкса по той простой причине, что не могла смотреть правде в глаза. Мэри Джейн не следовало ко мне приходить. Ее отец служил в полиции. У них должен быть кто-то, кто-то из знакомых ее матери – да хотя бы мой отец, – к кому она могла бы обратиться. От своей сестры Барбары Мэй она знала, что я потеряла Джеральда. Явившись в мой дом, Мэри Джейн лишила меня выбора. Ну, возможность выбора я себе вернула и сделала его. Пусть смертью или исчезновением Этана Армстронга занимается полиция Уэст-Райдинга.

Я не хотела быть частью семьи Уитекеров. По всему, что сказал мне отец и что я услышала от Мэри Джейн, они показались мне компанией людей, берущихся за любую работу. Ездоки без седла, которые отправились на другой конец света, уборщица в больнице Барбара Мэй, которая выяснила, где я живу, горничная при леди Мэри Джейн, получавшая от хозяина деньги за фривольные фотографии и постоянно неудовлетворенная своей жизнью. Это были люди, которые брели в разные стороны и в то же

время вникуда, ходили по кругу, встречая самих себя на обратном пути. Это была семья, движимая необходимостью, не имевшая ни минуты отдыха, чтобы задуматься о том, что есть в жизни чудесного, и не имевшая возможности выбрать какую-нибудь полезную профессию.

Однако любопытно было увидеть, откуда я родом, – не семью, а просто район.

Уайт-Свон-ярд, второй дом справа.

Я пересекла Кросс-сквер, миновала Брэд-стрит, прошла через Уэстгейт, и вот он – Уайт-Свон-ярд. Я ступила в проем и вошла во двор. Лишь один взгляд, и не больше. Взгляд на это место.

Кисловатый запах водосточков и капусты смешивался с хмелевым, пивным духом, идущим из Уайт-Свона. В дальнем конце двора сушилось на веревке белье: сероватая простыня, нижняя юбка и панталоны. На полпути в глубь двора женщина в длинном черном платье и белом фартуке скребла подоконник. Рядом с ней стояло эмалированное ведро в окружении лужиц расплескавшейся воды. На каменных плитах, которыми был вымощен двор, лежала довольная собака и лениво чесалась за ухом.

В этот двор никогда не заходят посторонние, догадалась я. Им нечего здесь делать.

Я посмотрела на второй дом справа. Белая занавеска прикрывала нижнюю часть окна, а развернутые бумажные жалюзи – верхнюю. Порог и подоконник сверкали чистотой. На верхних окнах висели синие шторы. Дверь выкрашена коричневой краской.

Открылась дверь первого дома. На улицу высыпали маленькие дети.

Была ли она там, во втором доме, эта женщина, которая меня родила, а потом от меня отказалась? Если я простою здесь достаточно долго, не увижу ли, как придет ли домой на чай неизвестный мне брат, или она живет одна? Возможно, она работает, чтобы прокормиться, или сидит с внуками. Я понятия не имела. Есть простой способ узнать. Мне только и нужно, что постучать в эту дверь.

Но я не хотела знать. Было достаточно просто посмотреть. Мои пальцы сжались в кулак, но не для того, чтобы постучать в ту дверь. Я покинула двор и прошла взад-вперед по улице, перешла на другую сторону и обратно, а потом вернулась в Уайт-Свон-ярд, ко второму дому справа.

У мистера и миссис Уитекер родилось одиннадцать детей, и, насколько я знаю, в промежутках было несколько выкидышей. Кого отдала миссис Уитекер? Меня. Логика и здравый смысл подсказывали, что это никак не было связано ни с моим внешним видом, ни с гладкостью кожи, ни с запахом, и все же – как она могла это сделать? Меня взяли и отдали, как

нежеланного котенка.

Я снова сжала руку, готовая стукнуть в дверь. Но не стоило дополнительно осложнять жизнь. Мэри Джейн и так в нее вмешалась и спутала другие планы.

Завтра, в соответствии с договоренностью, я навещу страховую компанию, с надеждой подумала я. Напишу письмо своему возлюбленному, договорюсь с ним о скорой встрече. В день посещения поеду в больницу в Кэттерике, чтобы... Я не позволила себе до конца признаться, что буду искать Джеральда среди мужчин, потерявших память или получивших такие раны, что они решили навеки укрыться от мира. Госпитали поменьше в разных частях страны наконец закрылись, людей перевели в Кэттерик. Шанс был ничтожен, но все равно...

Коричневая дверь второго дома справа в Уайт-Свон-ярде жила своей жизнью. Все остальные детали двора превратились в ничто. Остались только я и эта дверь.

Если за дверью звучат голоса, услышу ли я их, если подберусь поближе? Возможно, Мэри Джейн последовала моему совету и как раз сейчас рассказывает матери о своих несчастьях, включая сообщение о бесполезности той сестры, которую отдали. Они правильно поступили, избавившись от нее.

Ни звука.

А вдруг она умрет сегодня вечером, эта женщина, которая дала мне жизнь? Будет ли иметь значение, что я так ее и не увидела? Я могу выбрать – не постучать. Мне нужно только выйти из двора, повернуть направо, дойти до автомобиля и поехать домой.

Папа был прав. Пусть полиция помогает Мэри Джейн. Если когда и было дело для полиции, то вот оно. Я с самого начала так и сказала. Когда шум уляжется, может, я и приду сюда снова и постучусь в эту дверь.

Более того, сначала я должна рассказать обо всем своей настоящей матери – женщине, которая меня воспитала и нянчилась со мной, когда я болела, которая частенько жалуется, что никто, кроме меня, не ходит с ней в кино. Это, разумеется, неправда, но она говорит так, чтобы я приехала.

Сонная собака на тротуаре устала таращиться на меня и закрыла глаза.

Я постучала в дверь.

И окно было совсем близко, я могла в него заглянуть, в просвет между шторой и жалюзи. Она была дома, сидела в кресле у камина. Значит, отдыхает, наслаждается возможностью посидеть в тишине и покое.

Женщина с трудом поднялась из кресла – седая, сухопарая, в длинной темной юбке и темно-синей безрукавке поверх джемпера с длинными

рукавами. Я отвела глаза, чтобы она не увидела меня подглядывающей. А затем дверь отворилась.

Мгновение мы пристально смотрели друг на друга. Морщины на ее коже под высокими скулами были похожи на паутину путей на конечной станции трамвая. Женщина прищурилась, словно подумала, что должна знать меня.

– Миссис Уитекер?

– Кто спрашивает?

– Кейт Шеклтон. Вы можете узнать меня, если я скажу Кэтрин Худ.

Она схватилась за сердце. Какая же я идиотка. Она свалится замертво от шока, и виновата буду я.

Сегодня во втором доме справа в Уайт-Свон-ярде умерла от шока женщина, встретившись со своей давно потерянной дочерью. Близкий к семье человек сказал...

Прости, Мэри Джейн. Мне не удалось найти твоего пропавшего мужа, но я довела твою мать до инфаркта. Возможно, когда найдется тело Этана, ты сможешь организовать двойные похороны.

Но женщина не рухнула замертво. Напротив, открыла дверь пошире.

– Вам лучше войти. – она глянула на каминную полку, где могли стоять часы, как будто чтобы запомнить точный момент возвращения ее младенца Кэтрин. Часов не было.

Не показывая своего удивления, она непринужденно произнесла, будто возобновляя только что прервавшийся разговор:

– На минуту мне показалось, что я смотрю на свою тетю Фебу. Ты похожа на нее.

– Я просто проходила мимо, – сказала я. – Я вас не задержу.

Не дольше, чем ты держала меня у себя.

Я обвела взглядом комнату. Обстановка скудная. Если не считать кресла у камина, лишь пара табуреток и стол.

Миссис Уитекер увидела, что я озираюсь.

– Покинув этот дом, ты жила обеспеченно, девочка.

Я не хотела, чтобы это прозвучало так, как прозвучало.

– У вас было одиннадцать детей? Здесь?

– Без тебя десять. Ты не присядешь?

Я поняла, что хозяйка предлагает мне кресло, но взяла стоявшую у стола табуретку и села. Она вернулась в кресло.

– Ты просто проходила мимо?

Мне понадобилось тридцать два года, чтобы «просто пройти мимо».

– Сегодня я встречалась с отцом за ленчем в «Вебстерсе».

– Очень мило.

– Я спросила его о вас. Мне подумалось, что пора нам наконец познакомиться. Надеюсь, вы не против.

– Что так, что этак. Ты сама так сказала. – Миссис Уитекер оглядела меня с головы до ног – мою шляпу, пальто, чулки и туфли. – Он рассказал, как получилось, что они забрали тебя к себе?

– Да. – Она не употребила слово «удочерили». – Вы овдовели.

Миссис Уитекер вздохнула:

– Да, так и было. И мне жаль, что война отняла у тебя мужа. Мне сказала наша Барбара Мэй.

– Похоже, Барбара Мэй многое обо мне знает.

Она кивнула, гордясь обширными познаниями Барбары Мэй.

– Всегда есть человек, который держит семью вместе, помнит дни рождений, свадеб, смертей, имена детей. В нашей семье это Барбара Мэй. Она сплачивает всех нас. Она узнала, где ты живешь. Сказала, что свозит меня посмотреть и мы сможем заглянуть в окно, если тебя не будет. Я ответила – нет. Но теперь ты здесь. Это благодаря Барбаре Мэй ты пришла?

– Нет. Благодаря Мэри Джейн.

– Мэри Джейн? – Миссис Уитекер подалась назад, словно для восприятия этой невероятной информации требовалось немного больше места.

– Она пришла ко мне.

– В самом деле? Тогда у нее, должно быть, неприятности. Она никогда ни к кому не ходит, только если ей что-то нужно. А что случилось?

Я пожалела, что упомянула Мэри Джейн. Пожалела, что не отложила свой визит до другого дня.

– Значит, вы мало видите ее и детей?

– Да. Заметь, Этан меня навещает. Он хороший парень. Если у него поблизости одно из его собраний, он обязательно заходит, и всегда не с пустыми руками. Всегда принесет пару яиц, или кусок ветчины, или фунт муки. Однажды даже принес мне курицу. – Миссис Уитекер прищелкнула языком, вспоминая такую расточительность. – Кстати, ее пришлось оципывать.

Я улыбнулась и встала, собираясь уходить.

– Я навещу вас в другой раз, если вы не против.

– Если хочешь. Если будет желание.

– Что ж, до свидания.

Что мне сделать? Пожать руку, поцеловать в щеку или погладить по голове? Я ничего не сделала. Когда я уже стояла у двери, она коснулась моей руки.

– Что там у Мэри Джейн, если она тебя потревожила?

Лгать смысла не было. Очень скоро она и сама все узнает.

– Этан пропал. Она с субботы его не видела.

Протянув руку, миссис Уитекер сняла пальто, висевшее на крючке с обратной стороны двери.

– Мне лучше поехать к ней.

– Да не надо, я уверена...

– Мэри Джейн должна была ко мне прийти. Ты отвезешь меня туда? Я знаю, что у тебя есть автомобиль. Он синий.

Видимо, ей доложила Барбара Мэй.

– Поддай вон ту хозяйственную сумку, а?

Я взяла лежавшую на краю стола хозяйственную сумку.

– Мы можем поехать и привезти что-нибудь, раз уж она нас не ожидает... во всяком случае, меня.

Я могла отказать. Мне следовало отказать. Какого черта я здесь делаю?

Мы вышли на улицу. Миссис Уитекер заперла дверь и опустила ключ на веревочке в щель для писем.

Собака посмотрела на нас. Оторвала свое старое тело от тротуара и встала, виляя хвостом.

Когда мы пошли со двора, собака потрусилась за нами.

– Эта собака идет за нами.

– А, да. Бенджи мой пес. Мы его не оставим.

У зеленщика и мясника миссис Уитекер попросила записать покупки на ее счет, но я заплатила. Почему у меня возникло чувство, что я и дальше буду платить, и не только наличными?

Всю дорогу она просидела, как статуя, в накинутом на плечи дорожном пледе. Большой пес сидел у нее на коленях, высунув из-под пледа только голову. Иногда он встревоженным взглядом провожал тихие улочки, по которым мы ехали, периодически гавкая непонятно на кого. Когда мы оказались в шуме и дыме города, он расслабился и закрыл глаза.

Это лучшее, что я могу сделать, говорила себе я. Теперь с Мэри Джейн окажется настоящий член семьи, а исчезновение Этана будет расследовать полиция. Я могу откланяться.

Темнело, когда мы добрались до Грейт-Эпплвика. Знакомым путем я проследовала до дома Мэри Джейн. Занавески на окнах внизу были

отдернуты, жалюзи подняты. На подоконнике ярко горела свеча, будто чтобы заманить Этана домой.

Миссис Уитекер откинула плед, и Бенджи выпрыгнул из машины и побежал к двери коттеджа, словно с самого начала знал о цели нашего путешествия.

Я помогла миссис Уитекер выбраться из автомобиля, и мы вместе направились к двери. Она открыла ее и вошла в дом. Дети были в пижамах. Мэри Джейн сидела за столом, пила чай и курила сигарету.

Она удивленно подняла глаза:

– Здравствуй, мама. Не ожидала тебя.

– И когда же ты собиралась мне сказать? – спросила миссис Уитекер, расстегивая пальто.

– Бабушка!

Гарриет бросилась к миссис Уитекер, которая подхватила и поцеловала ее.

Пес, облегчившийся у яблони, теперь вбежал в дом. Пространство сжалось.

Я топталась на пороге.

Мэри Джейн с упреком посмотрела на меня:

– Ты же сказала, что не приедешь сегодня.

– Я больше ничего не могу сделать, Мэри Джейн. Исчезновением Этана занимается полиция Уэст-Райдинга. У меня его забрали. Когда у меня будут какие-то новости или я смогу чем-то помочь, то я приеду.

Гарриет вся превратилась в слух. Мэри Джейн встала и вышла вместе со мной на улицу, закрывая дверь и приговаривая:

– У маленьких поросят большие уши. – Оказавшись за пределами слышимости, она спросила: – Ничего? Ничего?

– Я не бросила дело.

– Дело? Значит, я дело?

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Маме это понравится. Заявиться сюда, командовать нами. Да еще и с этим ее вонючим псом. Ты знаешь, как пахнет у него из пасти?

– Детям пес нравится. Он их отвлечет.

– О, это точно. Они возьмут его на веревку и побегут по деревне. – Мэри Джейн затянулась сигаретой – окурок был таким маленьким, что, наверное, обжигал пальцы в пятнах никотина. – И на том спасибо.

Я открыла дверь и попрощалась с миссис Уитекер и детьми. Мэри Джейн вошла в дом, оставив меня снаружи.

Как раз когда я садилась в машину, подбежала Гарриет, босиком, что-

то держа в руках.

– Это принес для вас Рэймонд. Это куски сланца от солнечных часов.

Она подала узелок, в котором лежало что-то твердое. Там должны быть цветы, которые Этан вырезал, чтобы замаскировать дефект сланца. Если их окажется четыре, значит, часы он закончил. Если три или меньше, его прервали, прежде чем работа была выполнена.

Еще один фрагмент головоломки, а может, и нет. Я положила сверток на сиденье рядом с собой.

– Спасибо, Гарриет.

– Я рада, что вы привезли бабушку.

– Я тоже. Ну, тогда спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Гарриет все еще стояла на дороге, когда я завела мотор.

– Иди в дом. Простудишься.

– Вы мне верите? Верите моим словам, что я видела папу? Потому что сержант Шарп думает, будто я маленькая лгунья.

– Да, Гарриет, я тебе верю.

– Кто-то убил папу? И мисс Тримбл?

– Не знаю.

– А вы думаете...

– Что?

– Если бы я принесла папин обед быстрее, все было бы хорошо? Это я виновата, тетя Кейт?

Впервые она воспользовалась моим предложением называть меня тетей.

– Ты ни в чем не виновата, Гарриет. Спроси у бабушки. Она скажет тебе то же самое.

Глава 4

Шел девятый час, когда я приехала к себе, дом был погружен в темноту. Я включила свет. На столике в прихожей лежала вторая почта. Я прошла через кухню, где мрачно тлел жалкий слабый огонек.

Когда я постучала в дверь на половину миссис Сагден, экономка не ответила. Вернувшись на кухню, я разожгла нормальный огонь, включила газ и наполнила водой чайник.

На кухонном столе лежали две записки. Первая гласила:

Шесть часов. Соуки покормлена и поглажена. Заглядывала три раза с интервалом в два часа. Котята в удовлетворительном состоянии. Элиз Мертон.

Элизабет Мертон живет через дорогу. Сестра профессора, выполняющая обязанности его экономки.

Вторая записка лежала запечатанная в коричневом конверте, на лицевой стороне – мое имя, выведенное аккуратным круглым почерком миссис Сагден.

Вы правы. В этом деле пригодятся все силы. Сажусь в трамвай до вокзала. Сегодня вечером собрание в церкви медиумов в Грейт-Эпплвике.

P. S. Ваша встреча с мистером Райтом из Йоркширской компании взаимного страхования завтра в 9.30 утра.

P. P. S. Взяла с собой вещи для ночевки, на всякий случай.

Ничего такого про все силы я не говорила. Видимо, миссис Сагден наскучило ее вязание, закончились библиотечные книги и ей ужасно захотелось провести небольшое расследование.

В дверь позвонили. Я побежала открывать, ожидая увидеть усталую миссис Сагден, измученную летучими духами и обратной дорогой на трамвае, не нашедшую сил искать в сумке ключ.

– Здравствуйте. Вы выглядите так, как я и думал.

Это был Сайкс. Он взял из багажника сверток, а затем закатил велосипед в прихожую.

– Я купил нам рыбы с жареным картофелем.

Никогда я не была так рада видеть его, как сейчас.

– Проходите на кухню. Вы знаете, что миссис Сагден отправилась собирать информацию?

– Да. Она заехала сообщить Розе. Сказала, что знает о тамошней церкви медиумов и что, если нанесет туда визит, это может принести дивиденды.

– Какого рода дивиденды?

– Она думает, что люди, которые посещают церковь медиумов, чтобы общаться с умершими, знают абсолютно все о тех, кто еще не умер.

Я заварила чай.

Сайкс развернул газетный сверток. В одно мгновение в кухне запахло как в ларьке, где жарят рыбу.

Я поставила на стол чайник и чашки и повернулась к ящику со столовыми приборами.

– Не надо ножей и вилок. Зачем лишнюю посуду мыть. – Сайкс разделил рыбу и картофель. – У вас есть маринованный лук?

Я открыла дверцу буфета.

– Маринованный лук на верхней полке. Вам придется его достать.

Я нашла вилку для маринадов, хорошенько промыв ее под струей воды; миссис Сагден чересчур увлекается пастой для чистки серебра.

За ужином я сообщила Сайксу новость о том, что отец отстранил меня от расследования.

– Я только рада, что он не направил туда сегодня своих людей, которые наткнулись бы на вас, на меня и на миссис Сагден.

– Вы туда ездили?

– Я отвезла миссис Уитекер к Мэри Джейн.

– Миссис Уитекер? – Сайкс наколол луковичку.

– Мать Мэри Джейн. – И моя, конечно.

– А... – Луковичка упала назад в банку. Сайкс с трудом снова наколол ее. Весь его вид говорил: «Что же мне сказать дальше?»

Со вздохом я объяснила:

– Я собрала все свое мужество и постучала в дверь миссис Уитекер.

Уайт-Свон-ярд, Уэйкфилд, второй дом справа.

– Вы впервые видели вашу... миссис Уитекер?

– Да, и надо отдать ей должное, она стрелой полетела к Мэри Джейн. Вероятно, ее визит принесет Мэри Джейн и детям больше пользы, чем любые мои действия.

О чем я избегала говорить, так это о своих чувствах к миссис Уитекер. Сайкс не ожидал сердечных излияний, а я все еще не разобралась в своих ощущениях, дабы понять, что думать, а тем более – говорить.

– Мэри Джейн обрадовалась матери?

– В восторг не пришла, нет.

Сайкс предложил мне маринованную луковичку, которую я взяла. Он выловил для себя еще две.

По той сосредоточенности, с которой он жевал полоски хрустящего кляра, я поняла, что он еще не все выложил. Из своей части промасленной газеты Сайкс скрутил плотный жгут для растопки.

– Я сегодня видел Мэри Джейн, сначала в дверях ее дома, когда она провожала детей в школу после обеда. А потом она вышла в элегантном сером пальто и в шляпке с цветком и села в поезд на станции в Хорсфорте.

– В Хорсфорте? Интересно, это туда приехала авторитетная сестра Барбара Мэй? Именно она держит в поле зрения всю семью.

– Если только Барбара Мэй носит мохеровый костюм, щеголяет в кашемировом пальто, водит «Уолсли» и выступает под именем полковника Леджера. Они уединились в отдельном кабинете в гостинице «Стейшн».

Я чуть не поперхнулась куском жареного картофеля.

– Полагаю, это точно Мэри Джейн, раз вы проследили за ней от дома?

Сайкс подошел к раковине, повернул кран и вымыл руки, стоя ко мне спиной.

– У вас с ней похожая походка. Не поймите превратно.

– Продолжайте. Я не стану бросать в вас маринованным луком.

– Как ее описать? Вы движетесь плавно, держитесь прямо, словно несете на голове кастрюлю.

– Благодарю. – Значит, тем, что я, поощряемая тетей Бертой, считала своей великолепной осанкой, обладала и Мэри Джейн. Надо будет поинтересоваться, заставляли ли ее когда-нибудь ходить со словарем на голове. – Откуда вы знаете, что мужчина, с которым она встречалась, полковник Леджер?

– Официант там очень приветливый парень, особенно когда подаришь ему пару чулок.

Неудивительно, что Мэри Джейн так скрытничала. Возможно, все эти годы у нее был роман с полковником. Гостиница «Стейшн». У полковника Леджера, должно быть, приличное состояние, а Мэри Джейн приходится довольствоваться привокзальной гостиницей.

– Официант не сказал, регулярно ли встречается эта пара?

– Я не копал глубже. Но уверен, это можно выяснить.

Я вытерла кухонный стол, давая себе время подумать.

– Подкиньте в огонь еще угля, пожалуйста. – Я хотела показать Сайксу бумаги Этана Армстронга и осколки солнечных часов, но мне требовалось

время, чтобы переварить информацию о Мэри Джейн. – Схожу проверить Соуки и ее котят.

Мне нужно было выйти из помещения, подумать. В голове крутилась дюжина разных мыслей, когда я представляла Мэри Джейн и Леджера.

Я медленно поднялась наверх, захватив для Соуки рыбные объедки. Она и котята спали. На полу перед комодом была постелена старая газета, на ней стояли пустая миска и почти пустое блюдо. Я унесла их в ванную комнату и вымыла. Когда я вернулась, Соуки проснулась и посмотрела на меня.

Всегда полезно, когда есть новый и очень определенный предмет забот. Что, если она или один из котят заберется в комод с обратной стороны, в пустое пространство за ящиком? Кто-нибудь, скажем, услужливая Элизабет Мертон, войдет в комнату и, не думая, задвинет ящик, давя малышей.

Сейчас я ничего не могла с этим поделать, разве что полностью выдвинуть ящик. Отличная мысль. Соуки она таковой не показалась. Кошка сердито на меня глянула. Крыша над ее головой исчезла. Некоторые кошки просто не позволяют себе проявлять благодарность.

– У вас все в порядке? – крикнул снизу Сайкс, когда ящик стукнулся об пол.

– Да. – Еще не хватало, чтобы он суетился.

Сайкс стоял у подножия лестницы.

– Так Роза иногда делает – вдруг решает переставить мебель. Держит нас в постоянной боевой готовности.

Сайкс заварил свежего чая.

В центр кухонного стола я положила узел, который дала мне Гарриет. Внутри обнаружились четыре осколка синего сланца, на каждом вырезан нежный цветок.

– Что это? – поинтересовался Сайкс. – Вы теперь коллекционируете куски сланца?

– Когда Этан делал солнечные часы, он наткнулся на дефект сланца. Чтобы его замаскировать, он вырезал цветок, а потом собрался вырезать еще три. Я попросила Рэймонда, другого каменщика, поискать среди обломков сланца, чтобы узнать, закончил ли Этан свою работу.

Сайкс по очереди рассмотрел каждый цветок.

– Выглядит так, будто он действительно их закончил.

– Да. Поэтому маловероятно, что он с досады уничтожил собственную работу. Полковник предположил, что в сланце мог быть дефект, скрытая трещина, сведшая на нет все усилия Этана, и что солнечные часы

раскололись в самый последний момент. Но, глядя на эти куски, я бы сказала, что он их закончил и был удовлетворен работой.

Сайкс поразмыслил. Комментарии по поводу Мэри Джейн и полковника он оставил мне, но сказал:

– После сегодняшних событий должны ли мы относиться к словам полковника как к бесспорной истине?

– Вероятно, нет. – Я завернула куски сланца в ткань.

– Конечно, эта их встреча сегодня днем могла иметь совершенно невинный характер.

Сайкс никогда не считает чьи-либо поступки невинными. Он пытался заставить меня отреагировать. Я сказала:

– Если это невинно, почему Мэри Джейн не встретила с ним открыто?

Сайкс покачал головой:

– Не знаю. Возможно, она не хотела рисковать – прийти к нему домой и встретиться с женой полковника.

Я сходила в столовую и принесла документы из сундука Этана, которые заставила меня взять Мэри Джейн.

– Отец будет не очень доволен, что они у меня. По его мнению, Этан замыслил недоброе, в политическом смысле. Он в списке специального отдела.

Сайкс присвистнул:

– Может, отдать эти бумаги им? Если дело политическое, ими должны заниматься специалисты, миссис Шеклтон.

– Мы специалисты, мистер Сайкс. Мы должны уметь разбираться в разных вопросах, чтобы проложить путь через этот подлесок.

– Но мы отстранены от дела, не так ли?

– Полагаю, да. Однако это не мешает нам любопытствовать, верно?

– Нет, – задумчиво ответил Сайкс. – И если полиция и специальный отдел смотрят через свою особую линзу, ничто не помешает нам глянуть в телескоп с другого конца.

– На полковника и мою сестру?

Он кивнул, а затем добавил:

– Если только исключить их.

– Или нет.

– Или нет.

Мы поделили между собой бумаги Этана Армстронга и стали внимательно читать.

Через час Сайкс изрек:

– Они немного и хотят, эти профсоюзы. Всего лишь построить новый Иерусалим на зеленой и милой английской земле.

– Не думаю, что это до такой степени бескорыстно. Они хотят сорокачетырехчасовой рабочей недели, более высокой зарплаты и улучшения условий труда. Для женщин и детей здесь ничего нет.

– Если платить мужчине, это поможет и семье.

– Не обязательно, мистер Сайкс.

Я смотрела на фамилии членов профсоюза и гадала, кто же из его товарищей предатель. Знакомое имя – Рэймонд Тернбулл, бывший ученик Этана, сын бригадира рабочих каменоломни. Я рассказала Сайксу о словах Рэймонда: Этан говорил, что среди них есть информатор.

– Кем бы он ни был, он сообщил, кто из мужчин готов на забастовку.

– Всегда найдется один, – заметил Сайкс. – Некоторых людей возбуждает передача информации. Позволяет почувствовать себя важными. – Он перебирал газеты, глядя на даты. – Это странно. Наш приятель Армстронг читает «Дэйли геральд», а потом вдруг на прошлой неделе – «Уэйкфилд экспресс», и посмотрите, здесь на первой странице то же объявление, о котором вы говорили.

Он передал газету мне.

Хорошо обеспеченная и приятная дама ищет
хорошо обеспеченного, привлекательного джентльмена с
целью соединить жизни и состояния.

Ящик № 61

Зазвонил телефон. Я чуть не подскочила на месте.

– Наверное, это миссис Сагден. Если она хочет, чтобы ее доставили обратно из какого-нибудь богом забытого места, надеюсь, у вас будет такое настроение, потому что у меня его нет.

– Если только не на этом проклятом велосипеде, – отозвался Сайкс. – Клянусь, я никогда больше на него не сяду, но пришлось выбирать: либо это, либо холодная рыба с картофелем.

Я сняла трубку.

– Кейти?

– О, привет, пап.

– Как у тебя дела?

– Все нормально, спасибо.

– Ты не заехала повидаться с мамой.

– Нет. Но приеду. Завтра.

Наступило короткое молчание. Наверняка папа думал: «Хорошо, это значит, что она послушалась меня и оставляет дело Этана Армстронга в покое». Или нет? Дабы убедиться, что я точно его поняла, он произнес:

– Я только хочу сказать, что все под контролем. Тебе не нужно больше волноваться о том деле, которое мы обсуждали.

– Хорошо. И, папа, мне нужно кое-что тебе сообщить. Я зашла сегодня к миссис Уитекер и отвезла ее повидаться с Мэри Джейн. Я подумала, что так будет лучше всего.

В течение последовавших шести секунд молчания я буквально слышала, как папа думает. Он медленно проговорил:

– Хорошая мысль. Это избавит тебя от присутствия там, согласна?

Вот, значит, какова его основная мысль. Четко и ясно. Считая про себя до пяти, я подождала, чтобы услышать продолжение. Папа добавил:

– Вероятно, приедет кто-то из Лондона.

– А... Мы знаем кто?

– Мне нужно идти. Кто-то пришел.

– Спокойной ночи, папа.

– Спокойной ночи, Кейти.

Сайкс услышал достаточно, чтобы понять, с кем я разговаривала.

– Нас предостерегли?

– Предостерегли вдвойне. Но я уверена, что теперь он должен мне объяснение. Мне бы хотелось узнать, права ли я, что мисс Тримбл отравили.

– Это сбивает с толку, – сказал Сайкс. – Исчезновение или убийство Этана было топорным, неумелым, дочь увидела его тело, и тело исчезло. Смерть мисс Тримбл была очень аккуратной. Если бы вы не заметили ее в окно и не вошли в дом до прихода ее брата, смерть этой женщины почти наверняка списали бы на естественные причины.

Сайкс внимательно посмотрел на свои руки. Они были черными от типографской краски.

– Я не думаю...

– Что?

– Ну, я знаю, что нас отстранили от этого дела, но у меня столько этих чулок и носков и есть для них чемоданчик. Надо продать или вернуть, но жаль их возвращать, ведь завтра мне практически нечем заняться.

– А в Грейт-Эпплвике вы сможете что-то продать?

– Похожу от двери к двери.

– Почему бы и нет. Давайте завтра утром вместе съездим на эту встречу в страховую компанию, а потом каждый отправится своей дорогой,

и посмотрим, что принесет день.

В этот момент открылась входная дверь. Тяжкий вздох разнесся по прихожей, предваряя тяжелые шаги миссис Сагден. Что-то подсказало мне, что она потерпела неудачу на собрании медиумов, но по крайней мере вернулась домой, и вернулась благополучно.

Она встала в проеме кухонной двери, откалывая от прически шляпку.

– Поездка оказалась не совсем напрасной. Я познакомилась с экономкой из Эпплвик-холла. Мы с ней очень хорошо поладили.

Сайкс подал мне знак, подняв левую бровь. Миссис Сагден прошла вперед, приносясь и стягивая перчатки.

– Вы ели рыбу с картофелем?

– Да. Простите, что ничего вам не оставили.

Она фыркнула:

– Я бы вас за это не поблагодарила.

– Экономка много нового рассказала о Леджерах?

– Она говорит, что полковник и миссис Леджер бесконечно друг другу преданы.

– Дайте-ка отдых ногам. – Я выдвинула для нее третий стул.

Миссис Сагден расстегнула пальто и села.

– Сегодня вся прислуга наблюдала за торжественным открытием солнечных часов. Сегодня день рождения миссис Леджер и годовщина их свадьбы.

Сайкс достал еще одну чашку и налил чаю. Миссис Сагден критически глянула на чай.

– Сегодня был неудачный вечер для духов. – Она улыбнулась. – Не очень-то много проку, да? Но члены церкви медиумов приняли меня наилучшим образом. Пригласили участвовать в любое время.

Она огляделась, проверяя кухню, чтобы убедиться, что мы не устроили ужасного беспорядка и не уронили картофельные чипсы на чистый пол. Миссис Сагден обычно ничего не упускает.

– Что еще? – не отставала я.

– Кое-что и ничего. – Она небрежно махнула рукой.

– Что-то о Мэри Джейн?

Она вздохнула:

– Слуги в поместье ее не любят.

– На то есть конкретная причина?

Миссис Сагден почти покраснела; я не представляла, что такое возможно.

– Они говорят, что Мэри Джейн сделала ставку на полковника и что

миссис Леджер пришлось от нее избавиться – дать ей приданое и выдать замуж. Она должна была выйти за парня с фермы, за Боба как-то там...

– За Боба Конроя?

– За него самого. Но внезапно увлеклась Этаном Армстронгом.

Сайкс устремил на меня вопросительный взгляд.

– Боб Конрой – лучший друг Этана. Вчера я видела его в церковном дворе. Он был очень расстроен исчезновением Этана.

Сайкс беззвучно побарабанил по столу.

– А не был он расстроен потому, что виновен в смерти Этана?

Среда

*И он тогда распорядился получше укрыть
ему ноги: я сунула руку
под одеяло и пощупала его ступни, и они
были холодные,
что твой камень, тогда я добралась
до колен, а потом выше,
и еще выше, и все было холодное,
что твой камень.*

Шекспир, «Генрих V», акт II, сцена 3

Глава 1

В среду утром я развернула листок со своими записями. Накануне вечером мы с Сайксом заполнили каждый по листку. Вот что было на моем:

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ РАСЧЕТ ВРЕМЕНИ

В последний раз Этана видели живым: 13.10 в субботу, Джосайя Тернбулл, бригадир рабочих каменоломни

17.15 – Гарриет находит тело Этана

17.50 – Артур с фермы: ни следа Этана – солнечные часы целые

18.30 – М.Д. в каменоломне – солнечные часы разбиты

19.30 – обыск каменоломни сержантом Шарпом, Джосайей и Рэймондом Тернбуллами и двумя другими рабочими из каменоломни

ВОПРОСЫ

Что происходит между полк. Леджером и Мэри Джейн?

Важно ли объявление «хорошо обеспеченной женщины»?

Мэри Джейн – возможность «навестить» Этана за работой днем, когда дети ходили за покупками. Утверждает, что не делала этого.

Мисс Тримбл сообщила, что видела человека (Мэри Джейн?) в клетчатой накидке в 16.00.

Кто разбил солнечные часы – не сделано ли это, чтобы сбить со следа?

Этан А. – товарищи и друзья?

Враги?

Случайна ли гибель пастуха в каменоломне в прошлом году?

Связь между смертью Этана и смертью мисс Тримбл?

ВОЗМОЖНОСТИ

Убийство – на Этана напали; нападавший спрятался, когда подошли дети; нападавший спрятал тело, когда дети ушли.

Если тело спрятано, это не может быть далеко, если только его не перенесли ночью – кто?

Если на Этана напали, то как? Где его инструменты?

Моя карта и фигурки из спичек, со стрелками от одной к другой, особо не помогли. Большими буквами встал вопрос: *КОМУ ВЫГОДНА СМЕРТЬ ЭТАНА АРМСТРОНГА?*

На первый вопрос имелся простой ответ. Мэри Джейн застраховала жизнь Этана, но, как она сама мне напомнила, квалифицированный рабочий стоит больше живой, чем мертвый. Разумеется, если он узнал о Мэри Джейн нечто, что ставило под угрозу их брак, это меняло дело.

Если у Мэри Джейн и полковника Леджера случился роман и Этан об этом узнал, тогда полковнику было бы удобно убрать Этана с дороги.

Нас отстранили от дела. Но должно же быть нечто, проливающее хоть какой-то свет, хотя бы для удовлетворения моего любопытства. Я снова взяла рекламное объявление, опять появившееся в «Уэйкфилд экспресс». Хорошо обеспеченная женщина ищет подходящего мужчину.

Я не встречала никого, кто изучал бы газеты пристальнее, чем мистер Эрик Даффилд, библиотекарь в местной газете «Геральд» на Альбион-стрит. К счастью, на Рождество я послала ему бутылку виски в благодарность за помощь в деле Брейтвейта.

Я пошла в прихожую и сняла телефонную трубку. Несколько минут спустя мистер Даффилд заверил, что примет меня в половине одиннадцатого.

На лестнице появилась Соуки. Она величественно спустилась в прихожую. Легчайшее движение ее головы сказало мне, что кошке что-то нужно. Я прошла за ней на кухню. Теперь потребовалось открыть для нее дверь, выпустить на улицу и ждать ее возвращения.

Держа хвост трубой, Соуки вышла через заднюю дверь. Пока она отсутствовала, я нашла плоскую корзину, отложенную миссис Сагден, постелила в нее старое одеяло и отнесла наверх. Осторожно переместила в корзину свой некогда белоснежный джемпер с дополнением в виде котят, убедилась, что все они налицо, вставила на место ящик комода и плотно его задвинула. Если Соуки это не понравится, придется ей, хочешь не хочешь, с этим смириться.

Когда я спустилась вниз, Соуки сидела под дверью. Она соблаговолила съесть свой корм на кухне в знак того, что вернулась к обычной жизни.

После встречи с директором Йоркширской компании взаимного страхования мы с Сайксом поздравили себя еще с одним делом. Нас должны были нанять в связи с расследованием мошенничества со страховками.

Мы расстались на Парк-роу, Сайкс направился на железнодорожный вокзал, держа в руке чемоданчик с чулочно-носочными изделиями, я же совершила небольшую прогулку до редакции «Геральд», чтобы встретиться с мистером Даффилдом.

Ждать мне пришлось недолго, мой учтивый друг вскоре встретил меня, и в грохочущем лифте мы поднялись на верхний этаж редакционного здания.

– Личные объявления интригуют постоянно, – согласился мистер Даффилд, когда я поведала ему о заинтересовавшей меня газетной вырезке, пересказав ее содержание, которое знала теперь уже наизусть.

– Хорошо обеспеченная леди, да? – Лифт с лязганьем остановился. Мистер Даффилд распахнул передо мной дверь. – Либо означенная дама широко закидывает свою сеть, либо есть рекомендованная форма... которую, возможно, советует какое-нибудь брачное агентство. – Он постучал себя пальцем по носу, давая понять, что в должный момент сообщит личные секретные данные.

Мистер Даффилд совершенно не изменился с тех пор, как я видела его в последний раз, – невозмутимый, неторопливый, в нарядной крахмальной сорочке, пальцы испачканы типографской краской. Мы вошли в редакционную библиотеку с высокими окнами, старинными деревянными столами и множеством шкафов и картотечных ящиков. В окна лился бледный утренний свет. В воздухе витал запах чернил, масла для волос и табака. Мистер Даффилд был хозяином всего, что он изучал: наваленных грудami газет, ящиков, набитых вырезками, и системы указателей, которая поставила бы в тупик специальный отдел.

– Прошу вас.

Он придвинул к своему письменному столу стул и с поклоном предложил мне сесть, прежде чем сел сам.

– Вы бы ответили на такое объявление? – спросила я. – Если бы искали жену, я имею в виду.

– Это как посмотреть, – осторожно ответил мистер Даффилд.

– В смысле?

– Велика ли спешка, например. Возможно, жена требуется срочно, скажем, если я больной человек, мне нужна сиделка, или я думаю, что скоро заболею.

– Тогда не дать ли объявление о найме сиделки?

– Сиделки могут быть дороги. Хорошо обеспеченный человек остался зажиточным, потому что не транжирил деньги, и такая же ситуация, можно предположить, и у означенной дамы. Деньги тянутся к деньгам.

Я выдвинула предположение, что это личное объявление может быть шифром.

– А вот это мысль. – Мистер Даффилд поджал губы. – Очень дельная мысль. Это может объяснить данное ответное объявление, или мне следует назвать его объявлением-двойником? – Он порылся в газетах у себя на столе, пока не нашел «Харрогейт эдвертайзер». – Пожалуйста, внимательно прочитайте это, миссис Шеклтон, та же самая заметка.

И точно, формулировка в «Харрогейт эдвертайзер» оказалась идентичной:

Хорошо обеспеченная и приятная дама ищет хорошо обеспеченного, привлекательного джентльмена с целью соединить жизни и состояния.

Ящик № 53

Газета этой недели.

– Вырезка из кармана Этана Армстронга и объявление в «Харрогейт эдвертайзер» и «Уэйкфилд экспресс» совпадают слово в слово. Только номера ящиков разные.

Мистер Даффилд глубокомысленно кивнул:

– Да. Мне кажется странным, что данная особа дает объявления в разных частях графства. Она широко забрасывает свою сеть.

У меня возникло ощущение, что я напала на какой-то след, но только вот на какой? Возможно, Этан Армстронг вырезал данное объявление, так как оно его позабавило, но мне почему-то казалось, что дело не только в этом. Дала его ищущая мужа женщина или какой-нибудь русский шпион выходил на связь с одуроченными им предателями?

– Вы смогли бы узнать подробности о человеке, который дал это объявление?

Мистеру Даффилду передалось мое возбуждение.

– Крайне таинственно. Очень притягательно. – Он улыбнулся своей мрачноватой улыбкой. – С харрогейтской газетой я вам не помогу, но у меня есть молодой друг среди персонала «Уэйкфилд экспресс» – дочка хозяйки дома, в котором я живу. Ей дали работу по моей рекомендации. Возможно, она сумеет навести нас на нужный след. Подождите немного.

Он снял телефонную трубку и, дожидаясь соединения, прикрыл ладонью микрофон.

– Я подозреваю, что автор объявления – двоемужница. Она выходит замуж по всему Йоркширу, переезжая от одного к другому. – Он обнажил

выступающие вперед зубы в широкой улыбке. – Возможно, если мы найдем ее, то помешаем всем свадьбам, и когда священник спросит...

– Известно ли кому-нибудь о препятствии...

Соединение установили. Не желая ловить каждое его слово и мешать разговору, я попыталась успокоиться, листая страницы «Уэйкфилд экспресс» и читая о предстоящем визите принцессы Елены Виктории, которая должна открыть в ратуше благотворительный базар Молодежной христианской организации. Возможно, за этим таинственным объявлением кроется план убийства члена королевской семьи?

Прошло несколько минут, и мистер Даффилд со вздохом положил трубку.

– Боюсь, не повезло. Податель объявления прислал его по почте, приложив квитанцию почтового денежного перевода и просьбу отсылать ответы в Лидс на указанный абонентский ящик.

– По-моему, это немного необычно, вам не кажется? Разве газета не требует, как правило, почтовый адрес?

– Нет, когда вносят какой-то аванс. И, разумеется, в подобных делах податель объявления находится в деликатном положении. Моя юная подруга заметила, что эта дама проявила смелость, обнародовав свои требования.

Он покачался на стуле, ухватив себя за лацканы пиджака. Я смотрела на него, прислушиваясь к блуждающему потоку своих мыслей. В конце концов, в худшем случае он ответит отказом.

– Мистер Даффилд, могу я попросить вас еще об одном одолжении?

– О каком же, миссис Шеклтон?

– Помогите мне составить ответ этой хорошо обеспеченной даме. Я думаю, что есть только один способ узнать, кто она такая, а именно пригласить ее на встречу с хорошо обеспеченным джентльменом.

Вызвав клерка, мистер Даффилд усадил его на свое место, а сами мы сели за старый дубовый стол в углу библиотеки, где в единственной полосе туманного света, падавшей из высокого окна, плясала пыль.

После нескольких неудачных попыток мы сочинили чистовик письма, адресованного прекрасной даме.

Моя дорогая леди!

Я бездетный вдовец старше среднего возраста, вполне здоров и рассчитываю прожить еще не один год. Характер у меня уравновешенный, я сторонник воздержанной жизни и трезвенник.

После смерти жены я запер наш сельский дом и теперь снимаю этаж в приличном доме, хозяйка которого предоставляет и питание. Не принимайте это за знак обнищания, а лишь как нежелание иметь дело с капризами экономок.

В юности я занимался импортом и экспортом. Теперь мой доход составляет тысячу гиней в год, что позволяет не трогать основной капитал. У моей семьи квартира в Мейфэре, в Лондоне, и время от времени я посещаю столицу.

Я в восторге от перспективы дружбы, или большего, с почтенной дамой, чьим средствам не обязательно соответствовать моим (а если и так, я к ним не прикаснусь). У меня нет серьезных возражений против детей, если у них спокойный характер.

Окажите мне честь, встретившись со мной. Я закажу столик в «Гриффине», что на Боар-лейн в Лидсе, на полдень в ближайшее воскресенье. Прошу простить мою самонадеянность и прошу вас без стеснения изменить условия встречи, если вам это не подходит.

По итогам дискуссии насчет заключительных слов и подписи мистер Даффилд сказал, что эта леди хотела бы познакомиться с Подходящим господином, бриллиантом среди мужчин. Он взял псевдоним П. Л. Райт, Питер Райт^[3].

Мы не могли решить, что скрывается за «Л», но согласились, что оно дает простор для интерпретации, например «легкость», «любовь» и «ложь». Он подписался:

Искренне ваш,
П. Л. Райт

Мистер Даффилд нахмурился.

– А как же внутренний адрес? Я бы не хотел указывать свой.

– Поскольку дама дает объявление в уэйкфилдской газете, лучше всего был бы уэйкфилдский адрес. У меня как раз есть один.

Мистер Даффилд согласился написать письмо своим лучшим почерком джентльмена. Я, со своей стороны, решила поговорить с мамой и попросить ее внимательно следить за почтой, чтобы уж наверняка ни одно письмо не вернули отправителю с пометкой «адресат неизвестен».

Закончив свой труд, мы понадеялись, что очень скоро узнаем, реальный ли человек наш автор объявления или это секретный код.

– Сегодня утром мы отправляем почту в Уэйкфилд. Я прослежу, чтобы уже днем мое письмо попало из почтового ящика газеты в почтовый ящик этой дамы.

Глава 2

Когда я приехала домой и вошла в дверь, зазвонил телефон. Ответила миссис Сагден.

– Минутку, пожалуйста. – Она прикрыла микрофон ладонью и громко прошептала: – Это старший инспектор из Нью-Скотленд-Ярда.

– Старший инспектор?

– Так назвала его телефонистка.

– Спасибо. – Я взяла у нее трубку. – Алло. Миссис Шеклтон у аппарата.

– Кейт.

– Маркус?

– Да.

– Только миссис Сагден показалось, что телефонистка сказала «старший инспектор».

– А... Я собирался тебе об этом сказать.

– Тебя повысили?

– Да.

– Поздравляю. Довольно неожиданно, да?

– Это витало в воздухе, – скромно проговорил он.

Впервые я узнала, что повышения падают с неба. Он был более скрытным, чем я думала.

Значит, Маркуса повысили. Больше денег. Необходимость иметь жену? Эти мысли пронеслись в голове, прежде чем я подумала о связи с расследованием.

– Я снова в твоих краях скорее, чем ожидал.

По этой фразе я не поняла, он уже здесь или его только ждать? Об этом я не спросила.

– По делам или ради удовольствия? – уточнила я.

Он замялся. Зачем этот человек позвонил мне, если не собирался ничего говорить?

– На линии ужасные помехи, Кейт.

Я сделала новую попытку:

– Ты можешь сказать, какой район посещаешь?

Маркус осторожно ответил:

– Немного на северо-запад от тебя.

– Маркус, это экзамен по географии?

Он рассмеялся:

– Я надеюсь, что мы можем встретиться, и не хотел неожиданно свалиться тебе на голову.

Дальнейшая краткая беседа позволила мне выяснить, что базироваться он будет в полицейском участке Отли, головном отделении для Грейт-Эпплвика. Я положила трубку. Если только в самом Отли не произошло что-то ужасное, события в Грейт-Эпплвике достойны личного внимания человека, которого Скотленд-Ярд очень часто посылает в нашем направлении. Придется подождать и посмотреть, сосредоточится его расследование на исчезновении Этана Армстронга или на безвременной кончине мисс Тримбл.

Но куда же тут вклиниться мне?

В одном я была совершенно уверена. Теперь я не смею тянуть до воскресенья с сообщением маме о знакомстве с Мэри Джейн и миссис Уитекер. Маркус нанесет визит вежливости в управление полиции Уэст-Райдинга – к папе. А папа скажет маме: «Мне кажется, друг Кейт находится поблизости».

Я поднялась наверх и переоделась в подходящее для второй половины дня платье и соответствующее пальто.

– Вы снова уезжаете? – спросила миссис Сагден, когда я спустилась вниз и сняла с вешалки дорожное пальто. В проникательности ей не откажешь.

– Да. Еду в Уэйкфилд повидаться с мамой.

Миссис Сагден явно удивилась, но тактично воздержалась от замечания, что еще не воскресенье и мы расследуем дело.

– Дело в том, миссис Сагден, что мой отец не хочет, чтобы я и дальше занималась поисками исчезнувшего мужа Мэри Джейн. И ничто так не убедит его в том, что я следую его пожеланиям, как мой визит к маме среди недели.

– Значит, мы отстранены от дела? – уточнила миссис Сагден.

– Ну, конечно. Не станем же мы открыто не повиноваться суперинтенданту полиции Уэст-Райдинга, не так ли? Но если вы планируете новые посещения церкви медиумов, что ж, это ваше личное дело, чем вы занимаетесь в свободное время. И не удивляйтесь, если по дороге встретите мистера Сайкса, торгующего вразнос чулками.

Моя мать обладает искусством придавать дому уют и передала эту способность мне. Она любит цветные накидки на мебель, не загроможденные вещами комнаты, а также коврики, которые выглядят так,

будто по собственной инициативе прибыли из Персии. Даже до переезда в Сэндел, где мы жили в принадлежащем полиции Уэст-Райдинга доме, в котором я росла, наше жилище не походило ни на один другой дом полицейского в Уэйкфилде. Разумеется, и не каждая жена полицейского имеет собственный доход, к которому может прибегать.

Мама сидела в своем любимом уголке гостиной – свернулась калачиком в кресле у окна и читала. В камине горел огонь, и комната источала уют. Я сняла дорожное пальто.

Мама посмотрела на меня с таким удовольствием, радостно улыбаясь. Отметила страницу закладкой, положила книгу и встала.

– Уверена, тебе было бы лучше приехать на трамвае, чем вести машину. Когда-нибудь ты подхватишь сильную простуду.

– У трамвая слишком много остановок. Это меня бесит.

Мама села на диван, похлопала по сиденью рядом с собой.

– Иди садись, расскажи, как у тебя дела.

Я бросила пальто на спинку дивана.

– Лучше не бывает.

– А как там Берта?

– Тетя Берта в наилучшей форме. Она шлет тебе тот шарф, который ты приглядела у «Дерри энд Томса».

– Как мило!

Любование шарфом оттянет момент, когда мне придется объявить о Мэри Джейн и миссис Уитекер, не говоря уже о том, что я воспользовалась родительским адресом в качестве почтового ящика для клуба одиноких сердец.

Мама достала из коробки с принадлежностями для шитья маленькие ножнички. Разрезала бечевку на свертке из магазина «Дерри энд Томс» и встряхнула цветастый шелковый шарф.

– Великолепно. Он идеально подойдет к наряду, который я шью к лету. Потом тебе покажу. А теперь расскажи, как ты съездила в Лондон. И почему этот приятный инспектор Чарлз снова едет в наши края?

– Теперь он старший инспектор. Его направили расследовать какие-то события в районе Отли. И отчасти поэтому я приехала с тобой поговорить.

Мы сидели бок о бок на диване, и мама слушала мой рассказ о том, как ранним утром в понедельник ко мне явилась Мэри Джейн, о событиях последних трех дней, об исчезновении Этана Армстронга и о смерти мисс Тримбл.

– Боже милостивый! А я-то всего лишь перечитала несколько глав из этой книги, в которой совершенно ничего не понимаю.

Мы обе вели себя так, будто не придаем большого значения моему знакомству с Мэри Джейн, но притворяться было бесполезно.

– Мама, на самом деле я хотела тебе рассказать именно о визите Мэри Джейн, потому что он привел меня к миссис Уитекер в Уайт-Свон-ярде.

– Ох!

Мама откинулась на подушки, словно лишилась энергии, помогавшей сидеть прямо. На меня она не смотрела. Наконец она произнесла:

– Я чувствовала: что-то происходит. Когда Деннис говорил, что обедал вчера с тобой и ты вернулась на станцию, он сказал, что скоро ты приедешь и сама обо всем мне расскажешь. Надеюсь, у него лучше получается скрывать с преступниками. Я всегда вижу, когда он что-то утаивает. Какая же я глупая. Я-то думала, это связано с твоим отношением к Маркусу Чарлзу. Он показался мне таким обаятельным, когда мы повстречались с ним в Харрогейте в прошлом году. Но дело, оказывается, совсем не в этом. А в твоей... твоей матери.

Я положила ладонь на ее руку.

– Ты – моя мать. И никто другой. Сколько мне было, когда папа принес меня от Уитекеров?

– Думаю, восемь недель. Котята с кошкой остаются дольше, но я хотела быть уверена, что она...

– Была рада от меня избавиться.

– Нет! Совсем нет. Ты не должна даже думать так. Но если нужно что-то сделать, лучше делать это быстро.

Минуту мы обе молчали.

– Мама, нам с миссис Уитекер почти нечего было сказать друг другу. Я отвезла ее к Мэри Джейн. Я к той семье не принадлежу.

Она улыбнулась:

– Все нормально. Это должно было случиться. Что ж, полагаю, тебе не обязательно было знакомиться с ней, но когда человек становится старше, появляются разные сожаления – не о том, что ты что-то сделал, а о том, чего не сделал. И кто знает, может, вы познакомитесь поближе и понравитесь друг другу.

– Полагаю, все возможно. – Я помолчала. – Папа сказал, что из дома Уитекеров меня унес он, а ты сидела в машине.

Она посмотрела на свои руки.

– Даже в последний момент я боялась, что она передумает. – Мама повернулась ко мне, улыбнулась с бесконечной теплотой и взяла меня за руку. – Но я каждый день благодарю Бога, что она не передумала и ты приехала с нами домой.

Позднее, когда мама разлила по чашкам чай и мы принялись за сэндвичи с консервированной говядиной, она спросила о моей поездке в Лондон на прошлой неделе.

Она отмахнулась, когда я начала повествование о походах по магазинам и званом ужине, устроенном тетей Бертой.

– О хождении по магазинам и меню Берта мне рассказала. В последний день ты пошла на экскурсию по Скотленд-Ярду. Расскажи мне об этом и о твоих отношениях с Маркусом Чарлзом. Если он едет сюда и, вероятно, навестит нас, мне нужно знать, как обстоят или не обстоят дела.

Я не спеша трудилась над сэндвичем.

– Это было немыслимо здорово и полная катастрофа, если хочешь знать.

– Звучит интересно. Что к чему относится?

– Мы очень хорошо поладили. Он взял выходной, который мы провели вместе.

Я не упомянула, что мы провели вместе и ночь и она тоже была великолепной.

Мама очень хорошо умеет слышать не произнесенное «но».

– Но?

– Мама, он такой старомодный!

Она бросила на меня удивленный взгляд, заставив подумать, что тетя Берта проболталась о моих поздних возвращениях.

– Он не показался мне старомодным, когда мы встречались с ним в Харрогейте.

– Вы видели его пять минут. Когда он водил меня по Скотленд-Ярду, он рассказывал мне о том, как они набирали женщин-полицейских в восемнадцатом году, а потом распустили их из-за сокращения финансирования. Он сказал, что, когда женщины только начинали служить, они ходили по двое...

– Ну, да, они...

– А за ними, на расстоянии шести-десяти ярдов, шли двое крепких, проверенных полисменов. Он сожалел, что это прекратили. Сожалел, что женщинам в итоге дали власть производить аресты. Он считает ошибкой, что сейчас в Управлении уголовных расследований есть женщина.

– В самом деле?

– Да. Одна. На три тысячи мужчин. Я с ней познакомилась. Она очень решительная и здраво мыслит. Но я не понимаю, как она с этим мирится. Мы с Маркусом очень хорошо ладим, пока не доходит до любого важного дела, и тогда мы категорически расходимся во мнениях.

– Но противоположности притягиваются, посмотри на нас с твоим отцом.

– Не настолько противоположные. Мне уже слишком поздно менять свои убеждения. И теперь он едет сюда, чтобы расследовать то, чем я уже немного занималась, и с папой говорила, я уверена, что... ой, ладно.

– Возьми скон.

Я взяла скон. Сконы были немного вязкими. Я их вообще-то не люблю, но никогда раньше мне не приходило в голову, что можно отказаться, равно как остаться сидеть в церкви, когда все остальные встали или опустились на колени.

– Я не люблю сконы.

Мама налила еще чаю.

– Успокойся, дорогая. Нет ничего настолько важного, чтобы тебе расстраиваться. Я читаю книгу Елены Блаватской. Едва улавливаю смысл, но она действительно открывает необыкновенные перспективы. Есть столько других философий. Не хочешь узнать, какой я делаю из этого вывод?

– Не сейчас.

– Значит, главный вопрос заключается в следующем, – сказала мама. – Ты хочешь продолжать это дело, а твой отец и Маркус отстраняют тебя.

Я поразились, как быстро она уловила то, о чем я промолчала.

– Да.

– Что ж, по моему скромному мнению – а я, разумеется, ничего не знаю, – мне кажется, было бы очень глупо со стороны отдела по расследованию убийств, полиции Уэст-Райдинга и...

– Специального отдела...

– ...и специального отдела исключать тебя. И в конце концов, эта Мэри Джейн – твоя сестра, Кейт. Закон пока что не запрещает навещать родственников, не так ли?

– Не запрещает.

Революционная позиция моей матери по отношению к британскому истеблишменту не слишком меня удивила. Я считаю, что свою прямоту я взяла от нее, а склонность к сомнениям – от отца.

– Спасибо, мама. Именно это я и хотела услышать. И, мама, если сюда доставят письмо для П. Л. Райта, эсквайра, прочти его, пожалуйста, и немедленно мне сообщи, хорошо?

Прежде чем я успела что-то объяснить, зазвонил телефон.

– Ой, не бери, Кейт. Это Марта Грэм. Она помешана на бридже. Я говорила ей, что не играю сегодня.

– Лучше ей отвечу я. Если она услышит меня, то поймет, что ты занята. – Я сняла трубку. – Дом Худов.

– Здравствуй, Кейт. – Это был Маркус. – Я в Грейт-Эпплвике. Мы кое-что нашли. Мне интересно, захочешь ли ты сюда приехать?

Захочу ли я приехать? Попробуйте меня удержать.

– Возможно, – ответила я. Лучше не проявлять явного стремления.

– Послать за тобой машину?

Если они кое-что нашли, это кое-что может быть только телом. Телом Этана Армстронга.

Глава 3

По прибытии в Грейт-Эпплвик я не смогла бы ответить ни на один вопрос о своей поездке из Уэйкфилда – о достопримечательностях, уличных регулировщиках, других машинах, велосипедах или моем душевном состоянии. Только когда я ехала по Нижнему концу, минуя сначала один коттедж, потом другой, вписываясь в поворот, я пришла в себя, словно выведенный из транса человек. От страха у меня онемели губы, и волна тревоги разошлась по всему телу, терзая каждый нерв.

Как только показался коттедж Мэри Джейн, я заметила констебля у двери. Автомобиль я поставила на обычное теперь мое место, рядом со сложенной всухую каменной стеной напротив коттеджа сестры. Констебль наблюдал, как я вылезая из машины. Подождал, пока я окажусь перед ним.

– Внутри входить нельзя, мадам.

– Мне нужно поговорить с миссис Армстронг.

Он покачал головой:

– Никто не должен переступать порог.

Я глянула мимо него в окно. За столом сидела незнакомая мне женщина, спиной ко мне.

– Старший инспектор Чарлз попросил меня приехать, констебль.

– Вы не можете войти, – повторил он.

– Где старший инспектор Чарлз?

– В каменоломне. Туда вы тоже не сможете войти.

– Кто это в коттедже? И где миссис Армстронг?

– С дамой сидит миссис Шарп. – Он заглянул в окно, словно для подтверждения своих слов. – Она жена местного сержанта полиции.

Мэри Джейн с ней не было.

– Куда вы идете? – закричал констебль, когда я исчезла за коттеджем.

– В туалет.

– Вы не можете...

Больше я ничего не услышала, так как вбежала в туалет и захлопнула за собой дверь. Безупречно побеленные стены, чистое сиденье. На гвозде висели аккуратно нанизанные на веревочку квадраты «Дэйли геральд». Интересно, доложил ли сержант Шарп или миссис Шарп об этом факте Маркусу. Что Армстронги подтирают зады радикальной газетой.

Выйдя из туалета, я увидела в окне Мэри Джейн.

– Что происходит? – одними губами спросила я.

Она подняла раму и высунулась.

– О, все нормально. Они захотели, чтобы я осталась дома, чтобы не расстраиваться из-за их поисков. – Она состроила рожицу и понизила голос: – Миссис Шарп любезно согласилась посидеть со мной. Не могу же я ее прогнать, правда? Тот инспектор вел себя очень мило. Я пойду лягу. У меня так болит голова, Кейт. Я не могу вести светскую беседу.

Бедная дуручка. Ты же фактически под арестом и, вероятно, к концу дня действительно попадешь за решетку.

– Где Гарриет и Остин?

– Остались в школе, пока не закончится переполох в каменоломне.

– А что с их бабушкой?

На лице Мэри Джейн отразилось раздражение.

– Слышала бы ты, как она храпит! Мы поругались, и она уехала домой. Я пообещала детям навестить ее в воскресенье.

– Тогда ложись и отдыхай, – сказала я. – А я посмотрю, что там происходит.

Она отошла от окна. Я зачерпнула ковшом воды из ведра у колодца, попила и вымыла руки.

Констебль услышал, должно быть, наши голоса. Появился с подозрительным видом.

Я медленно побрела к своей машине.

При входе в каменоломню была натянута длинная красная лента, привязанная к двум переносным опорам. Я уже пролезла под ней, когда ко мне поспешил полицейский в форме, чтобы меня остановить. Я успела заговорить первой:

– Пожалуйста, сообщите старшему инспектору Чарлзу, что здесь миссис Шеклтон.

Он с удовольствием приказал бы мне вернуться по ту сторону ленты, но ограничился официальным:

– Пожалуйста, подождите здесь, мадам.

Над каменоломней висела зловещая тишина. Навес каменщика огородили – поздновато, на мой взгляд. Я напрягала зрение, желая разглядеть, лежат ли все еще кучей обломки солнечных часов, но ничего не увидела из-за рельефа почвы.

За хибаркой бригадира констебль подошел к двум мужчинам, стоявшим ко мне спиной. Я узнала непринужденную осанку Маркуса и его широкие плечи. Он повернулся ко мне и приветственно поднял руку. Когда он направился ко мне, я заметила, что другой мужчина держит на поводке

бладхаунда.

Маркус подошел ближе, ища глазами мой взгляд, пытаюсь говорить без слов. Хотел ли он выразить сочувствие?

Он взял меня за руку и держал ее с потрясающей нежностью.

– Кейт. Спасибо, что приехала. Надо было послать за тобой машину. Ты хорошо себя чувствуешь?

– Маркус, что происходит?

Как будто и так не ясно, как будто я не знала.

– Я объясню. – Он за руку повел меня к домику бригадира. – Внутри будет теплее. Я отправлю кого-нибудь с тобой на станцию, чтобы ты выпила чаю.

– Нет, Маркус. Я хочу видеть. Я хочу видеть, что вы делаете.

Он колебался.

– Мы только приступаем. Это заняло больше времени, чем я думал, потому что пришлось ждать, пока привезут мистера Макснаута. Проводник повел его на прогулку на пустошь, и мы не сразу нашли их там.

– Мистера Мак кого?

– Макснаут – бладхаунд номер один, а Макманус – его проводник.

Я проследила за его взглядом. Мужчина, с которым минуту назад стоял Маркус, показывал что-то собаке. Это была кепка Этана, та, которую Гарриет нашла под лавкой под навесом у каменщиков и которую давала понюхать овчарке, пытаюсь заставить ее взять след. Гарриет правильно сообразила, когда приспособила Билли для слежки, но только взяла неподходящую собаку и не туда с ней пошла.

Бладхаунд завилял хвостом. Уткнувшись носом в землю, пес быстро побежал к навесу, проводник следовал за ним, держа ищейку на длинном поводке.

Из домика бригадира вышли две фигуры, наблюдая.

Маркус глянул на них.

– Мы отправили рабочих каменоломни домой, всех, кроме бригадира и его сына.

– Джосайи Тернбулла и Рэймонда.

– Ты с ними познакомилась? – Удивления в его голосе я не услышала.

– В понедельник. – Сейчас был неподходящий момент, чтобы говорить о неприязни между Тернбуллом и Этаном Армстронгом или о том, что к Рэймонду перейдут дом Этана и его работа. Возможно, Маркус это уже выяснил. – У них есть свой интерес в этом деле, – только и сказала я.

Мы наблюдали за собакой. Она добежала до навеса каменщика.

– Да, – сказал Маркус, неправильно истолковав мое замечание об

интересе Тернбуллов. – Тот, что постарше, ужасно расстроен ситуацией. Они с Этаном были противниками в том, что касается политики, но уважали друг друга. Нам может понадобиться его помощь, если мистер Макснаут найдет что-нибудь заслуживающее внимания.

Кого-нибудь, подразумевал он, а не что-нибудь. Тело Этана Армстронга, имел он в виду.

Тернбулл выглядел гораздо более подавленным, чем при нашей с ним последней встрече. Он сделал вид, что не замечает меня, и смотрел на карьер. Рэймонд стоял рядом с отцом. Он поздоровался со мной с присущей йоркширцам сдержанностью – больше чем опущенные веки, если ты достаточно близко, чтобы это заметить, но меньше чем полный кивок. Я кивнула в ответ.

Пес не побежал, как я ожидала, к пруду, но повел проводника в глубь каменоломни, за поворот, и скрылся из виду.

Все молчали – и Маркус, и я, и Тернбуллы, и констебль на карауле, и сержант Шарп, который откуда-то появился и держался на почтительном, в несколько шагов, расстоянии от Маркуса.

Воздух был неподвижен. В небе пронеслось легкое кучерявое облачко, словно хотело оказаться как можно дальше от этой меланхоличной сцены. Наступила звенящая тишина.

Прошла, казалось, вечность, когда показался проводник собаки. Он поднял руки над головой и трижды скрестил их. Маркус взял меня за руку и тихонько сжал. Сделал знак полицейскому фотографу, появившемуся в дверях бригадирской хибары. Мистер Тернбулл откашлялся и сплюнул дугой. Фотограф глубоко затянулся напоследок сигаретой, бросил окурочек и раздавил его каблуком.

Я тяжело дышала. Мне не хватало воздуха. Я стояла совсем неподвижно, дыша ртом, как только что пойманная рыба.

Маркус дал сигнал Тернбуллам и фотографу. Мистер Тернбулл прошагал мимо меня, за ним катил тачку Рэймонд. В тачке лежали кирки и лопаты. Рэймонд повернулся ко мне:

– Мы осторожно поднимем камни, инструменты просто на всякий случай.

Переговорив с проводником собаки, Маркс вернулся ко мне.

– Что такое?

– В дальнем конце обвалились камни. Я не велел ничего трогать, пока не подойду. Сначала поработает фотограф.

– Я хочу видеть.

– Нет, Кейт. Это не для твоих глаз.

– Если бы Мэри Джейн не пришла ко мне, никто не искал бы Этана Армстронга. – Я невольно повернулась к сержанту Шарпу, который робко топтался, дожидаясь указаний. – Маркус, зачем ты за мной послал, если я не буду в этом участвовать?

– Потому, Кейт, что я имею основания полагать – Мэри Джейн придется ответить на несколько неудобных вопросов, и я хочу, чтобы ты была рядом с ней, когда я их задам. Ты знаешь ее лучше меня. Ты поймешь, правду ли она говорит. И я хочу, чтобы ты знала: я обращаюсь с ней вежливо и беспристрастно.

Смотрел он не на меня, а на пыль на своих туфлях. *Ты хочешь, чтобы я знала, что ты обращаешься с ней вежливо и беспристрастно, потому что, если я подумаю, что это не так, я всегда буду это тебе припоминать. Что ж, да, в этом ты прав.*

– Если я здесь ради Мэри Джейн, тогда позволь мне увидеть то, что нашел Макснаут. Этан Армстронг был моим зятем. Мэри Джейн захочет узнать правду. И пожалуйста, не считай, что ты должен меня оберегать. Ты же знаешь, что во время войны я была во Франции. В этой каменоломне не может быть ничего хуже того, что я видела там. Ужас сидит в воображении и дожидается.

Маркус кивнул:

– Очень хорошо. – Он позвал сержанта: – Шарп, проследите, чтобы приготовили носилки, и приведите врача, как только он приедет.

Сержант козырнул и пошел ко входу в каменоломню.

Я догнала Маркуса, который шел по пыльной дорожке, ведущей мимо камнедробилок в дальний конец карьера, где стояли проводник и Макснаут. Волоча уши по земле, ищейка обнюхивала камни. Маркус перекинулся несколькими словами с проводником, и я услышала, как Макманус сказал:

– Мак никогда еще не ошибался.

– Вы искали здесь в субботу вечером? – обратился к мистеру Тернбуллу Маркус.

На шее Тернбулла был повязан красный платок. Бригадир коснулся его пальцами, словно узел был слишком тугой и грозил задушить его.

– Да, сэр. Мы с фонарями обошли всю каменоломню после того, что сказала девчонка Этана. Его и следа не было.

– А этот обвал был точно такой же в субботу, как и сейчас?

– Нет. Упало еще несколько камней, сэр, но не так чтоб очень много.

– Вы сделали снимки? – спросил Маркус у фотографа.

– Сделал, сэр.

Это был сообразительный на вид молодой парень со светлыми усами.

Он бережно держал зеркальную камеру «Торнтон-Пикард». Маркус повернулся к Тернбуллам:

– Тогда приступайте, ребята. С осторожностью.

Отец и сын принялись отодвигать камни. Они откатали большой камень, отодвинули его в сторону. Пес и его проводник пошли прочь от этого места, в больших карих глазах блаухаунда застыло сожаление.

– Простите, мистер Макманус.

Проводник остановился.

– Макснаут следовал по каменоломне за запахом или побежал прямо к этому месту? Просто я думала, что, возможно, мистера Армстронга, пропавшего, сначала потащили к пруду на другой стороне.

– Такое могло быть. – Макманус ослабил поводок. Пес нюхал землю. – Макснаут не пошел бы за запахом по всей каменоломне, он пошел бы туда, где он сильнее всего. Он знает, кого ищет.

– Спасибо.

Наблюдатели – Маркус, фотограф и я – стояли в сторонке, пока отец и сын Тернбуллы осторожно перемещали куски скалы и камни.

Рэймонд сдавленно вскрикнул и отскочил назад как ошпаренный.

Маркус подошел поближе посмотреть.

Это была рука, большая часть ладони, как бы просящая.

Маркус махнул фотографу, который подошел со своей треногой. Мы стояли неподвижно, как дети, изображающие статуи, пока фотограф щелкал затвором камеры.

Маркус повернулся ко мне, глядя вопросительно.

– Я останусь, Маркус.

– Если ты уверена.

После невольного вскрика Рэймонд работал энергично и решительно. Мистер же Тернбулл едва-едва шевелился, как будто задержка могла оттянуть ужас этого открытия.

Рукав, пыльный и порванный, – щелчок камеры; драная штанина, очень бледные ноги, запачканные грязью и кровью, – щелчок камеры; свалившийся с ноги ботинок; другая рука; заскорузлые от пыли волосы и лицо – в синяках, окровавленное, припорошенное белым – щелк, щелк, щелк. Эта нереальная фигура, извлеченная из-под камней, не выглядела изломанной или раздавленной, но грязной и неопрятной, как будто Этан всего лишь упал, ударился лицом, а затем крепко заснул.

Фотограф еще раз вставил пластину и сделал еще один снимок. Значит, вот он – Этан Армстронг, любитель писать письма, борец за права рабочих, отец, муж, резчик по сланцу и камню.

Рэймонд Тернбулл, не отрываясь, смотрел на Этана. Нагнувшись, дотронулся до его руки, словно мог вернуть его к жизни. Джосайя Тернбулл шагнул было к сыну – заговорить с ним или коснуться его, потом передумал, остался стоять на месте и отвернулся. Бедный Рэймонд. Он впал в шок. Это было несправедливо. Эту задачу должен был взять на себя его отец. В субботу парень женится. Жениху нельзя тащить с собой в постель такой ужас.

Громко топая, сержант Шарп и стоявший на посту констебль принесли носилки. Положили их на землю и посторонились, пропуская врача, который склонился над телом. Он выпрямился, быстро переговорил с Маркусом, а затем присел рядом с Этаном, касаясь его руки и лица, словно прощался.

Когда врач встал, Рэймонд подошел к констеблю.

– Я его положу. Позвольте нам с отцом положить его.

С бесконечной нежностью старый враг Этана, Джосайя Тернбулл, и бывший ученик Этана, Рэймонд Тернбулл, положили тело на носилки.

Теперь дорогу показывал врач.

Тачка осталась забытой.

Мы с Маркусом завершали процессию.

– Разрешите я сообщу Мэри Джейн, Маркус.

– Хорошо.

Мы стояли на входе в каменоломню, наблюдая, как носилки с телом Этана осторожно несут к ожидающей машине.

Я тронула Маркуса за рукав:

– Она захочет его увидеть. Ты отвезешь его к ней?

Маркус на меня не посмотрел.

– Я приказал водителю отвезти его в больницу. Там нам понадобится миссис Армстронг для официального опознания. Я попрошу коронера назначить вскрытие.

Внезапно из-под простыни выскользнула рука Этана Армстронга и свесилась с носилок, в последний раз указывая на землю. Я вздрогнула. Маркус сжал мою ладонь.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да. Просто... Мне интересно, случайно ли произошел этот обвал... – Было бы лучше этому верить, но тогда мне пришлось бы подумать, что Гарриет видела призрак. – Этого не могло быть, ведь так?

– Именно это нам предстоит выяснить.

– Почему ты поставил человека у двери Мэри Джейн?

– Я не хотел, чтобы ей вздумалось прийти сюда, вот и все, – ровно

ответил он.

– А жена сержанта, которая с ней сидит?

– Для компании.

– Маркус, скоро домой из школы вернутся дети. Если они увидят у двери полицейского...

– Дети останутся в школе, пока их не заберут. Я до этого поговорил с девочкой и объяснил, что мы расследуем исчезновение ее отца. Она хороший маленький свидетель. Ни на йоту не отошла от своей истории.

Мы поднялись наверх из каменоломни. Маркус подошел к водителю, руководившему погрузкой носилок и закрыванием двери, что-то ему сказал и мгновение спустя уже стоял рядом со мной.

– Я вижу, твой автомобиль здесь. Хочешь, я поведу? Мы можем вместе поехать к миссис Армстронг.

– Я сама справлюсь.

– Тогда я поеду следом. Мы войдем вместе, и ты сможешь сообщить эту новость. Я смогу ответить на любой вопрос, который у нее возникнет.

Он подозревал, что она в этом замешана. Все в его манере поведения, голосе оставалось нейтральным, но в словах сквозило подозрение, и это до крайности меня нервировало.

Короткий путь до коттеджа промелькнул быстро. Я хотела, чтобы прошла вечность, прежде чем сообщить такую страшную новость.

И дети – скоро они должны будут узнать ужасную правду. Придется ли нам увидеть, как их личики исказятся недоумением и болью?

Я остановила машину. Водитель Маркуса затормозил позади. Маркус выскочил первым и обратился к констеблю у двери. Тот кивнул и ушел за коттедж. Когда Маркус постучал, дверь открыла миссис Шарп, жена сержанта. Это меня взбесило. Захотелось закричать.

Маркус что-то тихо произнес. Миссис Шарп исчезла в коттедже и вернулась со своим пальто. Стоя под яблоней, они с Маркусом обменялись несколькими словами, после чего она ушла.

Мэри Джейн встала из-за стола, за которым сидела. На столе стояли две чашки. Должно быть, они с миссис Шарп болтали. Возможно, у жены сержанта были от Маркуса инструкции по поводу того, что он надеялся выудить у Мэри Джейн – любые оговорки, критику Этана, жалобы на их брак.

Маркус вошел следом за мной, буквально наступая на пятки.

Опираясь на стол рукой, Мэри Джейн уставилась на меня, ожидая моих слов.

– Ты лучше сядь, Мэри Джейн. – Она не шевельнулась. – Сядь,

пожалуйста. – Я взяла ее за руку и подвела к креслу у камина. Она безвольно опустилась в него, качая головой и догадываясь, что мы скажем. – Тело Этана нашли в каменоломне. Мне так жаль.

Она закрыла глаза.

– Но ведь мужчины смотрели. Они искали в субботу.

Маркус не вмешивался, разрешая мне объяснить.

– Он был... в дальнем конце каменоломни. Его помогли откопать мистер Тернбулл и Рэймонд. Он был...

Маркус предостерегающе толкнул меня в поясницу. Не говори слишком много.

– О Господи! – Она закрыла лицо белым фартуком. – Бедный Этан! Что случилось? Почему он оказался в дальнем конце каменоломни?

– Мы выясним это, миссис Армстронг, – вступил Маркус.

– Где он?

– Мы отвезли его в ближайшую больницу. В Отли.

– Почему? Почему вы не привезли его домой?

– Сожалею, что не смог этого сделать. Нужно будет проинформировать coronera, но я бы просил вас поехать со мной и официально его опознать.

Мне пришло в голову, что не было нужды так торопить Мэри Джейн. Официальное опознание могло подождать. Я быстро глянула на Маркуса. Он на меня не смотрел. *Он хочет задать Мэри Джейн вопросы, пока она расстроена, пока, как ему кажется, она может выдать себя.*

Маркус сказал:

– Тело вашего мужа вернут вам для похорон, когда будут завершены все формальности.

Я придвинула стул и села рядом с Мэри Джейн, взяла ее за руку, опустила фартук и посмотрела ей в лицо. Сестра, похоже, не осознала услышанное.

– Значит... вы говорите, что его не привезут домой, ко мне, чтобы обрядить тело?

– Совершенно верно, – подтвердил Маркус. – Не сейчас. Но, как я сказал, сейчас я могу отвезти вас...

Мэри Джейн завывала, только так можно было называть это – откровенный вопль боли, а потом запричитала:

– Этан, бедный мой. Он очень обезображен?

Хотя я видела, что тело подняли свободно, я почему-то не смогла припомнить, свисали его конечности неестественно из-за сломанных костей или нет, был ли след на его лице синяком или грязью.

Она повернулась ко мне.

Я сказала:

– На мой взгляд, он казался спящим.

Мэри Джейн замотала головой, качаясь взад-вперед.

– Я поеду к нему. Я должна его видеть.

– Мне поехать с тобой?

Маркус подошел к двери. Переговорил с констеблем.

Мэри Джейн подняла ко мне бледное лицо с покрасневшими глазами.

– Как я скажу Гарриет и Остину? Она была права. Гарриет была права, и я это знала. Я это говорила.

– Не нужно сейчас об этом думать. Они побудут в школе, пока мы их не заберем.

– И что же они должны думать?

– Миссис Шарп договорилась, что они посидят в кабинете директора, у камина, – сказал Маркус. – Учительница приготовит им чай. Не волнуйтесь за детей, миссис Армстронг. С детьми все будет в порядке. Но хочу узнать, не будете ли вы столь любезны, чтобы прояснить ряд моментов, которые ставят меня в тупик?

Он на меня не смотрел. Топор вот-вот должен был упасть.

Мэри Джейн выглядела бледной и потрясенной. Она пристально смотрела на Маркуса, пытаясь понять, что таится за маской его мрачного взгляда. Ничего не ответила.

– Сожалею, что приходится задавать вам вопросы в такой момент, миссис Армстронг, но я уверен, вы понимаете: мы должны выяснить все, что можем.

– Это обязательно делать сейчас? – спросила я. – Это не может подождать?

– Лучше не откладывать, – ответил Маркус.

Дверь открылась. Вошел сержант Шарп. Это было похоже на какой-то странный танец, в котором все участники знали свои па заранее, и только мы с Мэри Джейн не попадали в такт.

Шарп протянул свою полицейскую дубинку. На ней висела холщовая сумка, покрытая угольной пылью.

Маркус посмотрел на Мэри Джейн.

– Вы узнаете эту сумку, миссис Армстронг?

Ее глаза широко раскрылись.

– Она похожа на сумку с инструментами Этана.

– Это вы спрятали ее в сарае, под углем?

– Нет!

– Пожалуйста, принесите ее сюда, сержант.

Сержант Шарп уже собрался положить прямо на стол грязную сумку. Я выхватила из-за ведерка для угля газету и расстелила на столе.

Сержант медленно опустил сумку.

– Откройте ее, – приказал Маркус.

Сержант осторожно ее открыл, тщетно стараясь не запачкать пальцы.

– Осторожно достаньте инструменты.

Сержант Шарп извлек сначала зубило, а потом деревянный молоток, осторожно выложив их на газету.

– Пожалуйста, осмотрите инструменты, – обратился к Мэри Джейн инспектор.

Она уставилась на них. Прошептала:

– Да. Это инструменты Этана. На рукоятке молотка резьба, звезда и его инициалы.

– По-вашему, каким образом они попали в ваш угольный сарай?

– Не знаю.

– Внимательно посмотрите на молоток, миссис Армстронг.

Она повиновалась.

– Что вы видите?

– Деревянный молоток. Молоток Этана.

Она посмотрела на меня, будто я могла подсказать ей нужный ответ.

– А головка молотка? – спросил инспектор. – На головке молотка что-то есть.

– Я ничего не вижу.

– Думаю, наши эксперты найдут там следы крови и волос.

Она покачала головой:

– Не знаю, что сказать.

Я обняла Мэри Джейн.

– Ты не обязана ничего говорить. – Гневно посмотрела на Маркуса: – Это действительно необходимо?

– Боюсь, что да.

– Понятия не имею, что там делают его инструменты. Я не знаю.

– Очень хорошо. Спасибо, миссис Армстронг.

Маркус кивнул сержанту Шарпу. Сержант убрал инструменты в почерневшую от угля сумку, а ее – в большой пакет для улики. Затем он ушел.

Мэри Джейн держалась за подлокотники кресла побелевшими пальцами. Она посмотрела на меня.

– Они думают, что это я его убила. Кэтрин, скажи им, что я этого не делала.

– Никто в здравом уме этого не думает. – Я злобно посмотрела на Маркуса, который ничего не сказал, и накрыла ладонью руку Мэри Джейн. – В понедельник я приносила уголь. Я бы увидела сумку. Ее там не было.

Маркус сказал:

– Едем, миссис Армстронг? Я отвезу вас для опознания вашего мужа. Возможно, миссис Шеклтон пожелает вас сопровождать.

– Да! – быстро откликнулась я.

Мэри Джейн произнесла:

– Сходи за детьми, Кейт. Отведи их на ферму. Они уже гостили там раньше.

– Но ведь ты скоро вернешься. Я присмотрю за ними здесь. Ты захочешь увидеть их, а они – тебя.

– Не сейчас. Я не могу им сказать. Не могу... сказать им... сказать... я не знаю. Но я не хочу, чтобы они находились здесь. Не хочу, чтобы они видели меня такой.

Ее судорожное дыхание походило на всхлипы. Вновь появился сержант Шарп.

– Идемте, миссис Армстронг. Я сяду с вами. – Он снял с обратной стороны двери ее накидку. – Это ваша?

То была клетчатая накидка, в которой мисс Тримбл, по ее словам, видела Мэри Джейн у каменоломни в четыре часа дня в субботу.

– Да, – сказала Мэри Джейн.

Я шагнула к ней.

– Лучше я поеду с тобой.

– Нет. Проследи за детьми, за Гарриет и Остином.

Она ушла. Маркус стоял у двери.

– Кейт, мне жаль. Ведь ты понимаешь, что я должен делать свою работу.

– Я же тебе сказала. Я набирала там уголь в ведро, уголь осыпался. Там ничего не было. Зачем ей прятать уличающие ее инструменты у себя же на заднем дворе? Это бессмысленно. А я-то думала, что ты просто везешь ее на опознание. Если ты собираешься ее допрашивать...

– Не собираюсь. Но вопросы, очевидно, есть. Похожую на нее по описанию женщину видели у каменоломни в тот день, когда, по утверждению миссис Армстронг, она была здесь одна...

– Мисс Тримбл сказала, что на женщине была клетчатая накидка. Ты считаешь, что фабрики произвели ткани только на одну накидку? Да есть дюжины плащей и накидок, таких же, как у Мэри Джейн.

– Они с мужем поссорились. Она застраховала его жизнь на большую сумму.

– Он каменщик, человек опасной профессии, почему бы ему не застраховаться? Ее жизнь тоже застрахована. И сумки с инструментами там не было! Кто-то ее туда подложил.

Маркус нахмурился.

– Ты должна понять. Мы профессионалы. Мы знаем, как проводить обыск, и знаем, как трудно это сделать людям, специально не обученным. – Он милостиво и покровительственно кивнул. – Но мы рассмотрим все возможности. Как только будут получены результаты вскрытия, я лучше пойму, как действовать дальше. А теперь прошу меня извинить.

Он взялся за дверную ручку.

– А что насчет смерти мисс Тримбл? Разве это не подозрительно, и Мэри Джейн не было поблизости от дома викария. Я могу за это поручиться. Я там была. Почему бы тебе не арестовать меня?

– Смерть мисс Тримбл имеет объяснение. У нее были астма и больное сердце. Она умерла от удушья.

В дверях возник сержант Шарп.

– Миссис Армстронг удобно устроена, сэр.

Я почувствовала себя совершенно бесполезной.

– Ты привезешь ее назад?

Маркус рассердился. Я почти ожидала, что он скажет, что не заведует службой такси.

В кои-то веки сержант Шарп проявил человечность.

– Я провожу миссис Армстронг домой, если потребуется, сэр.

– Спасибо.

Голос у Маркуса был усталый, возможно, он сожалел о моем участии, возможно, о моем существовании. Сержант тактично удалился.

– Пока, Кейт.

– Пока, Маркус.

Он подошел ко мне, наклонился и поцеловал в щеку.

– Прости. Должно быть, это очень тяжело для тебя.

– Ты говоришь так, будто она виновна.

– Надеюсь, что нет, ради нее и ради тебя.

Я не ответила, но вслед за ним вышла на улицу.

Мэри Джейн смотрела на меня в окно машины. Возможно, она осознала всю тяжесть своего положения. Ее губы произнесли: «Помоги мне».

Я кивнула и подняла руку.

Сестра сказала что-то еще, но я не разобрала.

Автомобиль отъехал. Я вернулась в дом.

Теперь мне придется встретиться с детьми. Лучше бы им сказала Мэри Джейн. Их бабушка тоже хорошо справилась бы с этой задачей. Она знала Этана, любила его.

Это надо сделать. Если я им не скажу, они все равно узнают. Какой-нибудь одноклассник даже сейчас подслушивает разговоры взрослых о том, как тело Этана выкопали из-под камней.

Детям понадобится ночная одежда. Зубные щетки стояли в треснувшей чашке на подоконнике. Сзади на двери я нашла сумку с костяными ручками и принялась собирать вещи.

Глава 4

В «Джоуитт» я не села, а медленно пошла по улочке и свернула в деревню, плетясь к школе черепашьим шагом. Что-то в пустой школе заставляет меня представлять поколения детей – нерешительных, увлеченных, смысленых, недалеких, игровые площадки, которые могут быть раем или адом. Школа стояла на небольшом пригорке. Я вошла в дверь с табличкой «Мальчики».

Только мои шаги по деревянному полу нарушали осязаемую тишину. На шкафу в холле стоял большой колокольчик. Я справилась с искушением взять его и позвонить, оплакивая смерть Этана Армстронга.

Минуя пустые классы и сворачивая в новый коридор, пахнущий мелом и потными ногами, я представления не имела, где искать детей. Поднялась наверх. Открыла дверь в кладовку для метел. Внезапно меня охватила паника – что я никогда отсюда не выберусь.

А потом в конце длинного коридора я увидела приоткрытую дверь. Я направилась к той двери.

Кто-то услышал мои шаги. Дверь открылась, и ко мне шагнула худая женщина, ее волосы с проседью были уложены плойкой. Вся ее одежда была призрачно-серого цвета.

Мы представились друг другу. Мисс Паттерсон, учительница Гарриет. Она нахмурилась, узнав, что ей предстоит отдать детей человеку, которого она не знала, и тем самым мне понравилась.

Голос Гарриет я услышала прежде, чем увидела ее. Она читала вслух.

В уютном кабинете Гарриет и Остин сидели на маленьких стульчиках у огня. Гарриет прекратила читать. Дети посмотрели на меня и на мисс Паттерсон. Та произнесла:

– Ваша тетя Кейт принесла печальную новость.

Бога ради, как это у тебя получилось? Сайкс знал бы. У него есть дети. Моя мать знала бы.

– О папе, – сказала Гарриет. – Что с ним?

– Ваш папа умер.

Гарриет поникла, голова опустилась, руки словно удлинились. Я подошла, подняла ее со стула и прижала к себе. Девочка расплакалась.

Когда я попыталась обнять Остину, он вывернулся и оттолкнул меня.

– В чем дело?

Он прирос к стульчику, как приклеенный.

– Я была права, – сказала Гарриет. – Мы больше не увидим папу, Остин. Он умер и ушел на небо.

Остин смотрел на нее и на меня, как будто мы сошли с ума.

– Как он может? Он должен вернуться и идти на работу. Он не начистил мои ботинки к школе. Где он?

– На небе.

– Я не хочу, чтобы он был на небе.

Мисс Паттерсон сказала:

– Давайте помолимся за него, дети.

Она опустила на колени, и мы последовали ее примеру, не зная, что еще сделать. Она прочла двадцать третий псалом, и я подумала: если ты школьная учительница, у тебя должно было что-то припасено на любой случай. Когда она закончила, мы с Гарриет сказали: «Аминь». Остин повторил за нами это слово, потом с надеждой посмотрел вокруг, словно веря, что мы произнесли заклинание и в комнате сейчас произойдут резкие изменения.

Он быстро облизал острым язычком губы, прислушиваясь, не раздадутся ли в коридоре шаги.

Мы втроем вышли из здания школы и стали спускаться под уклон по двору. Когда мы добрались до переулка, Гарриет спросила:

– Когда вернется мама?

– Вероятно, не сегодня вечером.

– Скоро?

– Я надеюсь.

– Я хочу остаться дома, – сказал Остин. – Не хочу идти на ферму.

– Я отвезу вас на машине.

Это утихомирило его, пока мы шли до коттеджа. Я помогла ему сесть в машину. Гарриет сказала:

– Я кое-что забыла.

Она подбежала к двери коттеджа и поманила меня. Отперла дверь, и мы вошли.

– Во время перемены я видела полицейских на Хай-стрит, у школы. Я видела человека с блаухаундом. Этот пес нашел папу?

– Да.

– Где он был?

– В каменоломне.

– Он был там все время, один?

– Он больше не один.

– С ним мама?

– Да. – Это была ложь во спасение, с долей правды. – Его увезли в Отли, в больницу, и твоя мама...

– В больницу? – Ее глаза засветились надеждой. Больница – место, где людей лечат.

– В особое отделение больницы, куда привозят умерших людей. И твоя мама поехала туда.

Гарриет отвернулась от меня. Она взяла кухонное полотенце и, сняв с контейнера крышку, достала полбуханки хлеба.

– Это тяжело осознать, Гарриет. Мне так жаль. Такая ужасная новость. Она положила хлеб на полотенце, связала все четыре угла.

– Остин не понимает. Он слишком мал.

– А ты понимаешь?

– Думаю, да. Это означает, что я наполовину сирота.

– Да.

Она мрачно кивнула.

– Когда мама вернется?

Во мне нарастала новая решимость.

– Как только я смогу привезти ее назад, что будет очень скоро, поверь мне, Гарриет.

Остин пересел на место водителя и играл рулем. Только этого мне не хватало – угнанного автомобиля и раздавленного шестилетнего ребенка. Мальчик казался веселым.

– Этот автомобиль может поехать куда угодно, – заявил он. – Ты сама сказала.

– Да.

– Отвези нас на небо. Я хочу увидеть папу.

Я завела мотор.

– Сейчас мы поедem на ферму.

– Нет! На небо. Поезжай на небо.

– Автомобили не ездят на небо.

– Но ты сказала...

Гарриет посмотрела на него, а затем мимо него на невспаханное поле, как будто вглядывалась куда-то далеко во времени и пространстве.

– Мы больше не увидим папу, Остин. Мертвый – это как те два малыша в могиле, которые никогда не вырастут. Папа ушел к ним. Теперь их очередь быть с ним.

Глава 5

Сайкс расположился у ворот фабрики в Грейт-Эпплвике, когда оттуда стали выходить женщины и девушки; ни один стоящий своего товара продавец чулок не упустит такой возможности. Перекинув через руку пару чулок и взяв наизготовку блокнот, Сайкс улыбнулся, как ему хотелось надеяться, располагаяще и нахально, первой же молодой женщине, вышедшей из ворот.

– Принимаю заказы – доставка в день зарплаты.

Похожая на мышку, она бросилась прочь. Он попытался подмигнуть рыжеволосой красотке. Та подмигнула в ответ.

– Это мне не по карману, дорогой, разве что красивое лицо сделает тебя щедрее.

Она задержалась достаточно долго, чтобы дать себя уговорить. Этот прием помог. Сайкс не только получил заказы на тридцать семь пар чулок, но и приглашения на танцы в деревенский клуб, в кинотеатр в Йидоне и на свадьбу в субботу. Если эти женщины благополучно придут с наличными в пятницу, продажа чулок даст ему больше, чем миссис Шеклтон платит за две недели работы. Слабое утешение, когда ты несколько не продвинулся в своем расследовании.

Он наблюдал прибытие в деревню полиции, сотрудники Уэст-Райдинга обеспечивали поддержку другу миссис Шеклтон из Скотленд-Ярда. Полицейские ходили по деревне от дома к дому и задавали вопросы. Сайкс прошел следом со своим чемоданчиком, только чтобы узнать, как мало известно обитателям Грейт-Эпплвика. Все вопросы полиции касались Этана Армстронга. Если вскрытие мисс Тримбл и проводили, никто об этом не говорил.

Сайкс отправился на ферму, чтобы поговорить с Бобом Конроем, другом детства Этана. Но чем ближе он подходил к цели своей прогулки, тем меньше верил, что сможет заинтересовать Боба Конроя чулками и носками.

С близкого расстояния стал виден дым, поднимавшийся из трубы фермерского дома и смешивавшийся с мягкими белыми облаками. Еще ближе, и Сайкс уловил запах навоза, свиней и земли.

Со стороны фермы навстречу ему шагал сержант в форме полиции Уэст-Райдинга. Сайкс пожалел, что несет чемоданчик. По многолетнему опыту службы в полиции он понял, что его придуманный персонаж –

коммивояжер – может вызвать подозрения.

– Ну так что, приятель, – приветливо, с грубоватым добродушием проговорил сержант. Это означало: кто вы, куда идете и чем здесь занимаетесь?

Когда его назвали приятелем, Сайкс покрепче сжал ручку чемоданчика.

– День добрый, офицер. Я правильно иду на ферму?

– Да. Хотя зачем бы вы туда ни шли, момент неудачный.

– Я торгую. И знаю, что жены на отдаленных фермах не прочь взглянуть на галантерею и чулки.

Сержант смерил его пронизательным взглядом.

– Сегодня туда лучше не заходить.

– Да? И почему это?

– Я только что сообщил им одну новость, от которой у хозяйки пропадет вся охота к покупкам.

Сайкса предостерегали, но если Конрой узнали страшную новость об Этане Армстронге, теперь самое время для визита. Либо его выпроводят, либо он узнает что-нибудь о дружбе между этими двумя мужчинами. Если Этан и изливал кому душу, так это своему другу Бобу Конрою.

Сайкс разыграл из себя заинтересованного чужака:

– Я слышал, что около каменоломни была какая-то возня и что рабочих отослали по домам.

– Где вы это слышали?

– Принимал заказы у ворот фабрики, – сказал Сайкс. – Я вернусь с товаром в пятницу, – быстро добавил он, дабы сержант уверился, что знает, где при необходимости найти этого коммерсанта.

Сержант поправил шлем. Ты меня узнаешь, подумал Сайкс. Лично ты меня не знаешь, но чувствуешь другого полицейского при встрече и думаешь, что ошибаешься, и поэтому смущен.

– Сегодня на ферме Конроя вы толку не добьетесь, – сказал сержант.

– Тогда я условлюсь на другое время, когда буду в здешних краях.

– Как угодно. Это свободная страна.

– Спасибо. Всего доброго, офицер.

На ходу Сайкс оглянулся и увидел, что сержант спустился по перелазу в поле, где паслись четыре коровы. Из этого Сайкс сделал вывод, что сержант Конроя дома не застал и отправился его искать.

Сайкс открыл ворота фермы. В поле слева от него маленькая девочка сооружала костер из пырея, попутно грея руки. Сайкс поздоровался.

– Грандиозный костер.

Девочка почти улыбнулась. Она была темноволосой, как цыганка, двигалась плавно, как извивающийся угорь.

– Что ты сжигаешь?

– Пырей.

Он посмотрел на ее грязные ладони, на тонкие, как прутики, руки и ноги.

– Ты все это надергала сама?

Она покачала головой:

– Только часть.

Дальше на поле горел еще один костер. Над огнем висел черный котел, рядом сидели, согнувшись, два человека. Один из мужчин держал на руках животное. С такого расстояния сцена казалась каким-то древним ритуалом жертвоприношения. Я горожанин, подумал Сайкс. Приезд сюда полностью рушит мое представление о деревне.

– Чем они там занимаются? – спросил он у девочки.

– Там? – Она посмотрела на него, как на дурака.

– Да.

– Обрезают хвосты.

– Какие хвосты?

– Овечьи.

Эта девочка не произносила больше двух слов подряд. Сайкс пожалел, что затеял расспросы.

– Один из них мистер Конрой?

– Нет.

Залаяла собака.

Повернувшись к Сайксу спиной, девочка подбросила в костер сорняков.

– У меня дочка твоего возраста. Она любит шоколад. Она не станет возражать, если ты съешь эту шоколадку, а ей я куплю другую.

Она повернулась. Он протянул шоколад.

– Это мне?

– Да.

– Спасибо, мистер.

– Как тебя зовут?

Девочка довольно долго думала.

– Милли.

– Ты чья девочка?

Она ответила не сразу, словно вопрос был слишком трудным, а потом слова пришли к ней:

– Ее.

– Ты знала мистера Армстронга? – спросил он у девочки и немедленно захотел прикусить язык за то, что поставил вопрос в прошедшем времени.

Она кивнула.

– Часто приходил на ферму, да?

По ее осторожному взгляду Сайкс понял, что немного узнает от девочки, даже если она и может что-то рассказать. Она держала плитку шоколада в руке, прижимая к груди, словно его могли отнять.

– Чего вы от меня хотите, мистер?

– Да ничего.

Она отломил кусочек шоколада, бросила в рот и опустила остаток плитки в карман. Наклонилась за травой. Горячая трава потрескивала. Милли вытерла рукой грязное лицо.

Сайкс проговорил:

– Есть один вопрос.

– Какой?

В порыве вдохновения он спросил:

– Как ладили мистер Армстронг и миссис Конрой, когда он приходил к ней в гости?

Миссис Шеклтон говорила, что Армстронг якобы делился с миссис Конрой своими проблемами. Что, если это было совсем не так? Армстронг и жена фермера были любовниками. Конрой узнал. Драка. Смертельный удар. Это объяснило бы, почему Конрой не было здесь, когда прибежала Гарриет. Конрой уже был в каменоломне, обагрив свои руки кровью.

Он ждал ответа Милли, мысленно умоляя: пожалуйста, скажи больше двух слов.

– Не знаю.

Она теребила лежавшую в кармане плитку шоколада, не глядя на Сайкса. Но у него появилось ощущение, что он на что-то напал.

Глаз на затылке Сайкса моргнул. Сайкс повернулся и увидел, что дверь фермерского дома открыта.

– Пока, Милли. Не ешь весь шоколад сразу, девочка.

Стоявшая в дверях женщина смотрела на приближавшегося Сайкса.

Подойдя ближе, он увидел, что у нее круглое, открытое лицо и завораживающие голубые глаза. Она с любопытством ждала, когда он заговорит.

– Добрый день, мадам. Могу ли я заинтересовать вас тончайшими чулками по разумной цене? Вы можете посмотреть, это ни к чему не обязывает.

Она посмотрела мимо него, как будто он мог быть злоумышленником, сообщник которого притаился за углом, готовый напасть.

– Я Джим Сайкс и на этой неделе путешествую тут по окрестностям, предлагая великолепные изделия из вискозы, на ощупь совершенно как шелковые, если вы захотите убедиться.

Она колебалась.

– Уверен, такая дама, как вы, сумеет оценить качество.

Она открыла дверь достаточно широко, пропуская его.

– Я уделю вам пять минут. Только потому, что приятно для разнообразия увидеть торговца, который навязывает не корм для скота.

Сайкс обвел взглядом кухню.

– У вас очаровательный дом и великолепный камин, миссис...

Сайкс вовремя остановился, не произнеся ее имя.

– Миссис Конрой.

– Очаровательное место, – повторил он.

– Я стараюсь. Это бесконечное сражение с мужчинами, которые толпой вваливаются поесть. – Она переместилась к двери в дальнем конце помещения. – Проходите, иначе то, что вы собираетесь показать, будет в итоге запачкано подливой и пропитается запахом копченой грудинки.

Он проследовал за ней в самую лучшую комнату – с мягкой мебелью, набитой конским волосом, дубовым буфетом, более уместным в гостиной великана, и таким количеством безделушек, что аукционеру хватило бы работы на неделю.

– Вы одна следите за этим домом?

Сайкс подождал, пока она сядет на диван и знаком предложит поставить чемоданчик и садиться.

– Мне помогает девочка, и из деревни дважды в неделю приходит женщина.

– Ну, я снимаю перед вами шляпу, миссис Конрой. – Он положил чемоданчик между ними и поднял крышку. Вытащив пару чулок, Сайкс поднял их, чтобы они заиграли на свету. – Сам тутовый шелкопряд не нашел бы разницы между этим и настоящим шелком.

Она взяла у него чулок длинными, тонкими пальцами – рука пианиста, но огрубевшая от работы.

– Это действительно хорошие чулки. Во сколько они мне обойдутся?

– Сколько, по-вашему, может отдать такая дама, как вы, со щиколоткой, достойной того, чтобы ее увидел весь мир?

Несколько минут они мило беседовали.

– Вы заключаете серьезную сделку, – сказал Сайкс, – но раз уж я

забрался так далеко и вы покупаете три пары, вы их получите.

– Ну, давайте тогда побыстрее, пока не вернулся муж и не отругал меня за мотовство.

Сайкс достал еще две пары чулок и лист папиросной бумаги.

– Не так быстро. Я должна убедиться, что другие две пары не хуже.

– Не могу представить мужчину, который бы вас обманул, миссис Конрой.

Она рассмеялась, тепло и искренне.

– Ваш муж скоро вернется? Возможно, я сумею заинтересовать его парой носков?

– Носков ему до конца жизни хватит. Его мать вяжет их для него в качестве наказания.

Она заметила детские носки. Сайкс показал носки для мальчика и для девочки.

– А как насчет чего-нибудь для детей?

– Я об этом подумала.

– Сколько у вас ребятишек?

– Своих ни одного, к сожалению, но у меня какое-то время поживут двое малышей, на которых обрушилась страшная потеря. Носки горе не смягчат, но если куплю им по паре, дети, когда придут, поймут, что им здесь рады.

– Могу я узнать, что это за страшная потеря, которая обрушилась на двух малышей?

– Это их отец, – вздохнула она. – Сегодня днем его нашли мертвым в каменоломне. Полицейский сержант, вы, наверное, встретили его, приходил сообщить мне.

– Сожалею. Вам надо было сказать. Я бы приехал в другой раз.

Она подошла к комоду и достала из верхнего ящика кошелек.

– Да нет, я не была близка с этим человеком. Но он был другом детства моего мужа. Мой хозяин тяжело это воспримет.

Стоя у дивана, миссис Конрой отсчитала монеты в ладонь Сайкса. Интересно, подумал он, когда ее пальцы коснулись его ладони, было ли что-то между тобой и Этаном Армстронгом? Когда ты говоришь, что вы не были близки, не слишком ли поспешно ты возражаешь? Он обдумывал данную мысль, пока женщина провожала его до двери и желала хорошего дня.

Поравнявшись в поле с девочкой, Сайкс пристроил чемоданчик на верху каменной стены.

– Милли! – позвал он.

Она оторвалась от костра.

– Вот. Чулки для тебя.

Ее глаза распахнулись от удивления:

– Зачем?

– Чтобы ноги были в тепле, зачем же еще?

Девочка взяла у него чулки и сунула в карман фартука. Как раз в этот момент Сайкс отчетливо услышал звук мотора приближавшегося «Джоуитта» миссис Шеклтон. Попрощавшись с девочкой, Сайкс пошел к воротам.

Миссис Шеклтон сидела в машине. Она разговаривала с детьми, которые вылезали из автомобиля. Как две маленькие обвисшие тряпичные куклы, они медленно и опасливо прошли за ворота, держась края тропинки и стараясь не наступить в грязь.

Сайкс мельком увидел лицо миссис Шеклтон, когда она смотрела на детей, не зная, что за ней наблюдают. Он отвел глаза, потому что печаль была слишком откровенной.

Подойдя к машине, Сайкс бодро произнес:

– Я никогда не упускаю возможности показать свой товар. И сейчас я именно это и сделаю, а вы тем временем расскажете мне, что у нас дальше.

Он открыл чемоданчик и поставил его на сиденье рядом с миссис Шеклтон.

– Я не знаю, что дальше, мистер Сайкс. Мне только что пришлось сообщить этим детям, что их отец умер.

Сайкс едва не подавился своей веселостью.

– Где их мать?

– Ее увезли для официального опознания тела. Но я знаю, что ее будут допрашивать.

– Ваш старший инспектор?

– Да. Инструменты Этана были спрятаны под углем у нее в сарае. Можно подумать, она повела бы себя настолько глупо.

Сайкс знал, что людей вешали и при меньших уликах, но оставил эту мысль при себе.

– Мне тут попался местный сержант. Он пошел на дальнее поле искать Боба Конроя, чтобы сообщить ему плохую новость.

– Это любезно с его стороны, – проговорила миссис Шеклтон, демонстративно выбирая чулок. – Если только...

– Если только – что?

– Он мог действовать по инструкции. Если я не ошибаюсь, старший инспектор Маркус Чарлз считает, что Этана убила Мэри Джейн. Он может

подозревать, что ей помогал Боб Конрой. Миссис Леджер сказала, что они оба, Боб Конрой и Этан, были влюблены в Мэри Джейн, а получил ее Этан.

Сайкс развернул другой чулок, на сей раз из тонкого хлопка, «ненатурального телесного» цвета, как он про себя его называл. Чулки имели легкий оранжевый оттенок, Сайкс никогда не встречал у людей кожу такого цвета. Миссис Шеклтон рассеянно взяла его. Сайкс подумал, что лучше всего молчать, но сказал:

– А что насчет возможной связи между Этаном Армстронгом и миссис Конрой? Есть в ней что-то такое.

Миссис Шеклтон быстро на него глянула. На щеках у нее появились два розовых пятна. Это напомнило Сайксу, что он должен действовать осторожно. Данное расследование касается ее слишком близко, чтобы воспринимать его объективно.

Она разжала пальцы, и телесного цвета чулок упал в чемоданчик.

Глава 6

Сайкс двинулся по дорожке со своим чемоданчиком. Я поспешила к коттеджу, чувствуя себя виноватой, что детям пришлось одним идти в дом. Но Джорджина Конрой хотя бы знает теперь об Этане, и поэтому Гарриет не нужно будет подбирать слова, чтобы сообщить свою печальную новость.

Я постучала в дверь и вошла.

– Простите. Я отправила детей вперед. Меня отвлек мужчина, продающий чулки.

– Вы что-нибудь купили?

– Нет. А вы?

– Я пожалела беднягу. А ведь у него хватает сил не сдаваться и пытаться что-то заработать. Не то что некоторые бедолаги, с которых собьют спесь, так они не знают, как дальше жить.

Миссис Конрой уже посадила детей у огня, где они примеряли новые носки.

– Вижу, вы оба хорошо тут устроились, – сказала я, тут же пожалев о выборе слов, потому что прозвучало это так, будто они обосновались здесь надолго. И Гарриет, и Остин проигнорировали меня. Гарриет, видимо, пыталась правильно натянуть пятку носка. Нога Остина в носке не двигалась.

Стоя спиной к детям, миссис Конрой посмотрела на меня с трагическим выражением.

– Э, что тут сделаешь. Но дети могут оставаться здесь столько, сколько потребуется. Скажите Мэри Джейн, чтобы она на этот счет не беспокоилась.

Я помогла Остину надеть новые носки. Он позволил мне это сделать, хотя не смотрел и не ответил на мой вопрос, нравятся ли они ему.

Отказавшись от чая, я уже хотела уходить, когда дверь распахнулась, и в комнату ворвалась волна холодного воздуха. На пороге стоял Боб Конрой, разглядывая кухню фермерского дома так, будто никогда не видел ни этого помещения, ни его обитателей. Спотыкаясь, он сделал несколько шагов. Не обращая внимания на предупреждающий взгляд жены, он сморщился от переполнявших его эмоций и бросился к очагу и детям.

Джорджина Конрой закрыла за ним дверь и предостерегающе воскликнула:

– Боб!

Но он уже стоял на коленях на коврике у очага, между детьми, молча обнимая их, прижимая к себе.

– Вы можете оставаться, сколько захотите, и ваша мама тоже, когда вернется домой.

– Конечно, могут, – ровно проговорила Джорджина.

Она прошла к двери, где стояла я, дожидаясь момента уйти. Миссис Конрой вздохнула по поводу порывистости своего мужа:

– Бедным детишкам не нужны излишества чувств. Им нужно немного покоя и заботы.

Чувствуя, что оставила детей в надежных руках, я попрощалась. Следующая остановка – Эпплвик-холл.

Серьезная убежденность в том, что Леджеры связаны со смертью Этана, была не единственным побуждением поехать в поместье. Маркус не замедлил сказать мне о страховке Мэри Джейн на жизнь Этана, однако он не упомянул о ее банковской книжке. Я была уверена, что он спросил бы меня о ней, если бы нашел. Я хотела узнать, зачем Мэри Джейн встречалась с полковником Леджером во вторник.

Я поставила автомобиль перед Эпплвик-холлом, надеясь, что мое шумное появление и бесцеремонность парковки встревожат его обитателей. Громко ударив молотком в дверь, я стала ждать. Замолвленное «важной» персоной слово имеет большой вес. Вероятный будущий лорд-наместник графства, Леджер считался «важным». Я не испытывала никаких угрызений совести, дергая за любые ниточки, которые могли облегчить участь Мэри Джейн. Дворецкий вспомнил меня по предыдущему посещению.

– Я приехала повидать миссис Леджер по срочному делу.

Лучше действовать традиционно и начать с нее.

– Мадам в настоящее время не принимает посетителей. – Он колебался. – Не желаете оставить карточку?

– Нет. Я подожду и повидаюсь либо с миссис Леджер, либо с полковником. Они не поблагодарят вас за то, что вы меня не впустили.

Без дальнейших разговоров он открыл дверь и провел меня в гостиную, где я ждала в прошлый раз. В комнате доминировал семейный портрет. Полковник и миссис Леджер во всей славе взирали на меня с чувством, похожим на презрение. Двое мальчиков, ясноглазые и уверенные в себе, придавали сцене оттенок радости. Старший мальчик хмурил брови и от этого казался удивленным и слегка надменным, как моя кошка, когда она считает, что ее игнорируют.

Долго ждать мне не пришлось. Миссис Леджер плавно вошла в комнату. Осторожно приблизилась ко мне.

– Миссис Шеклтон?

– Миссис Леджер.

– Садитесь, пожалуйста.

В ней была какая-то странная хрупкость, которой я не заметила раньше. Когда я приняла приглашение и села на диван лицом к портрету, глядя на женщину и на ее живописное изображение, от нее повеяло раздражением.

– Вы здесь по срочному делу, как я понимаю?

– Да. Вы уже слышали, что тело Этана Армстронга нашли в каменоломне?

Она мрачно кивнула:

– Нам, разумеется, сообщили. Сержант Шарп позвонил моему мужу. Трагедия.

– Миссис Армстронг увезли для официального опознания тела и для допроса в полиции. Я подумала, что вы захотите об этом узнать, так как она долго у вас работала.

Она ровно смотрела на меня, пытаясь понять, что еще стоит за моими словами.

– В самом деле? – Она удивилась. – Когда вы говорите, что ее увезли для допроса, то хотите сказать, что в отношении миссис Армстронг есть какие-то подозрения?

– Я так считаю, хотя уверена, что это абсолютно необоснованно.

– Подозревать ее нелепо. Но я не понимаю, чем могу помочь. Она попросила вас приехать сюда?

– Нет. Я посчитала себя обязанной это сделать. Потому что она работала у вас, когда была совсем юной, и потому что ее муж тоже был вашим работником.

Миссис Леджер внимательно на меня посмотрела, словно прикидывая, что могла сказать Мэри Джейн.

– Да, она была моей горничной. Но это было давно. Она нуждается в чем-то для себя или для детей? Естественно, если мы можем ей чем-то помочь...

В этот момент открылась дверь. Полковник Леджер изобразил удивление:

– Прощу прощения, дорогая. Я не знал, что ты не одна. – Мгновение он смотрел как бы сквозь меня, словно наша встреча в понедельник состоялась десять лет назад и он не может меня вспомнить. Очень мило.

Наконец он произнес: – Миссис Шеклтон.

– Полковник.

Он прошел по комнате и сел рядом с женой. Единым фронтом.

– Я слышал о том, что Армстронга нашли. Неприятное дело. Теперь я жалею, что не послал в каменоломню своих ищек раньше.

Миссис Леджер протянула пальцы к руке мужа, но не коснулась ее.

– Я полагаю, пусть лучше такими делами занимается полиция, полковник.

Она называла его полковником? Я сдержала улыбку.

А теперь она все же коснулась его руки.

– По-видимому, миссис Армстронг увезли опознать тело и допросить.

Он несколько раз моргнул.

– Зачем? В смысле, сейчас не время ее допрашивать.

Я решила не говорить ему о сумке Этана с инструментами, спрятанной в угольном сарае Армстронгов. Как можно короче я обрисовала подозрения Маркуса.

Полковник вскочил.

– Но это же абсурд! Я поговорю с этим человеком. Вас прислала сюда Мэри Джейн?

– Нет. Я предложила поехать с ней в Отли, в больницу, но она попросила меня забрать детей из школы. Они у Конроев.

– Дорогой, – спокойно проговорила миссис Леджер, – мне кажется, нам следует предоставить полиции заниматься этим по их усмотрению.

Полковник со вздохом вернулся на свое место.

– Ты права, дорогая. Ты, конечно, права. Но я все равно свяжусь с адвокатом.

Его возбуждение проявлялось в том, как он шевелил челюстью, сгибал пальцы.

Миссис Леджер похлопала его по руке. Эта пара, сидевшая бок о бок на диване, составила бы идеальный второй портрет. Постарше, но нисколько не утратившие ни своей самонадеянности, ни уверенности. Обеспечь адвоката. Убеди полицию действовать более разумно.

Он заговорил снова, уже поспокойнее:

– Вы правильно сделали, что приехали сюда, миссис Шеклтон. Я прослежу, чтобы интересы Мэри Джейн... миссис Армстронг были соблюдены.

Но так ли это? Та часть меня, которую воспитали с понятием, что мужчина возьмет ответственность, что мужчина все уладит, хотела отказаться от этого дела, хотела позволить ему позаботиться о Мэри

Джейн. Но тоненький голосок в мозгу твердил: «Не доверяй ему».

– Полковник Леджер, могу я спросить вас, что вы с Мэри Джейн обсуждали во время вашей встречи во вторник?

Он разинул рот. Миссис Леджер повернула к нему голову. Ее маленький язычок скользнул по нижней губе. Она знала.

– Во вторник?

Он покачал головой. В два счета он мог приказать выставить меня отсюда.

Если я хотела получить от него информацию, он должен был понять, что я могу устроить ему неприятности.

– Когда вы встретились на железнодорожном вокзале Хорсфорта и поехали в гостиницу «Стейшн». – Он открыл рот, чтобы отрицать, указать мне, что я ошибаюсь, но, прежде чем он произнес хоть слово, я сказала: – Мне только интересно, отдала ли она вам на сохранение свою банковскую книжку?

Он удивился:

– А зачем ей отдавать мне банковскую книжку?

– Потому что деньги там лежат на ее девичью фамилию. Те деньги, что вы дали ей, когда она работала у вашей жены, и которые давали с тех пор.

Последняя часть фразы была догадкой, но она попала в точку.

Полковник и миссис Леджер замерли, но лишь на долю секунды. Он сглотнул. Она откашлялась, словно хотела заговорить, но он ее опередил:

– Миссис Армстронг объяснила происхождение денег?

– Она сказала мне, что, когда ей было пятнадцать лет, вы фотографировали ее в художественных позах.

Он чуть улыбнулся.

– Вполне невинных.

Миссис Леджер отозвалась эхом:

– Совершенно невинных.

Последовало долгое молчание. Они ничего больше не собирались говорить, да и зачем бы им это делать? Я встала, чтобы уйти.

– Что ж, если у вас нет банковской книжки...

Когда я встала, встал и полковник, не совсем уверенный, стоит ли меня провожать.

– Подождите! – Миссис Леджер засмеялась, легко и звонко. Муж улыбнулся ей, дожидаясь, куда она поведет беседу. – Пожалуйста, сядьте, миссис Шеклтон, – сказала она. – Все очень просто. Мэри Джейн была очаровательной малышкой и, без сомнения, знала об этом. Мой муж заядлый фотограф-любитель, и он сделал несколько ее портретов в

греческой тунике, абсолютно приличных, которые она, по своей наивности, посчитала необыкновенно смелыми. Я уверена, что, если мы покажем их вам, вы и сами это увидите. Когда ей было двадцать три и она собиралась замуж, я дала ей денег. Это никак не было связано с фотографиями. На одном из наших праздников в честь окончания сбора урожая всем стало ясно, что Боб Конрой влюбился в Мэри Джейн. Потом он поговорил с полковником и попросил ее руки, как будто мы были ее родителями. Меня это тронуло, и, если хотите знать, свой подарок я считала своего рода приданым. Между моей семьей и семьей Конроев не одно поколение существовали связи. Как обнаружилось, ее сердце похитил Этан Армстронг, и это был брак не из тех, что заключаются на небесах. Но если какой-то полицейский инспектор думает, что Мэри Джейн убила своего мужа, и увез ее в полицейский участок Отли для признания, тогда его следует отправить в какое-нибудь захолустье империи.

Вступил полковник:

– Моя дорогая, ты должна быть более сдержанной в своих высказываниях. Может быть, старший инспектор просто хочет дать миссис Армстронг возможность спокойно подумать, вдали от дома и детей.

– А ваше свидание во вторник? – не отставала я.

Он вздохнул:

– Не свидание. Она попросила совета. Она живет в служебном доме и боится, что ее выселят. Я заверил ее, что ничего такого не случится. – Он повернулся к жене: – Только это, моя дорогая.

– Конечно. – Она сжала его ладонь.

– А теперь прошу прощения, я позвоню своему адвокату и направлю его в полицию. Это возмутительно, что миссис Армстронг разлучили с детьми. Армстронга опознал бы и я.

Он вскочил с дивана. У двери он обернулся:

– Полиция знает, что у миссис Армстронг есть собственный депозитный счет?

Если придется, он в мгновение ока бросит ее на произвол судьбы ради спасения своей репутации.

– Нет.

– Хорошо. – Уходя, он мягко прикрыл дверь.

Улыбка миссис Леджер сделалась покровительственной.

– Мэри Джейн была со мной не один год. Я ее полюбила. Надеюсь, все это быстро разрешится. Но на ферме, у мистера и миссис Конрой, за детьми хорошо присмотрят.

Что-то в ее голосе, похоже, подводило черту под прошлым.

– Разумеется, теперь это ваша ферма.

Она едва заметно раздула ноздри.

– Вы же не ждете от меня комментариев по этому поводу, и я удивлена, что Конрой настолько преждевременно говорит о продаже.

Меня опечалило, что то, против чего больше всего возражал Этан, совершилось. Столетняя ферма будет разрушена и превращена в каменоломню, и Этан не будет стоять на пути прогресса.

Однако за всем этим таилось что-то еще. Я это чувствовала, но не могла определить, что же меня цепляет.

Еще через несколько секунд вернулся полковник.

– Мой адвокат немедленно поедет в полицию. Он позаботится об интересах Мэри Джейн.

Миссис Леджер встала и подошла к мужу.

– Спасибо, что рассказали нам об этом, миссис Шеклтон.

Я допустила ошибку. Этим людям нельзя было доверять. Мэри Джейн окажется в их власти. Адвокат позаботится о ее интересах, только если они совпадут с интересами Леджеров.

Я медленно ехала обратно через деревню, собираясь вернуться домой. Однако меня тянуло к коттеджу Мэри Джейн. Если она не отдала свою банковскую книжку на сохранение полковнику Леджеру, тогда где она? И кто подбросил инструменты Этана туда, где их могли найти и использовать против Мэри Джейн?

Едва заметный дымок все еще поднимался из трубы, безнадежный сигнал, без пользы стремившийся к облакам.

Я вытащила ключ через щель для писем и отперла дверь. Я немедленно поняла, что дом не покинут. Здесь кто-то был. Я чувствовала чье-то присутствие, как затаенное дыхание. На лестнице слышались шаги.

– Миссис Шеклтон?

– Мистер Сайкс! Что вы здесь делаете?

– То же, что и вы, полагаю. Интересуюсь, кто подложил инструменты в угольный сарай, интересуюсь, не упустила ли чего полиция.

– И упустила?

– Нет. Я ничего такого не нашел.

– Я не знаю, куда Мэри Джейн положила свою банковскую книжку. Я думала, она отдала ее полковнику, но если и так, он ничего не говорит.

– Вы ездили к нему?

– Они встревожены, но относятся к этому несерьезно. Миссис Леджер

утверждает, что пикантные фотографии были просто художественными снимками в греческой тунике. Вероятно, у них есть отпечатанные снимки и негативы в доказательство этого, а все остальное таинственным образом исчезнет.

– Тем не менее они на ее стороне.

– Они на своей стороне, мистер Сайкс. Они в одну секунду пожертвуют моей сестрой.

– У вашего старшего инспектора нет ничего конкретного против Мэри Джейн, кроме спрятанных инструментов. Любой мог подкинуть их туда.

Сайкс уже формировал дело для защиты. Он потер подбородок.

– Вот уж посудачат сегодня в местной пивной.

Мистер Сайкс придает огромное значение сплетням в пабе, потому что это дает ему преимущество передо мной, которой недоступен такой способ сбора информации.

– Если хотите. Но будьте осторожны. Мы не знаем, скольких полицейских в штатском посетит та же идея.

Он спустился вниз.

– Я не забыл, что завтра в девять утра у меня встреча в страховой компании. Не больше пары пинт и часового подслушивания, а затем я поеду домой.

Я написала записку для Мэри Джейн и положила на середину стола, чтобы она заметила ее сразу же, как только сержант Шарп привезет ее домой; если он привезет ее домой.

– Уходите лучше первым, мистер Сайкс. Я нанесу визит соболезнования викарию.

Между смертью Этана Армстронга и смертью мисс Тримбл была связь, и я собиралась ее обнаружить.

Глава 7

Морщинистый мужчина с толстым животом поздоровался со мной голосом образованного человека. Я поняла, что викарий учился в Оксфорде, и вспомнила, как его сестра сказала, что он предпочел бы служить Богу в Брайтоне, а не в йоркширском захолустье. Он производил впечатление человека, которого замучили выражением соболезнований, и существовала возможность, что я встречу отпор. Возможно, сейчас для него не время встречаться с женщиной, которая стала свидетельницей последних мгновений жизни его сестры.

С привычной ловкостью я представилась, выложив полные сведения, включая свой статус и профессию, папину работу и мамин титул. Это сработало.

Он устало взял со стола в прихожей книгу.

– Проходите в кабинет, миссис Шеклтон. Итак, я должен благодарить вас за то, что вы нашли мою сестру.

Я произнесла несколько подобающих слов. Он открыл книгу.

– Для соболезнований, – сказал он, поворачивая ее ко мне. – Люди были очень добры. Она и не подозревала, насколько ее любили.

Я взглянула на страницы, заполненные подписями, молитвами и цветисто изложенными чувствами. Подразумевалось, что и я оставлю здесь несколько фраз.

– Мне очень жаль, но я не знала мисс Тримбл, познакомившись с ней лишь в то утро. Если вы дадите мне минутку...

Даже имея минутку, я не могла придумать, что бы такое написать.

– Бедная Аврора, в тот день она была в приподнятом настроении, – хмуро проговорил викарий. – Господь подарил ей радость в последние дни ее земного существования.

– У нее был повод радоваться?

Он отодвинул проповедь, над которой трудился.

– Она провела счастливую неделю в Клитероу с нашей двоюродной сестрой, которая там замужем за церковным служителем. И разумеется, ей нравились церковные окна, понимаете, с частым переплетом, с восхитительными витражами.

– В Клитероу?

– Нет. Здесь. Бедная Аврора.

Довольно долго, записывая какие-то утешительные слова в книгу

соболезнований, я пыталась сообразить, как сформулировать вопрос: есть ли кто-нибудь, желавший смерти вашей сестре? Вместо этого я сказала:

– У вас очаровательная церковь. – И затем вспомнила, что одно окно было простым. – Вы планируете сделать новый витраж?

– Да. Вот почему она была так счастлива. Фермер Конрой разговаривал об этом с моей сестрой в воскресенье. Он заплатит за него в память о своих родителях и брате.

Боб Конрой. Значит, он собирался пожертвовать часть вырученных от продажи фермы денег. После моего ухода он оставался в церковном дворе, у могилы брата, разговаривая с мертвым, в расстроенных чувствах. Сохраняя совершенно невозмутимое, как у игрока в покер, лицо, я гадала, не помог ли Боб Конрой Авроре Тримбл отправиться в мир иной, чтобы она не могла дать показания против Мэри Джейн?

Мистер Тримбл говорил, о чем-то меня спрашивая.

– Простите. О чем вы спросили?

– Аврора сказала что-нибудь перед смертью?

О боже. У Джеральда и его приятеля-врача была любимая игра. Один из них называл человека, живущего или умершего. Другой должен был процитировать или придумать знаменитые последние слова. Сейчас меня так и подмывало придумать что-нибудь грандиозное. Но я совершенно не умела играть в эту игру.

– Она произнесла только два слова, мистер Тримбл. Первое из них было «горькое».

– Непонятно. Моя сестра еще что-то сказала?

Час от часу не легче. Он решит, что я глухая или выдумщица.

– Она сказала «диванчик».

– Диванчик?

Он озадаченно покачал головой. Я ждала, не вспомнит ли он, что у сестры был любимый предмет мебели, но напрасно.

Когда я вернулась к коттеджу, в окне горел свет. Мэри Джейн была дома. Я постучала в запертую дверь.

– Кто там?

– Это я.

Она повернула ключ в замке и впустила меня. Выглядела сестра измученной и обессиленной.

– Я хотела убедиться, что с тобой все в порядке. Ужасно было?

– Да. – Она села в кресло у камина, где, видимо, сидела до моего прихода, и уставилась на огонь. – Это так бесповоротно. Это больше не он,

Кейт. Этана нет. Люди говорят: вот, мол, от человека осталась одна оболочка. Я никогда не понимала, что это значит. Лучше бы я не видела его таким.

– Ты ела?

– Я не голодна. И посмотри, сколько всего. – Она махнула рукой в сторону стола. Там стояли кастрюля с рагу, кекс, пирог. – Люди оставили на крыльце. Для детей, вероятно. Меня они не любят.

– Это неправда. Тебе очень сочувствуют в деревне.

О поездке к Леджерам и о звонке полковника своему адвокату мне говорить не хотелось.

– Я могу еще что-то для тебя сделать?

Оказалось, что ничего.

Я проигнорировала ее отпор и взяла лежавшую у очага грелку. Это был серебряный башмак, дожидавшийся, когда его наполнят кипящей водой. Я поставила его на стол, взяла чайник и стала лить воду.

– Положу его в твою постель. У тебя совершенно измученный вид.

Мэри Джейн не возражала. Наверху я заглянула под матрас в поисках пропавшей банковской книжки. Там ее не было.

Мы сидели у камина. Сестра смотрела на огонь.

– Что ты сказала детям?

– Я сообщила им, как могла, просто. Остин, ну, он не понял.

– Да. Я так и думала, что он не поймет. Ты, наверное, считаешь меня трусихой из-за того, что я не захотела сама им сказать.

– Конечно, не считаю.

Она помешала в камине, чтобы огонь разгорелся поярче.

– Просто, когда умер наш отец, мама тут же нам все рассказала, во всех подробностях. Его привезли домой, в ту комнату на первом этаже, и мы все должны были сидеть там, а он лежал на столе. Мы все должны были поцеловать его. Это было ужасно. Затем похороны, а я была слишком маленькой, и у меня болели ноги, но никто не обратил внимания. Я просто должна была держаться. Я всегда говорила, что если когда-нибудь моим детям... Я хотела их защитить. Но не получается. Теперь я вижу. Это невозможно. Мама сделала так, как считала лучше.

– Хочешь, я останусь с тобой?

– Нет. Инспектор, старший инспектор, не важно, сказал, что до результатов вскрытия и пока не соберут больше сведений, ничего не произойдет, что уж он там под этим подразумевал. Мне просто придется через это пройти. Мне лучше одной. Миссис Конрой позаботится о детях. Я хочу немного побыть здесь, чуть подольше. Этан любил этот дом, а я не

могла дожидаться, когда мы отсюда уедем. Ну, иногда я не могла дожидаться, когда мы уедем, а бывало... мне он тоже нравился, поначалу. Завтра ко мне начнут приходить люди. Мне придется с этим смириться. Лучше я побуду одна.

– Хорошо. Ты знаешь, где меня найти, если я тебе понадоблюсь. Попроси сержанта Шарпа позвонить мне.

Она кивнула.

В дверь постучали.

– Я этого не вынесу, Кейт. Скажи, что я легла. Скажи, что ты сейчас уезжаешь. Что угодно.

Поспешно бросившись к лестнице, она уронила шаль.

– Еще раз здравствуйте.

Это был Боб Конрой.

– Мэри Джейн легла...

Но она уже стояла рядом со мной, тянулась к нему, причитая:

– Боб, о Боб.

Он шагнул в дом и обнял ее.

Я ушла.

На остановке трамвая на шоссе я остановилась и забрала Сайкса.

– Что-то не так? – спросил он.

– Не знаю.

Единственным человеком, утверждавшим, что видел Мэри Джейн поблизости от каменоломни в критическое время, была мисс Тримбл. Мисс Тримбл умерла. Человеком, который находился рядом с домом священника во время ее смерти, был Боб Конрой. Но врач констатировал смерть от сердечного приступа. А врачи никогда не ошибаются. Нужно выбросить из головы мысли о яде.

Четверг

*Улитка мудрая, в ракушке сидя,
Тихонько научи меня спешить,
пока стопы мои бегут неторопливо.*

Ричард Лавлейс

В детстве четверг был моим любимым днем. Это был день, когда из магазина Липтона доставляли коробку с бакалеей, среди которой лежала и шоколадка «Фрайз файв бойз». Четверг был днем, когда я приходила домой из школы и меня не ждали никакие занятия, ни уроки балета (понеделник и среда), ни посещения моего домашнего учителя (вторник), который курил трубку, носил вонючий твидовый пиджак, ковырял в носу и складывал все числа сам, пока я притворялась, что соображаю, а сама смотрела, как с его бороды, по которой он растирал козьявку, сыплется на страницу труха.

В этот четверг я лежала в постели, наслаждаясь первым неспешным утром после моего возвращения из Лондона в воскресенье. Миссис Сагден суежилась вокруг меня и принесла завтрак наверх.

– Лежите, не вставайте, миссис Шеклтон, у вас измученный вид.

Я и чувствовала себя измученной, но от досады, что не двигаюсь вперед в этом деле, и от нарастающей убежденности, что расследование смерти Этана Армстронга от меня ускользает.

Когда я захожу в тупик, помогает рассказать самой себе историю об уже случившемся, что я и сделала, надеясь выйти на предположение, где искать дальше. Меня сдерживал яркий образ. Всякий раз, излагая эту историю, я спотыкалась на воспоминании об обнимающихся Мэри Джейн и Бобе Конрое.

Конрой совершил сделку с Леджером. Продажа скота и оборудования была лишь вопросом времени, а затем Конрой уедет. Но куда он поедет и с кем – со своей женой или с Мэри Джейн, ее детьми и банковской книжкой?

Не в состоянии продвинуться вперед, я вернулась назад, в гостиную в доме викария и к последним словам мисс Тримбл. «Горькое». Ну да, умирать – горькая пилюля. «Диванчик». Мебель? Во время своего краткого пребывания в доме викария я не заметила никакого особенного дивана.

Миссис Сагден пришла в спальню унести поднос.

– Вам нужно что-нибудь еще?

– Да, но я возьму сама.

– Отдыхайте. Любой, у кого слишком много забот, должен хотя бы один день в месяц провести в домашнем халате.

– В таком случае принесите мне, пожалуйста, словарь. Последним словом мисс Тримбл было «диванчик», и я не могу представить, что она имела в виду.

– И не представляйте, – сказала миссис Сагден. – Она, вероятно, бредила. Дайте отдых своим мозгам, а не то и у вас начнется бред.

Я посмотрела на часы. Девять тридцать. Полежу до половины одиннадцатого с закрытыми глазами, может, меня посетит какое-нибудь необыкновенное озарение.

Вернулась миссис Сагден со словарем. Она встала у корзинки с котятами и зачитала словарную статью на это слово.

Закончив, она захлопнула книгу.

– Ну как, что-то прояснилось, миссис Шеклтон?

– Нет.

Она вздохнула.

– Это маловероятно, но, может, она хотела, чтобы ее перенесли на диван?

Загадка оставалась. Я решила больше не задерживаться в постели. Приняв ванну, я погуляла в лесу, надеясь на прилив вдохновения. Я все еще находилась там, любуясь колокольчиками, когда Маркус окликнул меня по имени.

Он шел ко мне, раскинув руки.

– Моя лесная нимфа! Теперь я вижу тебя в твоей естественной среде обитания.

– Добро пожаловать в Бэтсвингский лес.

– Здесь очень приятно.

Мы присели на бревно, выполнявшее роль скамейки. Маркус огляделся.

– У тебя здесь даже сцена под открытым небом.

– Да. Местные дети разыгрывают здесь свои пьески. Все развиты не по годам, родители у многих из академической или медицинской среды, приезжают порадоваться лету, прежде чем надолго смыться на каникулы. – Он приехал не для того, чтобы обсуждать достоинства Бэтсвингского леса или моих ученых соседей. – Ты пообедаешь, Маркус? Уверена, это затянется.

– Может, быстренько перекушу.

Он игриво попытался схватить меня за ухо.

– Ты с водителем?

– Да.

– Позови его в дом. Миссис Сагден о нем позаботится. – Я взяла Маркуса за руку. – Давай пойдём в дом.

Он потянул меня назад, усаживая на бревно.

– Прости. Мне не следовало шутить. Я оттягиваю то, что должен тебе сказать.

– Продолжай.

– Вскрытие Этана Армстронга провели сегодня рано утром.

– Не говори мне здесь, Маркус. – Я встала. Смешно и неразумно, но я не хотела, чтобы эти слова произнесли в моем маленьком лесу. Не то чтобы колокольчики слышали, но эти слова вечно будут перелетать от дерева к дереву. Когда бы я ни пришла сюда подумать или понаблюдать за белками, я буду слышать то, что он вынужден сказать. – Давай прогуляемся по дороге. Много времени это не займет, и ты скажешь мне там, вдали от моего леса.

Он не стал спорить. Заглянув на кухню, я попросила миссис Сагден собрать чего-то легкого и пригласить в дом шофера.

Мы прошли к началу дороги, мимо большого соседского дома, где садовник прервал стрижку живой изгороди. Дорожка привела нас в другой, не мой лес.

– Теперь говори.

– Этана Армстронга убили тупым предметом, его же молотком, ударом по голове.

– Значит, это был кто-то высокий.

Убийцей мог быть Боб Конрой, Джосайя Тернбулл, один из людей Леджера, кто угодно, но не Мэри Джейн.

– Не обязательно. Вокруг коленной чашечки у него синяки, на коленной чашечке трещина. Наиболее вероятное объяснение такое: нападавший ударил его сначала туда, чтобы он упал на колени, а затем ударил молотком по голове. У него расколот череп, и произошло кровоизлияние в мозг.

– У тебя есть какие-то зацепки?

– Еще только самое начало, Кейт. Теперь мы знаем, как он умер и приблизительно когда. Мне нужно узнать, почему и кто.

– Когда ты собираешься сказать Мэри Джейн?

– Пусть она сначала освоится с его смертью, а потом уж с тем, как это произошло.

– Она этого не делала, ты же понимаешь.

Мне следовало сказать ему о Бобе Конрое, но тогда я вовлекла бы в это и Мэри Джейн.

Он не ответил на заявление о невинности моей сестры.

– У тебя есть документы, принадлежавшие мистеру Армстронгу, материалы по профсоюзу и тому подобное.

– Да.

– Отдай их мне, пожалуйста.

– Конечно.

Мы пошли назад, домой.

– Я очень хотел снова тебя увидеть, Кейт, но не в такой ситуации.

– Я знаю.

Он грустно засмеялся.

– Я приглашен в воскресенье на ленч с тобой и твоими родителями. Сегодня утром позвонил твой отец, по указанию твоей матери, я полагаю.

– Что ж, это понятно. Я знаю, папа будет рад с тобой познакомиться, и мама несколько раз говорила о тебе после вашей мимолетной встречи в Харрогейте.

– Где мы будем в воскресенье? – спросил он и сам же ответил: – Я просто не знаю. Ты поймешь, если в последний момент мне вдруг придется отказаться?

– Мы с мамой привыкли к этому, живя с папой.

Он остановился у моих ворот.

– Есть еще кое-что, Кейт. – Я ждала. – Когда я снова привезу миссис Армстронг в участок, мне может понадобится, чтобы ты побыла там с ней.

– Ну, конечно.

– Побыла там с ней, понаблюдала.

– Маркус, на что ты намекаешь?

– Я хочу, чтобы ты знала: все будет сделано справедливо и должным образом. Ты знала, что адвокат Леджеров прожужжал мне все уши?

– Боюсь, это я виновата. Я подумала, что они пожелают помочь Мэри Джейн, потому что она когда-то у них работала. Теперь мне интересно, не займешься ли ты ими поближе.

– Кейт, ты же не хочешь сказать, что Этана Армстронга убил Леджер?

– Они недавно купили ферму Боба Конроя. Этан Армстронг был человеком, много лет стоявшим на пути этой сделки. У Леджера проблемы на одной из его угольных шахт. Этан пытался организовать там забастовку.

– И Леджер одержал над Армстронгом верх по всем статьям. Ему не было нужды прибегать к убийству. Полковник мог в любой момент

прожевать Армстронга и выплюнуть. Идем, Кейт. Давай перекусим.

Я могла бы сказать кое-что еще. Меня так и подмывало сообщить о банковской книжке, фотографиях Мэри Джейн, которые делал Леджер, о «приданом» от миссис Леджер. Но это плохо отразилось бы на Мэри Джейн, а ее перспективы и без того уже были достаточно безрадостными. Пока что придержу эти сведения.

Я повела Маркуса в гостиную, где на краю стола висилась гора бумаг Этана Армстронга. Сверху лежало объявление хорошо обеспеченной дамы, ищущей хорошо обеспеченного мужчину. Как можно небрежнее я сказала:

– Я этим занимаюсь.

– Ты написала письмо?

– Составила письмо, да.

Нет необходимости впутывать в это мистера Даффилда.

Маркус снисходительно улыбнулся. В тот момент я готова была хорошенько его треснуть, а я, как правило, не склонна к насилию.

Пятница

Донести – или, на официальном языке, «доложить», – кажется, столь же свойственно природе англичан, как погонять мяч или выпить стакан пива.

Уилфрид Макартни, «И у стен есть рты»

Глава 1

В десять часов утра в пятницу, поставив свой «Джоуитт» на Кортъярд-стрит, всего в нескольких шагах от полицейского участка Отли, я вошла в здание. С собой я прихватила сэндвичи для Мэри Джейн и термос. Возможно, она не это имела в виду, когда возникла у меня на пороге, прося о помощи.

Дежурный сержант меня ждал. Он выскочил из-за стойки и повел меня наверх.

Через несколько минут навстречу мне встал, здороваясь, Маркус, уже расположившийся во временном кабинете. Стены здесь были выкрашены казенной зеленой краской, на полу – потертый линолеум, в воздухе – сильный запах старого пепла из металлической корзины для мусора. Мне немедленно вспомнились все прежде слышанные истории и рассказы о тюремном заключении. Я почувствовала себя совершенно ни на что не способной. Напустив на себя веселый вид, Маркус спросил, как я доехала; так можно спросить незнакомого человека. Разговор казался официальным, даже тревожным. С его точки зрения я понимала, почему Мэри Джейн может казаться виновной. *Не признавайся в этом даже себе, Кейт. Веди себя так, будто она невиновна, и она будет невиновна.*

– Спасибо, что приехала, Кейт. Я понимаю, что это, должно быть, трудно.

– Что происходит, Маркус?

– Леджеры назначили адвоката, мистера Нельсона, защищать Мэри Джейн. Он будет здесь в одиннадцать, и я допрошу ее в его присутствии.

– Зачитав ей ее права, ты имеешь в виду?

Он проигнорировал мой вопрос.

– Ты можешь кое-что для меня сделать, и для нее тоже. Не хочу прибегать к помощи жены еще одного полицейского.

– Где Мэри Джейн? Как давно она здесь?

Он замялся.

– Мы привезли ее в восемь. Она в комнате для допросов. Никто не применяет к ней допрос третьей степени, Кейт. Поверь мне, с ней будут обращаться в высшей степени вежливо и справедливо. Сегодня утром мне звонил полковник Леджер. – Лицо Маркуса перекопилось. – Между нами говоря, она может быть уверена, что ее интересы хорошо защищаются.

– Если она здесь с восьми утра, это значит, что вы выдерживаете ее в

надежде, что она даст слабину.

– Нет, Кейт, в самом деле, ты должна бы лучше меня знать.

– Да? Ну, продолжай, чего же ты от меня хочешь?

Он слегка порозовел то ли от смущения, то ли от раздражения, сказать не могу.

– Я бы хотел, чтобы ты находилась с ней и наблюдала за ее реакцией, когда для допроса приведут двух других людей.

– Ты хочешь, чтобы я на нее донесла?

– Ты попросила увидеться с ней, и я ищу способ это сделать. Если ты согласна, я отведу тебя в комнату, окно которой выходит на главный вход. Из окна ты увидишь всех, кто приходит и уходит.

– Маркус, не играй со мной в игры. Ты думаешь, что она убила мужа и что у нее был сообщник, который тащил тело по каменоломне, потому что она не настолько сильная. Кто-то, кто хотел избавиться от Этана.

Он не смотрел мне в глаза.

– Давай посмотрим, что получится, а?

– А если я не соглашусь?

– Я вызову жену дежурного сержанта.

– И я не увижу Мэри Джейн.

– Прости, Кейт. Я делаю все, что в моих силах, и стараюсь быть честным. Я действительно и искренне надеюсь исключить ее из расследования.

– Она с успехом через все пройдет, потому что невиновна.

– Мне бы хотелось, чтобы ты понаблюдала за ее реакцией. Слушай, что она скажет, когда увидит их.

– Кто эти люди?

– Их будет двое, их приведут одного за другим.

Я ровно на него посмотрела. Он подозревал Мэри Джейн. Он сомневался, что она обладала достаточной силой, чтобы протащить тело Этана по каменоломне без чьей-либо помощи. По тому, как в понедельник она втащила мои чемоданы по лестнице, я могла бы разубедить его.

– Если это твои условия моей встречи с Мэри Джейн, я сделаю это.

Он обошел вокруг стола и встал рядом со мной, взял, наклонившись, меня за руку.

– Кейт, я бы поверил тебе до конца времен.

Тогда ты дурак, подумала я. Но, разумеется, он лгал.

– Она на первом этаже. Я отведу тебя к ней. Можешь оставить сумку здесь.

– Я принесла ей сэндвичи и термос.

– Я распоряджусь, чтобы попозже она их получила.

– Могу я хотя бы взять сигареты?

Он кивнул.

Вот, значит, как это – нарушать закон. Я положила в карман сигареты и спички и, украдкой, блокнот и карандаш.

Она сидела на скамейке у окна в маленькой комнате, которую, судя по всему, отгородили от большего помещения. Снова казенный зеленый – оливковые стены, двери и оконные рамы цвета хаки. Центр комнаты занимал, вместе с тремя гнутыми стульями, небольшой дубовый стол – весь в кругах от чайных чашек и следах от сигарет, которые клали на его край. На столе стояли жестяная пепельница, стакан с водой и кувшин.

Я достала сигареты и коробок спичек.

Мэри Джейн зажгла сигарету и затянулась.

– Я могу это оставить?

– Да.

– Они думают, что это сделала я.

– Правда выяснится. Я в этом уверена.

Мэри Джейн печально усмехнулась.

– Не уверена, совсем не уверена. Правда имеет обыкновение прятаться под камнями. – Повернувшись к окну, она посмотрела на улицу. – До этого я сидела в комнате без окна. Это было ужасно.

– Старший инспектор Чарлз справедливый человек. Он будет действовать беспристрастно, поверь мне.

И если я не ошибаюсь, даже сейчас он подслушивает через эту тонкую перегородку.

– Да что ты говоришь! Они пришли ко мне сегодня утром, когда еще не было восьми. Я и понятия не имела, что происходит, мне только сказали, что должен приехать адвокат. Не могу в это поверить. Словно спишь и видишь какой-то жуткий кошмар. Они думают, что это сделала я всего лишь из-за какого-то проклятого страхового полиса, который даже был не моей идеей. С этим предложением пришел домой Этан. Мне оно не понравилось. Пусть спросят страховщика. Он им скажет, чья это была идея.

Я не знала, что ответить. Если я скажу, что адвокат добьется, чтобы все подобные вещи проверили, это прозвучит так, будто ей предъявят обвинение. Прервав молчание, вместо которого должны были звучать мои ободряющие слова, она сказала:

– Я не понимаю, как инструменты оказались в угольном сарае. Кейт, спроси об этом Гарриет. Она подобрала кепку Этана. Не взяла ли она и инструменты? Она могла подумать, что у нее будут неприятности.

– Ты хочешь, чтобы я поехала повидать детей?

– Да. Я сказала, что в воскресенье они смогут навестить бабушку, но теперь не знаю, выпустят ли меня до этого отсюда.

– Хочешь, я их заберу?

– А ты можешь?

– Да. Они будут рады. Я знаю, что Остин не хотел ехать на ферму.

– Бедный Остин. – Она вздохнула. – Как это неприятно. Иногда думаешь, что жизнь могла бы повернуться по-другому. А потом обнаруживаешь, что слишком поздно.

Заткнись, Мэри Джейн. У стен есть уши. Но я не могла этого сказать, поэтому перебила ее:

– Миссис Конрой подарила детям по паре носков.

Но она уже меня не слушала. Ее внимание привлекло что-то внизу.

Я посмотрела в окно.

Тернбулл, бригадир рабочих каменоломни, с важным видом шествовал между двумя полицейскими. Он шел, выпятив грудь и вызывающе выставив подбородок.

Мэри Джейн уставилась на него.

– Они ведут Тернбулла! Он никогда не любил Этана. Может, они не думают, что это я. Они хотят, чтобы Тернбулл запутался и выдал себя. Он на него злился. Ты бы видела его бедную жену, и вот что я тебе скажу, она больше не пытается это скрывать. Ей уже наплевать, что все видят ее синяки. Если он убил Этана... Вот что я скажу тебе, Кейт, однажды я сказала его жене, я сказала ей, что ему не стоит жить. Если бы это был мой муж, я бы пырнула его ножом. Если бы это был мой муж, он бы уже был покойником.

Заткнись, Мэри Джейн. Не говори здесь подобных вещей.

Она снова затянулась сигаретой.

– Я хочу вернуться домой. Если бы я знала, что меня снова сюда потащат, оставила бы детей у себя. Только я подумала, что пусть уж лучше они не видят меня плачущей. Когда меня отпустят? Этот чертов хлыщ адвокат, которого мы ждем, наверное, играет в гольф. Кто он, кстати?

Если бы Маркус не подслушивал, я бы призналась ей, что ездила к Леджерам и что полковник Леджер вызвал своего адвоката.

Столбик пепла на конце ее сигареты увеличился. Я взяла со стола помятую пепельницу. Слишком поздно, пепел с сигареты упал, когда она снова уставилась в окно.

– Эй! Смотри-ка. Они и Рэймонда Тернбулла ведут. Ну, не могут же они подозревать Рэймонда. Ты думаешь, он даст показания против своего

отца?

– Мэри Джейн, они, вероятно, собирают информацию.

Но я позволила себе надеяться. Рэймонда сопровождал только один констебль.

Мэри Джейн загасила сигарету.

– Рэймонд завтра женится. Мы с Этаном должны были пойти на свадьбу. Он обожает Этана. Если он что-то знает, то скажет. – Ее голос упал почти до шепота. – Он получит наш дом. Это жилье всегда переходит к каменщику.

По другую сторону перегородки раздался приглушенный звук. Маркус сказал, что хотел услышать реакцию Мэри Джейн на появление двух человек. Что ж, теперь он ее услышал. Без сомнения, через минуту меня отзовут. Я напряженно вслушивалась, не раздастся ли какой-нибудь звук за перегородкой или в коридоре, но все было тихо.

Мэри Джейн не могла успокоиться. Она села. Встала. Прошлась по комнате. Вернулась к окну.

– Ой, смотри! – Радость преобразила лицо Мэри Джейн. – Он пришел сказать им, что это не я. Я знала, что он за меня заступится.

Я посмотрела вниз. К двери на улице приближался, целеустремленно шагая, мужчина, без сопровождения. Это был Боб Конрой.

Сколько это будет продолжаться? Неужели нам придется наблюдать, как все мужское население Грейт-Эпплвика пересекает порог полицейского участка Отли?

Сестра забарабанила по стеклу, пытаясь привлечь внимание Боба.

От удовольствия ее лицо помолодело.

При виде этого мужчины Мэри Джейн забыла об осторожности, ее щеки разругались. Он ее не услышал, но она улыбнулась.

– Друг познается в беде.

Это выразилось в очертании ее скул, изгибе бровей, линии рта.

И я поняла. И словно получила удар в живот.

Я достала блокнот и быстро написала: *«Тебе немедленно надо в туалет!»*

Сестра посмотрела на страницу и собралась уже повторить мою фразу в виде вопроса, когда я покачала головой. Открыв рот, она посмотрела на тонкую перегородку и на дверь. До нее дошло.

– Мне нужно в туалет, Кейт. Я больше не могу терпеть.

– Я кого-нибудь приведу.

Я потянула дверь. Она оказалась заперта. Я покрутила дверную ручку и глазами велела Мэри Джейн играть свою роль.

– Ну... понимаешь... Кейт, сделай что-нибудь, а то я попаду в очень неприятное положение.

Я громко постучала в дверь. Когда констебль ее отпер, я тем же голосом, каким обычно сообщала о неразорвавшейся бомбе, спросила:

– Где здесь ближайшая дамская комната?

По его лицу я поняла, что он не знает. Никто прежде не задавал ему такого вопроса.

– Я могу узнать, – задумчиво проговорил он.

– Это срочное женское дело, – прошептала я, чтобы не смущать означенную женщину. – Я поручусь за возвращение миссис Армстронг.

С этими словами я схватила Мэри Джейн за руку, и мы помчались по коридору и вниз по лестнице.

– Куда мы бежим? Мы убегаем?

– Мы не убегаем. Мы ищем туалет.

Мы миновали коридор, спустились на один лестничный пролет.

Это был мужской туалет, и в нем воняло, но его преимущество заключалось в том, что он был свободен. Я привалилась изнутри к двери.

– Что такое? – спросила Мэри Джейн. – Это как-то связано с Бобом Конроем?

– Нет. – *Хотя я знаю: ты, вероятно, считаешь, что сделала неправильный выбор и жалеешь, что не вышла за него.* – Мэри Джейн, дело не в нем. А в выражении твоего лица, когда ты его увидела. Ты внезапно помолодела, и я подумала: где я видела это лицо раньше?

Помещение освещалось плохо, однако поразительное сходство не исчезло.

– О чем ты говоришь?

– Ты сказала мне, что не покидаешь Грейт-Эпплвик из-за двоих детей. Это меня озадачило, потому что ты имела в виду не Гарриет и Остина. Ты позволила мне думать, что подразумеваешь двух малышей на кладбище за часовней. Но это была неправда. Тебя здесь держали двое других детей. Мальчики, мальчики Леджеров.

Она судорожно вздохнула:

– Как... что навело тебя?..

– Портрет, который висит в гостиной у Леджеров. Сходство – там. Такое очевидное. Поэтому Леджеры и хотели убрать тебя оттуда, а вдруг кто-нибудь догадается, возможно, даже сами мальчики. Детям часто приходит в голову, что на самом деле они не принадлежат к той семье, в которой родились. Сыновья Леджеров – твои дети, да?

– Я поклялась никогда... Ты строишь догадки.

– Мэри Джейн, на кону, возможно, стоит твоя жизнь. Я на твоей стороне, быть может, единственный человек, кто по-настоящему на твоей стороне.

– Боб...

По коридору приближались шаги. Я приложила к губам палец. Шаги удалились. Когда человек прошел, я проговорила:

– Скажи, что я права.

– Я... я... О Кейт, я не могу.

– Доверься мне. Я твоя сестра, та, которую ты не хотела терять. Что ж, ты получила меня назад. Теперь признайся.

– Миссис Леджер не могла иметь детей. Она... Мы поехали вместе отдыхать, втроем. Хозяйку вызвали, потому что у нее заболела мать. Мы остались вдвоем с полковником, и как-то так получилось... Он влюбился в меня, Кейт, правда. Миссис Леджер проявила понимание, оставила ребенка, и никто не узнал.

– И это происходило дважды?

Я постаралась, чтобы в моем голосе не прозвучало недоверие к чудовищной наивности Мэри Джейн. Полковник хотел наследника и еще одного ребенка на всякий случай, и когда это не удалось ему с его богатой, владеющей землями женой, они вдвоем придумали способ разрешить ситуацию более тонким и эффективным способом. Вероятно, они были разочарованы, когда Мэри Джейн не взяла деньги и не уехала из этих мест. Рассказ миссис Леджер о том, что Мэри Джейн хотела выйти за Боба Конроя и остаться на ферме, был ложью. Скорее каменщик Этан мог куда-нибудь переехать. Этан, каменщик, от которого были одни неприятности, всегда был предпочтительным выбором для того, кто хотел сбить с рук служанку, способную доставить неприятности. Но возможно, каменщик Этан узнал правду.

– Этан знал о детях Леджера? – спросила я.

– Нет. Никто не знал, кроме врача и медсестры, а им хорошо заплатили за молчание. У медсестры дом в Илкли, пожизненно освобожденный от арендной платы.

– Ты уверена?

– Да.

– Как думаешь, мисс Тримбл могла догадаться?

Потому что в этом случае, подумала я, это могло стоить ей жизни.

В коридоре перекликались голоса, сообщая, что исчезла женщина. Маркус приказал кому-то выйти поискать на улице.

Я снова прошептала:

– Могла мисс Тримбл догадаться? Думай!

– Однажды в воскресенье Леджеры с мальчиками пришли в церковь, и младший расплакался. Я вскочила и направилась к нему. Я не хотела, это вышло само собой. Этана со мной не было. Я уже шла по проходу, спеша к их ряду, и мисс Тримбл бросила на меня такой взгляд, но тут как раз Боб подоспел, взял меня за руку и вывел на улицу, и я притворилась, что мне дурно.

Я кивнула.

– Ты лучше воспользуйся одной из этих вонючих кабинок, Мэри Джейн. Вполне вероятно, что ты не скоро еще сможешь попасть в туалет. Я подержу дверь.

Минуту спустя мы вышли в коридор. Следовавший за нами констебль прикрыл свое смущение негодованием:

– Вам не следовало убегать так далеко впереди меня. Я шел шагом. Я и подумать не мог, что вы пойдете в мужской туалет. Вас ищут.

– Простите. Дело не требовало отлагательств. Дамской уборной мы не нашли.

Мы в молчании прошествовали за констеблем. Он открыл дверь комнаты для допросов, впустил Мэри Джейн и преградил мне путь.

Сестра храбро улыбнулась и подняла руку.

На лестнице послышались знакомые шаги Маркуса. Я никогда не видела его запыхавшимся.

– Ты меня напугала.

– Прости.

В его выкрашенном в тошнотворный цвет кабинете я доложила то, что он и так прекрасно знал, подслушивая из-за стены.

– Она не удивилась, увидев мистера Тернбулла, бригадира рабочих каменоломни. Он грубый человек, не любивший Этана. Она думает, что вы можете и его подозревать. Рэймонд Тернбулл... она говорит, что ее коттедж перейдет к нему – это служебное жилье, а он в субботу женится и нуждается в жилье, – но что Рэймонд никогда не причинил бы Этану вреда.

– Спасибо, Кейт.

– И Боб Конрой...

– Мы его не ожидаем.

– Мэри Джейн считает, что он все еще в нее влюблен. Он хотел на ней жениться – до того как его оттеснил Этан.

– Не думаю, что он нас интересуется. У него алиби на день субботы.

– Очень удобно.

– Неопровержимое алиби, подкрепляемое двумя безупречными

людьми.

– Один из этих безупречных людей, случайно, не полковник Леджер?

– Ты же не ждешь, что я подтвержу это или опровергну.

– Конрой продал полковнику ферму.

– Это не имеет отношения к данному делу.

– Что-то происходит, Маркус, и заставляет меня думать, что этот адвокат, адвокат Леджеров, не собирается отстаивать интересы Мэри Джейн.

– Почему ты так думаешь?

Я ему не сказала. Если раскапывать грязь, то и мне придется принять участие в этих раскопках.

– Маркус, я сделала то, о чем ты просил. Я наблюдала за Мэри Джейн, рассказала тебе о ее реакции. Позволь мне в ответ кое о чем тебя спросить. – Я подошла к нему так близко, словно собиралась обнять, глядя ему в глаза, почти касаясь его телом. – Тебе не нужно говорить да или нет, но если я права, просто дай мне знать каким-то другим способом, кивком...

– Или подмигнув, – полушутя сказал он, почесывая шею под тугим воротничком, не зная, о чем я хочу спросить.

– Или подмигнув. Кто-то доносил о политической деятельности Этана, о собраниях, которые он посещал, о людях, с которыми встречался. Кто-то сообщил, как прошло голосование по забастовке, к которой он призывал. Предполагали, что информация поступала от члена профсоюза рабочих каменоломен, но я думаю, что она поступала от Боба Конроя. Боб и Этан ходили на одни и те же политические собрания. Этан в свободное время помогал на ферме. Он доверял секреты Бобу. А Боб его предал. Я права?

У Маркуса вдруг зачесался сбоку нос. Потом он наклонил голову.

– Ты же не ждешь, что я подтвержу или опровергну это.

Он это подтвердил.

Мы стояли, почти касаясь друг друга. Мгновение мне казалось, что он отступит назад или обнимет меня, но он не сделал ни того, ни другого. Я проявила твердость и ждала.

– Вот что я скажу тебе, Кейт, Конрой в смятении из-за смерти Армстронга. В полном смятении.

– Я так и слышу звон тридцати сребреников, как он бросает их в канаву.

– Он действовал из лучших побуждений, чтобы спасти Этана от него самого и от эксплуатации людьми, которым в душе наплевать на благо нашей страны.

Я повернулась, чтобы уйти, и Маркус схватил меня за руку.

– Меня поселили в «Красном льве», но если ты хочешь, чтобы сегодня вечером я приехал к тебе...

– Лучше не приезжай ко мне, Маркус. Но спасибо, что сказал, где тебя найти. – На этом мне следовало уйти, но я должна была договорить. – Мисс Тримбл отравили потому, что она что-то знала. Боб Конрой был в деревне в середине того дня, предположительно отправлял письма товарищам. Он находился в церковном дворе, когда я выходила из дома священника. В воскресенье он разговаривал с мисс Тримбл и собирался сделать пожертвование церкви.

– Смерть мисс Тримбл не сопровождалась подозрительными обстоятельствами.

– Сельские врачи никогда не хотят подозрительных обстоятельств. Сколько необъяснимых смертей сходит с рук, потому что так легче для всех заинтересованных сторон?

– Какая у Конроя возможная причина убить ее? Мне в голову приходит только одно, а именно ее заявление, что она видела у каменоломни человека, соответствующего по описанию миссис Армстронг. Это не совсем в пользу твоего дела.

Маркус настоял на том, чтобы проводить меня до машины.

– Спасибо, что приехала, Кейт. Я знаю, это, должно быть, трудно для тебя.

Он ожидал, что я попрошу остаться до окончания допроса Мэри Джейн, и уже придумывал, как бы пожеливее мне отказать. Но я не попросила. Я хотела застать Сайкса, прежде чем он отправится в Грейт-Эпплвик с запасом чулок для фабричных девушек.

Когда я покидала полицейский участок, учтивый господин в сером мохеровом костюме и котелке вошел во двор, в нескольких шагах за ним торопился подчиненный с чемоданчиком.

Мы посмотрели друг на друга, и я догадалась, кто это. Адвокат, нанятый Леджерами, не станет носить потертый твидовый костюм. Адвокат, нанятый Леджерами, покупает шелковые рубашки лучшего качества, а костюмы – на Сэвил-роу.

Я выпрямилась во весь рост и порадовалась, что и сама в шелках – кофейно-кремовый костюм оказался в итоге правильным выбором. Кто из нас заговорит первым?

Заговорила я, потому что мне нечего было терять, а ему – нечего выгадывать. Гонорар ему уплатит Леджер, и для него это просто еще одно дело.

– Простите?

– Да?

– Я думаю, что вы мистер Нельсон, назначенный полковником Леджером. Я миссис Шеклтон, друг миссис Армстронг.

Он изобразил удивление, хотя, думаю, прекрасно знал, кто я такая. Полковник тщательно его подготовил.

– Если я могу вам чем-то помочь, мистер Нельсон...

Он приподнял шляпу.

– Неприятное дело, – проговорил он, как если бы заметил, что дождливый день портит игру. – Но не волнуйтесь, моя дорогая леди. Я очень быстро вызволю отсюда миссис Армстронг.

Глупо, но при этой неожиданной поддержке я приободрилась.

– Рада это слышать, потому что она хочет вернуться домой, к детям.

Он понизил голос, хотя никто его не услышал бы, кроме помощника с чемоданчиком:

– Разумеется, вы знаете, что такое полиция, особенно Скотленд-Ярд. Вероятно, мне придется немного поторговаться. Освободить ее, передав уважаемому человеку.

– Ну, если я могу...

– И, разумеется, нет более уважаемого человека, чем полковник Леджер. Он выразил готовность взять ее под свою опеку, пока мы не проясним это... недоразумение. Насколько мне известно, дети пока находятся под хорошим присмотром.

Он поднял шляпу.

– Моя карточка, мадам. Прошу не стесняться, если что, вы понимаете.

Он ушел.

Помощник достал карточку и сунул ее мне.

Полковник и миссис Леджер не хотят рисковать. Мэри Джейн останется у них в заточении, пока они не убедятся, что она будет молчать.

Глава 2

Сайкс ждал у ворот фабрики, держа наготове блокнот. В чемоданчике у него лежали тридцать семь пар чулок, каждая завернута в папиросную бумагу. Имелся у него и список имен, и полный карман мелочи, чтобы рассчитаться до пенса. Отношение к происходящему у Сайкса было двойственное. Полезное прикрытие и приятный способ получить немного дополнительных наличных, но, собираясь с духом, чтобы встретить поток женщин, он чувствовал себя униженным. Ему ужасно хотелось стоять в форме на посту.

Двери фабрики отворились, выплескивая поток рабочей силы. Сайкс гадал, все ли они останутся здесь. Грейт-Эпплвик составлял не больше мили в длину и мили в ширину. Некоторые из них наверняка бросятся к трамвайной остановке.

– А вот и он! – Это была рыжая красотка, которая приглашала его в кино. – Передумали? – спросила она. – Ведете меня сегодня погулять?

– Прости, милая. У меня другая встреча.

– Обидно.

Он засмеялся.

– Желаю поймать завтра на свадьбе букет, пусть какой-нибудь парень заметит твои чулки и станет приглашать тебя до конца твоих дней.

– Может, я так и поступлю.

Значит, завтрашняя свадьба не отменена. Миссис Шеклтон была права. Жениха по крайней мере не арестовали. Она просила его разузнать все возможное о Бобе Конрое, но Сайкс не понимал, как это сделать. Зайти на ферму ради продажи чулок можно только один раз.

С отвисшими от мелочи карманами он направился в «Руно», чтобы обдумать стратегию над пинтой горького. Единственными посетителями в пабе были двое стариков, сидевших в пивной, на столе перед ними были разложены костяшки домино.

Один щеголял длинной бородой, видимо, сэкономив на ней за многие годы массу времени. Крыть ему было нечем, он лишь без конца кивал, словно в припадке. У другого были тонкие усы, повязка на глазу и щетина, как у пирата.

Сайкс ненавидел домино, эту стариковскую игру. Для нее будет достаточно времени, если и когда он впадет в старческий маразм. Но когда Пиратская Щетина пригласил его присоединиться к игре по полпенни, он

не отказался, желая скоротать час и втереться в доверие.

Здесь все состояли в родстве друг с другом. Пиратская Щетина, выбравший для начала дубль шесть, был отцом Тернбулла, бригадира рабочих каменоломни, дедом молодого Рэймонда, той пары, что откопала тело Этана. Это позволило Пиратской Щетине получить лишнюю пинту или две, и он до сих пор купался в лучах этой славы. Сайкс угостил бородача и Пиратскую Щетину, а когда они спросили, чем он занимается, Сайкс честно сказал, что ведет торговлю. Его подняли бы на смех, упомяни он дамские чулки.

Сайкс свернул разговор на каменоломню.

– Думаете, это был несчастный случай? – спросил он. – Оползень, камнепад?

Пиратская Щетина невесело хмыкнул с радостью человека, который пока что жив.

– Бывает. Кто же может сказать?

– Значит, никакого преступления, как говорят некоторые? – не отставал Сайкс.

– Для преступления должен быть преступник, а я ни на кого не указываю.

Старый игрок в домино вдруг проглотил маринованное яйцо, которое приберегал до времени, отправив его в рот целиком. Сайкс уставился на горло старика – не раздуется ли оно, как у кобры.

Противник Сайкса положил пять-два, Сайкс ответил два-три. Это могло тянуться бесконечно. Глянув в дверь пивной и заметив мужчину, которого описала миссис Шеклтон, он спланировал путь к отступлению. Это Боб Конрой, сказал себе Сайкс, глядя на худого мужчину с обветренным лицом, высокими скулами и глубоко посаженными глазами. Миссис Шеклтон хорошо его описала. Конрой был уже пьян.

Сайкс выждал еще немного. И сбежал от стариков не раньше, чем в дверном проеме маленькой комнатки, заполнив его собой, появился громадный тип. Это был мужчина в красном шейном платке, вельветовых брюках и пиджаке, который когда-то был твидовым, – все насквозь пропиталось каменной пылью.

– Давай сюда, сынок, – сказал старик.

Сайкс уступил место Джосае Тернбуллу, как он понял, бригадиру рабочих каменоломни, и направился в зал, к бару. Шел он медленно, чтобы услышать первые слова старика, обращенные к сыну:

– А где мальчишка-то в свой последний свободный вечер?

– Пьет до одури со своими дружками. Они таскают его по всем пабам

в Гизли.

Будь Этан жив, он, наверное, был бы с ними, подумал Сайкс. Он угостил бы своего бывшего ученика в его последний холостяцкий вечер.

Когда Сайкс вошел в зал, разговоры стихли. *Проклятие, они думают, что я переодетый полицейский. Ничего у меня здесь не выйдет.*

Боб Конрой ничего не заметил. Он заказал пинту пива с «прицепом».

Хозяин сказал:

– Сядь, Боб. Тебе принесут. – Он кивнул старому официанту.

– Нет, я останусь там, где всегда стою.

Нащупав мелочь, Конрой бросил на стойку несколько монет. Хозяин пересчитал их и пожал плечами, не желая говорить покачивавшемуся Конрою, что тот недоплатил.

Забыв, что он собирался стоять на своем обычном месте, Конрой отвернулся и как слепой пробрался в угол, к камину, где посетители потеснились, освобождая для него место. Мужчины по обе стороны от Конроя заговорили с ним, но он ничего не сказал, словно ничего не слышал и никого не видел, кроме пламени, лизавшего заднюю стенку камина.

Сайкс наблюдал в зеркало на стене за стойкой бара.

На столе освободили место для пинты и порции крепкого напитка, заказанных Конроем. Тот взял кружку и осушил в несколько глотков, облизывая губы.

В зеркало Сайкс видел, как Конрой опрокинул в себя «прицеп».

Имея достаточно денег благодаря тридцати девяти парам проданных чулок, Сайкс заказал два виски, одно для себя, а вторую порцию подтолкнул к Конрою, когда тот опять появился у стойки.

– Судя по вашему виду, вам это не помешает.

Конрой уставился на него, будто узнавая. *Он тоже думает, что я переодетый полицейский. Он думает, что я за ним слежу, но он не злится. Миссис Шеклтон была права. Он – тот человек, который закладывал Этана его начальству. Доносил на Этана в специальный отдел. Он патриот. Но теперь он гадает, правильно ли поступал.*

– Ты домой-то доберешься, Боб? – спросил хозяин заведения.

– Я... все нормально. – Одним махом Конрой проглотил виски.

Сайкс пил с Конроем, пока хозяин не закрыл паб. Он и сам чувствовал себя не очень устойчиво и вспомнил, что совсем не ел. И этот проклятый чемоданчик, делающий его приметным, как больной палец.

К моменту закрытия Боб и Сайкс немного подружились. Сайкс хорошо умел подтрунивать. В прохладном вечернем воздухе они зашагали вместе. Боб Конрой двигался по деревенской улице зигзагом. Прошел мимо

методистской часовни и свернул на Овер-лейн. Ты не туда идешь, подумал Сайкс. Ты выбираешь долгую дорогу домой. Только когда Боб свернул на Нижний конец, Сайкс сообразил, что он идет к коттеджу Мэри Джейн.

Коттедж был погружен в темноту. Конрой подошел к двери. Подбоченившись, он наклонился, так что стукнулся головой в дверь. Снова и снова он бился головой о дверь.

Сайкс подошел, выпрямил его.

– Идем, Боб. Идем, приятель. Ее здесь нет. Давай-ка пойдем домой, а?

– Что я наделал? – взвыл Конрой. – Что я наделал?

Именно это я и хотел бы узнать, подумал Сайкс, но если спросить прямо, я никогда этого не узнаю.

– Идем, парень. Твоя хозяйка будет тебя искать. Пойдем, а?

С этими ободряющими словами Сайкс обнял Конроя за плечи и повел от двери, но понял вдруг, что не знает, как дойти до фермы, если не вернуться в деревню и не начать оттуда. Окольная дорога на ферму была, он это знал. Миссис Шеклтон рассказывала, как ходила с девочкой в каменоломню. Конрой, спотыкаясь, двинулся в том направлении, кое-как пересек огород на задах и пошел по какой-то тропке.

Сайкс рискнул спрятать чемоданчик под кустом в огороде Армстронгов. Во внутреннем кармане у него лежал фонарик, но пока луна проливала достаточно света, высвечивая живую изгородь.

– Мы можем его увидеть, – сказал Конрой. – А вдруг с нами пойдет призрак Этана, как он сам всегда делал?

– Шаг, другой, вот так, – отозвался Сайкс.

– Я не знаю, как тебя зовут.

– Джим.

– Если мы так и будем идти, Джим, то придем на Хоксвортскую пустошь, самое место в такую ночь, как эта. Мы прогуляемся по Хоксвортской пустоши и переделаем мир в лучшую сторону.

– Может, в другой раз? Мы оба немножко перебрали.

Рядом заухала сова. Вздохнуло дерево.

Конрой сказал:

– Ты шагаешь совсем как он. Целеустремленно, как человек, которому нужно успеть на встречу, сделать дело. Лучше всех. Этан ставил шпиль на церковь. Поэтому Мэри Джейн и пришлось оформить страховку. Каменщик, он мог упасть.

– Кто-нибудь помог ему упасть? – спросил Сайкс.

Но Конрой умолк. Вывернулся из-под руки Сайкса и, опустившись на неровной дорожке на колени, поблевал в траву, в лунном свете забелело

ухо, когда с Конроя слетела кепка.

Он повернулся и посмотрел на Сайкса.

– Я знаю, кто ты. Знаю, кто тебя послал.

Он думает, что я сотрудник специального отдела. Что ж, сегодня вечером толку от этого человека не добьешься, кроме пьяной болтовни, бредовых идей и гнева.

Сайкс оставил Боба у ворот фермы. Пронаблюдал, как он, виляя, пересекал двор.

Глава 3

Громкий стук в дверь пробудил Гарриет от сна. Она вскочила, думая, что это папа. Он дома. А потом вспомнила. Протянула ногу, чтобы коснуться большим пальцем Остина. Они лежали валетом, и он спал, но был горячий, от него исходили волны жара. Девочка касалась брата пальцем, чтобы не уснуть, чтобы убедиться, что это не сон. Затем она вспомнила, она у Конроев, и ей не хочется здесь находиться. Ей хотелось быть дома, с мамой и папой.

Тетя Кейт ей понравилась, но сейчас девочка ее не любила, потому что та привезла их сюда и бросила.

Стук сделался громче.

Девочка встала и подошла к окну. Это дядя Боб барабанил в собственную дверь.

– Джорджи, Джорджина! Я не могу войти.

Он отступил назад и, шатаясь, посмотрел вверх. Пьяный. Дядя Боб никогда не напивался.

Распахнулось окно.

– Да, ты не можешь войти. Я не выношу пьянства. Можешь оставаться там, пока не протрезвеешь.

– Впусти меня.

– Иди спать в коровник!

Гарриет стало жалко Боба. Казалось, он сейчас упадет. Пусть бы тетя Джорджи его впустила. Он напился, потому что папа умер, подумала она. Он пьян, потому что у него разбито сердце. Может, и мне напиться? Может, и мне стоять на улице среди ночи, едва не падая? А я вместо этого здесь, как будто ничего не изменилось.

Дядя Боб завыл, как собака, воющая на луну.

И продолжал выть.

Тетя Джорджи захлопнула окно. Гарриет слышала, как она тихо спускается по лестнице. Она его впустит. Отодвинулся засов на двери.

Пока тетя Джорджи открывала дверь, дядя Боб со стоном поминал имена матери и отца девочки – Этан, Мэри Джейн, Мэри Джейн, Этан.

Раздался голос тети Джорджи, холодный и злой:

– Если ты не переносишь эль, нечего и пить.

– Имей жалость, женщина.

Он поскользнулся, выругался и очень долго лежал на земле, пока с

трудом не поднялся.

– И сколько сейчас, по-твоему, времени? Где ты был?

– Я хотел увидеть Мэри Джейн. Ее увезли. Я пытался объяснить...

Что он такое говорит? Кто ее увез? Никто не должен был ее увозить. Без мамы она станет круглой сиротой. С сиротами случаются дурные вещи.

Гарриет наблюдала. Вместо того чтобы впустить дядю Боба, тетя Джорджи его оттолкнула. Он попятился. Она сердилась.

– Заткнись. Его дети спят у нас наверху. Выкажи хоть сколько-то уважения.

– Мэри Джейн... и Этан, бедный Этан.

– А как же твоя жена? Как же я? Мэри Джейн собиралась бросить Этана. Он мне говорил. Она собиралась всех их бросить.

– Нет, никогда, никогда в этом широком мире.

Дядя Боб пошатнулся. Тетя Джорджи пошла к нему, чтобы завести в дом, подумала Гарриет, но нет.

– Поспи-ка ты в коровнике, дорогой мой, пока не научишься уважать почтенную жену и двух потерявших отца детей.

Он вроде бы всхлипнул, как будто хотел заплакать.

Дядя Боб плачет, подумала Гарриет. Мужчины не плачут.

Взрослые переместились в тень. Гарриет слышала их голоса, но не разбирала слов. Это все равно что мама гнала бы папу в угольный сарай. Чего никогда не случится. Это неправильно. И неправда то, что сказала тетя Джорджи. Она ей скажет. Она скажет, что мама не собиралась их бросать. Это неправда.

Гарриет ждала у окна, пока миссис Конрой не вернулась в дом, пока не услышала, как та поднялась по лестнице и вошла в соседнюю комнату. Остин по-прежнему спал. Но с ним никогда не знаешь наверняка. Иногда он притворяется. В комнате было слишком темно, чтобы понять, притворяется он или нет. Гарриет прислушалась к его дыханию, слишком ровному и спокойному для бодрствующего мальчика.

Гарриет легла. А вдруг папа не умер? Все это ошибка или сон. Выдумка. Ей не придется идти в школу, где все будут на нее пялиться. Она не будет наполовину сиротой. Если она заснет, то может проснуться в середине прошлой недели, когда все было нормально и обычно.

Она не знала, как долго проспала и спала ли вообще. Что-то ее разбудило. Она подвигала ступней влево, вправо. Почувствовала только сбитую простыню под пяткой и верхнюю простыню на большом пальце ноги. Девочка села. Постель была ровной на том конце и рядом. На Остину непохоже пойти в туалет. Он предпочитает писать в постель.

Внезапно Гарриет испугалась. А вдруг он не спал раньше, когда дядя Боб ломился в дом? Он мог спуститься вниз, выйти на улицу и попытаться разыскать дядю Боба в коровнике. Нет. Он бы ее разбудил. Он слишком труслив, чтобы проявлять храбрость.

Свет в окне не был похож ни на утренний, ни на лунный. Гарриет пошла посмотреть.

Языки пламени лизали стену коровника. Красные искры летели во тьму. Девочка распахнула окно и почувствовала запах дыма.

Глава 4

Луна всегда скрывается за тучами, когда она нужна. Юпитер сиял, но не достаточно ярко. Сайкс достал фонарик. Он чувствовал себя Златовлаской, черт бы ее побрал, потому что мог попасть лишь в домик к трем медведям – в коттедж Армстронгов, где мог бы рискнуть поспать несколько часов и постараться не съесть кашу и не сломать стульчик медвежонка.

Ветер теперь дул ему в спину и принес с собой острый запах, сухость, что-то похожее на дым. Он обернулся посмотреть на небо. Над фермой стояло красное зарево. В небо летели искры. На мгновение Сайкс застыл, как изваяние, словно некий церемониймейстер демонстрировал свое искусство и требовал признания. А потом он бросился бежать назад к ферме – по проселку, мимо зловещей каменоломни с ее угрожающими тенями, по грунтовке, по подъезду к ферме. Здесь, на подъезде, он оказался уже не один.

Кто-то еще увидел огонь. Из коттеджа при ферме выбежал мужчина, натягивая на голову кепку.

– Проклятый пожар! – кричал мужчина. – Это коровник. Мои животные! Бедные мои животинки.

– Сколько их там? – спросил Сайкс, слыша свое тяжелое дыхание, жалея, что потратил силы на слова.

– Четыре.

Сайкс слышал громкие крики встревоженного скота и лай собаки.

Словно ожил круг ада. Ветер нес им навстречу дым и искры. Сайксу показалось, что он увидел девочку, которую угостил шоколадом, увидел, как она промчалась мимо и исчезла за огромным неуклюжим силуэтом, который при этом освещении казался скорее слоном, а не молочной коровой.

– Животинки на улице, – сказал мужчина и мимо горящего коровника устремился к четверем существам, которые с безумными глазами мычали и наталкивались друг на друга, словно в любой момент могли кинуться обратно в огонь.

Если ветер переменится, огонь переметнется на дом, подумал Сайкс. Рядом с поилкой для лошадей он увидел ведро, зачерпнул воды, с размаху вылил в бушующее пламя. Бесполезно.

Мужчина не обращал внимания на пожар. Сайкс смутно отметил, что

он разговаривал с коровами, похлопывая их по бокам.

Сайкс услышал ее, прежде чем увидел. Сзади донесся вопль. Он повернулся и увидел женщину, которая купила у него чулки. Миссис Конрой.

– Боб, мой бедный Боб.

Из дома донесся нечеловеческий крик, и к ним метнулась маленькая фигурка в ночной рубашке.

Должно быть, это девочка, подумал Сайкс. Я видел до этого тень.

Но это оказалась другая девочка, и она без конца кричала:

– Остин! Остин!

– Назад, Гарриет, назад! – приказала миссис Конрой. – Стой на месте! – Она схватила девочку за руку.

– Где Остин?

– Остин? – Джорджина посмотрела на огонь, на Сайкса и снова на Гарриет. – О Господи!

Гарриет вырвалась и побежала к горящему коровнику. Сайкс поймал ее и крепко сжал.

– Ты не знаешь, там ли он, а если и там, ему не помочь.

Девочка вырывалась и пиналась.

– Отпустите меня!

Один пинок получился очень болезненным, Сайкс невольно ослабил хватку, и девочка вывернулась из его рук. Побежала к коровнику. Другая девочка – он вспомнил ее имя, Милли, – возникла ниоткуда, как облачко дыма. Преградив Гарриет путь, она дала ей подножку и поймала девочку, когда та упала. Минуту две девочки боролись на земле, Гарриет визжала, чтобы ее отпустили.

У горящего коровника обрушилась балка, взметнув в небо сноп искр и новое пламя. На двор фермы повалил удушливый черный дым. Сайкс закашлялся. Закрыв рот носовым платком.

Когда он снова поднял Гарриет, весь запал у нее прошел. Сайкс отнес девочку в дом, ногой захлопнув за собой дверь, чтобы не напустить внутрь дыма.

– Остин, – проговорила девочка. – Найдите Остина.

– Я найду. Я его найду.

Или его обгоревшие кости, его пепел.

Они были на лестнице. Сайкс нес Гарриет в спальню, но в которую, он не знал.

Гарриет показала.

– Засыпай и не открывай окно.

– Остин, – всхлипнула она. – Найдите Остина. Он с дядей Бобом. Милли сказала мне.

– Он там? – крикнула снизу миссис Конрой. – Малыш там?

Сайкс медленно спустился по лестнице. Миссис Конрой стояла внизу, пристально на него глядя. Он покачал головой.

– Вы продавец чулок.

Ему показалось, будто его обвиняют, разоблачают.

– Я шел из паба. Увидел огонь.

Она закрыла глаза.

– Этот малыш ходит во сне. Должно быть, он вышел на улицу, когда я открыла дверь. Я не пустила Боба в дом, потому что он напился так, что едва на ногах стоял, а мальчик...

– Вы говорите, он пошел в коровник?

– Я оставила дверь открытой, но всего на минуту. Я была во дворе с Бобом. Достаточно одного мгновения.

На лестнице появилась Гарриет.

– Поищите его. Кто-нибудь, поищите его.

Сайкс достал фонарик.

– Я пойду. Вы посмотрите в доме, миссис Конрой. Я поищу на улице. – Он тихо добавил: – Ваш бедный муж, наверное, уронил сигарету.

Миссис Конрой показала на ряд трубок на каминной полке.

– Он не выносит их из дома. Курит изредка самокрутку, если кто-нибудь угостит. – Вслед Сайксу она добавила: – Не пытайтесь спасти этот проклятый коровник. Просто найдите ребенка.

Во дворе рабочий фермы стоял, глядя на огонь.

– Ничегошеньки мы тут не сделаем, приятель. Боб, видно, выпустил животин, хотя мог спасти свою жизнь. Но Боб, он такой. Он их, животинок этих, любил.

– Если ветер переменится, выведите миссис Конрой и... Выведите миссис Конрой и Гарриет из дома.

– Да. Я об этом думал. И я поставил животин по ветру.

– Вы мальчика видели?

– Нет.

– А где Милли?

– Она будет с животинами, разговаривает с ними.

– Покажите мне.

Фонарик дрожал в руке Сайкса, когда он освещал себе и этому мужчине путь через двор фермы. Четыре пары коровьих глаз выжидательно посмотрели на них. Но ни Милли, ни Остина и следа не было.

Суббота

*На облаке я видел дитя,
И оно со смехом сказала мне:
«Наиграй песню об Агнце!»*

Уильям Блейк

Глава 1

На рассвете Сайкс вместе с сержантом Шарпом стоял во дворе фермы. Зловеще мерцавший красный огонь оттенял серый пепел и обугленное дерево – все, что осталось от коровника. Сказать ему сейчас, подумал Сайкс, или молчать?

Сержант Шарп пошевелил палкой в горячей золе, как будто искал затерявшийся жареный каштан.

– Бедный Конрой. Какой страшный конец. – Он покачал головой. – Миссис Конрой думает, что Остин Армстронг ходил во сне со спичками в кармане. Она говорит, что на прошлой неделе застала его в курятнике, когда он пытался развести там костер.

– Бессмыслица какая-то. – Сайкс отодвинул носок башмака в сторону от горячей золы. – Неужели ребенок выйдет из дому среди ночи и разведет огонь. Более вероятно сигарета или возгорание.

– Боб сигареты не курил. А ребенок разжег бы огонь, если у него есть к этому склонность. Некоторые дети, как болезнью, одержимы разжиганием огня. Но вы правильно сделали, что увели его и Гарриет домой, подальше от этой сцены.

– В коттедж я привел только Гарриет. Остин уже был там.

– Сбежал, чувствуя свою вину. Я поговорю с этим пареньком. Видите, это у него в характере. Сделать что-то дурное и сбежать.

Шарп был решительно настроен думать об этих детях плохо, даже после своей ошибки в оценке Гарриет. Сайкс понял, что сделает.

За воротами фермы послышался отдаленный звук автомобильного мотора.

– Это пожарные. Они обыщут пожарище и найдут беднягу Боба. – Шарп лизнул палец и поднял его вверх. – Нам повезло, что ветер не понес огонь на дом. – Он протянул руку. – Спасибо за помощь. Удачно, что вы оказались поблизости.

– Для всех было бы удачнее, если бы я убедился, что Боб Конрой вошел в дом, а не просто проводил его до ворот фермы.

– Ну, теперь уж я этим займусь, – сказал Шарп. – Отправляйтесь-ка домой. Где я смогу вас найти, если понадобится?

Сайкс достал блокнот, написал свое имя и адрес и отдал листок сержанту.

– Зайти в участок, когда вам будет удобно?

– Да. Будьте любезны.

Сайкс поднял воротник и натянул поглубже шляпу, поворачиваясь спиной к сгоревшему строению. Машина пожарной бригады стояла у ворот. Сайкс поднял засов, открыл ворота и дождался, пока машина въедет во двор.

За ней следовал один из «Алвисов» управления полиции Норт-Райдинга. На заднем сиденье сидел старший инспектор Чарлз. Как неудачно все совпало. Старший инспектор заметил его. Сайкс держал свой смехотворный чемоданчик, он взял его, когда отвел в коттедж Гарриет. Какое унижение, если его попросят открыть чемоданчик, в котором лежала единственная пара чулок из искусственного шелка. Сайкс подавил ухмылку. Немного обогатишься, если старший инспектор купит ее для миссис Шеклтон.

Старший инспектор Маркус Чарлз посмотрел прямо на Сайкса, а потом – сквозь него. Он прекрасно меня помнит, подумал Сайкс, но предпочитает не подавать виду. Будь я проклят, если я теперь его признаю. Я не подхалим. Этот человек, вероятно, не выносит меня, потому что я провожу с миссис Шеклтон больше времени, чем он. Но при мысли о миссис Шеклтон Сайкс понял, что ему придется поговорить со старшим инспектором, даже рискуя быть обнаруженным там, где ему находиться не следует. Да без проблем. Если Сайкса спросят, он просто скажет, что договорился о встрече прошлым вечером со старым приятелем в «Руне» и разговорился с Конроем. И если старший инспектор этому поверит, он поверит чему угодно.

Глава 2

Спокойнее моей мамы женщины нет. Как-то раз мы с папой размышляли на эту тему. Папа отстаивал мнение, что она просто такой родилась. Я пришла к выводу, что мамино состояние постоянной уравновешенности – результат благополучного детства, проведенного в сельском поместье ее семьи, где забота, нужда и тревога не только никогда не возникали, их не существовало. Теперь мама знает, что в мире есть заботы и что не у каждого жизнь течет гладко, но впечатление такое, будто трудная сторона существования каким-то образом кажется ей немного нереальной и не затрагивает глубины ее существа. Поэтому с мамой очень приятно иметь дело. Она редко волнуется. Посему, когда она в возбужденном состоянии позвонила мне и попросила встретиться с ней в десять часов в кафе в «Маршалл энд Снелгроув» в Лидсе, я поняла: что-то случилось. Еще больше я в этом уверилась, когда без минуты десять приехала в кафе, а мама уже сидела там и пила кофе.

Конечно, она никогда не переходит сразу к делу, поэтому мы поболтали о том, как она доехала из Уэйкфилда, а я поведала, как навестила Мэри Джейн в здании суда в Отли.

– Боже мой, совсем ужасно было? – спросила мама.

Ну, это такая же тюрьма, как и полицейский участок, мама, и Мэри Джейн вот-вот обвинят в убийстве мужа. Но я сказала:

– Это не самая неприятная часть Отли. И Мэри Джейн могла быть в худшем состоянии духа. Но ты пригласила меня сюда не ради разговора об этом.

– Да, ты права. Только мое сообщение кажется банальным по сравнению с твоим. – Из недр своего ридикюля она извлекла письмо; такой серьезный человек, как моя мама, никогда не возьмет обычную дамскую сумочку. Мама вздохнула: – Оно пришло сегодня утром с первой почтой, от хорошо обеспеченной дамы. Я вскрыла его, как ты и велела.

Я взяла у нее письмо и прочла.

Дорогой мистер Райт!

Спасибо за ваше письмо и предложение встретиться, на которое я охотно соглашаюсь и с нетерпением жду этого события.

С вашей стороны мило предложить встречу в таком приятном месте, как отель «Гриффин». Однако я предпочитаю

встречу наедине, если вам это удобно. Вы были настолько добры, что дали свой адрес. Я знаю, как добраться до Уэйкфилда и вместо встречи в «Гриффине» навещу вас в вашем доме в воскресенье днем, в четыре часа. Если это вам неудобно из-за вашей хозяйки, буду рада выступить в роли вашей дальней родственницы в этом единственном случае!

Хотя это может показаться вам смелым поступком с моей стороны, будьте уверены, что я почтенная и бездетная вдова, в целом застенчивая по характеру, хорошо обеспеченная моим покойным мужем и иногда тоскующая по скромной мужской компании.

Надеюсь, вам это подходит и вы простите мою смелость. Будьте уверены, что с моей стороны наша встреча ни к чему не обяжет вас в дальнейшем, если только вы сами не захотите.

Остаюсь, сэр, искренне ваша,

Гертруда Александер (миссис)

Мы с мамой переглянулись.

– Что ты об этом думаешь? – спросила я.

– Она не теряет времени и хочет увидеть птичку в ее гнездышке. Но ты понимаешь, в чем мое затруднение, Кейт?

– Да. Она не оставила нам возможности для ответа. Одно дело попросить мистера Даффилда поехать в «Гриффин», и совсем другое – вынудить беднягу приехать к тебе домой в Уэйкфилд под видом мистера Райта, чтобы принять посетительницу.

– В воскресенье, – подчеркнула мама. – В четыре часа. Тебе это ни о чем не говорит?

Я стукнула себя по лбу.

– Ну, конечно! Воскресный обед. Мы пригласили Маркуса. – Я снова просмотрела письмо. – Миссис Александер не дала адреса для ответа. Это уж чересчур с ее стороны. Какова штука.

– Вот именно. Эта ужасная женщина явится к нам в четыре часа, и твой отец будет там, и мистер Чарлз. Не знаю, как я это объясню. – Она положила письмо рядом с сахарницей. – Или мы откроем и скажем, что произошла ошибка, или твой мистер Даффилд должен быть там, чтобы встретиться с ней.

Я посмотрела на часы.

– Серьезное осложнение. Не знаю точно, как мистер Даффилд работает по воскресеньям. В любом случае надо ему сообщить.

Мама подняла руку, призывая меня к спокойствию.

– Дай мне подумать. – Она закрыла глаза, вздохнула и задумалась, маленькая морщинка пересекла ее лоб. Когда мама открыла глаза, то улыбнулась своей улыбкой «как просто». – Какой он, этот мистер Даффилд?

– Ему около пятидесяти лет, очень осторожный человек... Я удивилась, что он согласился на мой план; возможно, немного эксцентричен, умен...

– А внешность, манеры?

– С виду типичный холостяк, одет бедновато, но милейший человек, очень обаятельный.

– Он умеет вести беседу?

– Мне всегда было с ним интересно. Он библиотекарь, и в запасе у него немало историй.

– Тогда мы приглашаем его на ленч в воскресенье...

– Но ты же не любишь, когда гостей нечетное число. Мы вряд ли сможем связаться с... – я проверила имя женщины, – ...Гертрудой Александер...

– Мистер Даффилд придет на ленч, а потом окажется на месте, чтобы принять посетительницу.

– Но...

Мама подняла руку. Сейчас мне прочтут лекцию об этикете.

– Я знаю, что цель воскресного собрания – знакомство твоего отца с мистером Маркусом Чарлзом... Нет, подожди, Кейт, дай мне закончить. Заполучив еще двоих гостей, мы сделаем это событие не таким торжественным. Кроме того, у меня много хлопот с этим ленчем, а я прекрасно знаю, что твой старший инспектор может в последний момент отказаться, как, собственно, и твой отец. И нам с тобой будет очень обидно. Раз уж ты просишь такой большой жертвы от бедного мистера Райта...

– Это не настоящее его имя, мама. Его настоящее имя Даффилд.

– Конечно. Раз уж ты просишь такой большой жертвы от бедного мистера Даффилда, желая, чтобы он встретился с этой явной охотницей за наследством, этой отчаянной женщиной, которая достаточно вульгарна, чтобы искать мужа по объявлению и устанавливать свои условия для встречи с ним, тогда мы хотя бы можем угостить мистера Райта, в смысле, мистера Даффилда, ленчем. Скажи, мистер Даффилд играет в бридж?

– Понятия не имею.

– Ну и ну, Кейт! Называть себя детективом и не знать, играет ли человек в бридж.

– Мама... что ты затеяла?

– Совсем ничего, дорогая. Очевидно лишь, что я должна выровнять число приглашенных на воскресенье, и это поможет понять настоящую цену этому джентльмену. Я приглашу Марту Грэм.

– Ты затеваешь сватовство, а ведь ты даже незнакома с этим человеком.

– Кейт, твой мистер Даффилд никогда не согласился бы на этот план, если бы не был склонен к романтизму.

Когда официантка принесла наш кофейник, за ней подошел управляющий рестораном с сообщением для меня.

Телефонный звонок от миссис Сагден. Мистер Сайкс прислал телеграмму: нисколько не тревожьтесь, но приезжайте как можно скорее в коттедж в Грейт-Э.

Я поблагодарила управляющего и передала записку маме.

– Святые небеса, Кейт. У бедного мистера Сайкса, наверное, дел по горло. Учитывая, что ты лишь недавно познакомилась с членами этого семейства Уитекеров, они, без сомнения, умеют нагрузить человека. Давай ради тебя надеяться, что все остальные дети Уитекеров не окажутся в таком же затруднительном положении, как Мэри Джейн. – Мама налила кофе. – Тебе будет легче ехать, если ты выпьешь кофе и съешь вкусенького. Нет ничего, что не могло бы подождать, пока ты перекусишь, а я без ума от их творожного пирога. А что касается мистера... Даффилда, прошу, предоставь его мне. Я сама заеду в редакцию газеты. Мне уместно лично передать ему приглашение, и я хочу взглянуть на него. – Она выбрала нежную булочку в шоколадной глазури. – Может быть, этот джентльмен – закоренелый холостяк, а ты не заметила.

Глава 3

Я почти по пути заскочила домой и взяла что-то из вещей, включая смену одежды на тот случай, если придется заночевать в коттедже. По дороге в Грейт-Эпплвик я гадала о причине, по которой Сайкс послал телеграмму; подвижки в расследовании, возможно. Я горячо надеялась, что Маркус до чего-то докопался и отпустил Мэри Джейн. Или что-то случилось с детьми. Я вспомнила о нежелании Остина ехать на ферму. Может, они надоели Конроям, но это казалось маловероятным для таких добросердечных соседей.

Я ехала и начинала сожалеть, что занялась этим личным объявлением и втянула мистера Даффилда. Папе не понравится, что мистер Даффилд и таинственная миссис Александер используют его гостиную в качестве брачного агентства.

Слишком поздно теперь.

Подъехав к коттеджу, я услышала голоса в огороде и пошла за дом. Сайкс доставал воду из колодца под руководством Гарриет и Остина. Дети над чем-то смеялись, и я почувствовала, как меня наполняет восхищение и немного зависть, что им так легко с ним и что он сумел каким-то образом развеселить их в самый, наверное, мрачный момент их юных жизней.

Сайкс поздоровался со мной, изображая приятное удивление. Значит, детям неизвестно, что он умудрился послать мне телеграмму.

Гарриет и Остин посмотрели на меня, а потом бросились посмотреть, привезла ли я их мать.

– Ваша мама приедет, как только сможет, – сказала я. – У нее остались еще кое-какие дела. И я обязательно отвезу вас завтра к вашей бабушке.

Остин сказал:

– Я был на пожаре. Папа принес меня домой.

Он уставился на меня, подбивая возразить.

– Пожар действительно был, – спокойно проговорил Сайкс. – Коровник загорелся.

Не успела я спросить, есть ли пострадавшие, как Гарриет сказала:

– Остин, а чем пахло от папы, когда он принес тебя домой? Его волосы пахли камнем?

– От него пахло, как в ночь Гая Фокса^[4].

– Папа никогда не любил ночь Гая Фокса, поэтому от него не могло так пахнуть.

- Он, правда, так пахнул, он пахнул огнем.
- Это, наверное, дядя Боб принес тебя домой.

Внутри у Остина словно произошел маленький взрыв – мальчик порывался что-то сказать, но не мог найти слов.

Сайкс привлек детей к себе и что-то прошептал им. Они ушли в дом. Когда они скрылись, Сайкс рассказал мне о пожаре на ферме, об опасениях, что Боб Конрой сгорел заживо, и о том, что останков его среди золы найти не удалось.

Мы сели по обе стороны колодца. Я положила ладонь на прохладный камень.

– Вы хотите сказать, что Конрой настолько сильно обгорел, что ничего не осталось?

– Полиция и пожарные не против, чтобы люди так думали. Он сбежал. Я в этом уверен. Это мог быть ужасный несчастный случай или уловка с его стороны, чтобы все таким показалось. В настоящее время пожарные говорят только, что изучают место происшествия.

– Тогда откуда вы знаете, что он сбежал?

– Милли сказала Гарриет. Она видела, как Конрой выбежал из коровника с Остином на руках. Я думаю, что Конрой залег на дно.

– Но вчера он добровольно приходил в полицию. Мэри Джейн думала, что он пришел защитить ее невиновность.

Сайкс пошевелил ручку колодезного колеса. Оно скрипнуло.

– Сегодня утром я коротко говорил со старшим инспектором Чарлзом. Конечно, он ничего такого мне не сказал, но я думаю, что он связывает Боба Конроя с этой смертью.

Я едва заставила себя спросить:

– А Мэри Джейн?

– Опасность для нее не миновала. Не знаю, замешана или нет в этом ваша сестра, миссис Шеклтон. Но Бобу Конрою ничего хорошего это не сулит. Люди знают, что он и Мэри Джейн были очень близки. Возможно, поэтому Этан приходил поговорить с миссис Конрой. Они оба чувствовали себя преданными. А Этан – вдвойне, если узнал, что Боб доносил на него в специальный отдел.

– Поэтому вы и попросили меня приехать сюда, побыть с детьми? Миссис Конрой не собирается этим заниматься.

Перед моим мысленным взором промелькнула сцена: мне по ошибке дана роль исполнительской тетке-сиделки, которой каждый день приходится смотреть за детьми, мать которых умерла, покачиваясь в петле.

Сайкс сказал:

– Я хочу поискать Боба Конроя.
– Разве полиция его не ищет?
– Ищет, но кое-что, сказанное им вчера вечером, и кое-что из слов Гарриет подсказывает мне, где он может находиться. И есть еще одно...

– Что, бога ради?
– Та девочка, которая работает у миссис Конрой, Милли. Она тоже пропала. В огонь она не попала. Возможно, убежала, думая, что ей попадет, что обвинят ее.

– Да что, скажите на милость, происходит?
– Хотел бы я знать. Вы отвезете сегодня детей к их бабушке?
– Нет. Их достаточно уже таскали туда-сюда. Пусть побудут день и переночуют в своем доме.

Сайкс начал поднимать ведро из колодца.

– Я отправил их в дом распаковать корзину с продуктами и удивить вас, разложив все на столе. Леди Щедрость прислала.

– Леди Щедрость?
– Миссис Леджер. Разве не вы сказали, что ее практически можно назвать помещицей Грейт-Эпплвика?

– Да. И этот их адвокат собирается добиться освобождения Мэри Джейн под опеку Леджеров, помоги ей Бог.

Я на мгновение закрыла глаза, чтобы собраться с силами и вести себя с детьми естественно, несмотря ни на что.

– Я жизнью поручусь за невиновность Мэри Джейн.
– Конечно, поручитесь, – согласился Сайкс. – Да вам невыносимо и думать по-другому. – Он вытащил из колодца ведро с водой.

– Эту девочку кто-нибудь ищет?
– Артур и еще один парень с фермы. Миссис Конрой искала, кого бы обвинить в поджоге. По-видимому, Милли сбежала раньше.

Мы пошли по дорожке, переполненное ведро покачивалось, выплескивая воду.

Я попыталась представить девочку, которая разговаривала с ягненком у костра, разговаривала с овчаркой.

– Откуда, по-вашему, эта девочка? Она не местная.
– Милли? – Сайкс улыбнулся. – Она точно не отсюда. Был у нас в полиции один парень с похожим выговором. Так что я сказал бы, что она из Ланкашира, а если точнее, то из Блэкберна.

Содержимое корзины миссис Леджер красовалось на столе: свиной окорок, хлеб, сливочное масло, суп, пирог и кекс, яйца и молоко, чай и вино из одуванчиков.

– Я хочу, чтобы мама пришла домой и тоже поела, – сказала Гарриет.

– Мы ей оставим. Скажи-ка, Гарриет, есть у тебя атлас Британских островов?

Она порылась в стопке книг над комодом и нашла атлас. Я освободила место на столе.

– Давай посмотрим, сможешь ли ты отыскать страницу с Ланкаширом. Мне хочется узнать, насколько близко расположены Блэкберн и Клитероу.

Мне пришло в голову, что причина преждевременной смерти мисс Тримбл могла не иметь ничего общего с тем, что в четыре часа она видела у каменоломни женщину в клетчатой накидке. Предыдущую неделю мисс Тримбл провела в Клитероу.

Гарриет измерила расстояние пальцами и сверилась с масштабом карты.

– Между Клитероу и Блэкберном примерно девять миль.

Что-то от меня ускользало, но что?

Горькое, сказала мисс Тримбл. Диванчик, сказала мисс Тримбл. Я изучила все определения этого слова. Но что, если это была только часть слова, да и то искаженная. Горькое. Осмелюсь ли я выпить присланного миссис Леджер вина из одуванчиков?

Глава 4

Сайкс сел в «Джоуитт». Теперь он считал себя уверенным водителем. В своей способности найти пропавшего Боба Конроя он был не столь уверен и знал, что тот все еще числится пропавшим, поскольку сержант Шарп дважды заглядывал в коттедж, якобы проверяя, в порядке ли дети. Даже Гарриет сказала:

– Сержант ищет дядю Боба.

Дождаясь приезда миссис Шеклтон и занимая детей, Сайкс вспоминал прошлый вечер в пабе, запах горького эля, нечистот, полных пепельниц и немых тел. «Провожая Боба домой, оставляя его у ворот, я был очень доволен своей сообразительностью, – думал Сайкс. – А что, если это он меня разыграл, одурачил? Сколько таких номеров можно увидеть в мюзик-холле, где комики на подгибающихся ногах, а сами трезвые как стеклышко, изображают нализовавшихся дураков». Сайкс отбросил эту мысль. Конрой здорово напился, от него воняло элем и виски. Если бы он мгновением дольше пробыл в том коровнике, то вспыхнул бы, как фейерверк. Выбравшись живым из огня, он должен был быстро протрезветь. Куда мог скрыться этот человек и почему? Неужели он действительно думал, что сможет имитировать свою смерть в огне?

Сайкс доехал до края пустоши. Вот место, про которое спьяну рассказывал Боб и куда они обычно ходили с Этаном. Подростками они каждое воскресенье уходили сюда и, повзрослев, продолжали делать это при малейшей возможности. Ветер дул Сайксу в спину, легкий дождик намочил затылок. Сайкс плотно обмотал шею шарфом, который связала для него Роза.

Это было место, куда, по словам Гарриет, отец и дядя Боб иногда приводили их по воскресеньям, прогулка, которую описал Боб Конрой, когда плакал вчера над своим пивом.

Сайкс прикинул, что на машине он сократил первую часть пешего маршрута Конроя, но не был уверен, что верно выбрал отправную точку.

Дорожка вела через неровный участок пустоши. Овцы щипали грубую траву. Деревья росли редко. В этой части пустоши сложно было найти укрытие от непогоды. Неожиданно пустившаяся под уклон дорога оказалась болотистой. Крепкие ботинки, полученные Сайксом в счет части оплаты за работу охранником в компании, которая шила ботинки и туфли, скоро покрылись толстым слоем грязи.

Букмекер назвал бы это неравными шансами, но Гарриет ориентиры дала: идти вверх по течению речки, перейти шаткий мостик, миновать торчащие камни, похожие на перевернутые грибы. Искать молодой лесок и заброшенную хижину.

Звучало просто, и, без сомнения, так и было бы, иди здесь Гарриет. Никакой горожанин не ориентируется на местности так, как деревенские дети. Не имея табличек с названиями улиц, пабов или магазинов, по которым он мог бы свериться, Сайкс чувствовал себя сухопутным жителем, пересекающим бурное море на санях.

Проведя в пути добрый час, он начал думать, что пошел не в том направлении в поисках леса, который в описании Гарриет представал волшебной чащей. Куда теперь? Боб Конрой хвастал, что с высоких скал открываются великолепные виды.

Из-за влажного дня и легкого тумана полевой бинокль был почти бесполезен. Сайкс не видел ни одного человека. Здесь, наверное, была сотня тайных мест, пещер, выработанных шахт, где мог бы спрятаться человек, знакомый с этими местами.

В отдалении Сайкс увидел купу деревьев, а слева – строения фермы.

Где-то залаяла собака.

Сайкс повернул к ферме, чтобы там, забравшись повыше, осмотреть горизонт. В такую ночь, как прошедшая, человеку потребовалось бы укрытие. Боб Конрой знаком с фермерами, но Сайкс понимал, что полиция ведет свои поиски, пользуясь резервами личного состава и знанием местности.

Добравшись наконец до фермы, Сайкс почти ожидал, что ему придется туго, выдумывая объяснения. Он осмотрел амбар, полный сельскохозяйственных машин, похожих на средневековые орудия пыток, и заваленный мешками с чем-то вонючим, пустой коровник, конюшню, где лошади при его приближении оживились и дали погладить себя по бокам. Потерпев поражение, Сайкс постучал в дверь, попросил стакан воды и поинтересовался, не проходил ли тут его друг Боб Конрой. Воду он получил быстро, как и полагается по закону гостеприимства, но вопрос о Бобе ничего ему не дал.

Интуиция заставляла его двигаться дальше. Разве не сказала однажды миссис Шеклтон, что будь он животным, то был бы ищейкой? Но разве к этому времени ищейка уже не нашла бы свою добычу?

Он достиг края леса, где под ногами похрустывал папоротник. Сайкс отчасти уже и не надеялся найти Боба Конроя. Предоставь это настоящей полиции, насмеялся внутренний голосок. Ты еще попотеешь, чтобы

отыскать дорогу назад к машине. На мгновение он краем глаза увидел, возможно, белку или ворону, но потом выхватил взглядом фигуру человека, сидевшего свесив ноги на нижней ветке соседнего дерева и похожего на иллюстрацию к детской сказке: лесной человек или проворный король Лир, в отрепьях и грязи.

Лицо у Боба было перепачкано, одежда порвана. Он посмотрел вниз со своей ветки безумным взглядом, по которому Сайкс понял, что этот человек его не помнит, не узнаёт. Боб спрыгнул с ветки и, как испуганное животное, бросился бежать.

– Боб! – крикнул ему вслед Сайкс. – Это я, мы вместе выпивали! Подожди!

Боб Конрой бежал. Он потерял башмак, поэтому наверняка не мог долго продолжать в том же темпе, но он петлял среди деревьев, так что Сайкс то видел его, то терял из виду. Хрустнула веточка. Перепуганный фазан забил крыльями так близко от Сайкса, что тот закрыл лицо руками. Когда он их убрал, Боб исчез.

– Боб! – снова позвал он. – Боб Конрой!

И тут ему пришла одна мысль, и он встал неподвижно под деревом, прижавшись спиной к стволу и глядя вверх, на ветки.

Он повторил свист, которым в прошлую субботу, по словам Кейт, Гарриет сообщила отцу, что они подошли к каменоломне.

Он свистнул протяжно, потом покороче. Пауза. Повторил сигнал.

Через несколько мгновений он услышал совсем рядом, у себя за спиной, звук. Сайкс стоял на месте, спиной к дереву, и ждал.

Из-за ствола появилась рука и коснулась его руки. Только огромным усилием воли Сайкс не шевельнулся.

– Это ты? – спросил голос.

Сайкс не ответил. Из-за дерева медленно вышел Боб Конрой. Его пиджак был прожжен в нескольких местах. От Боба пахло дымом и папоротником.

– На ощупь ты настоящий. Не призрак.

– Я не призрак.

– Ты принимаешь разные облики, да? Это ты. Ты пришел ко мне в огне. Ты меня предостерег.

– Кто это сделал?

– Ты, Этан. Ты принял другой... мне кажется... Я что, рехнулся?

Он упал на землю. Стал ползать на четвереньках среди корней дерева, вдавливая костяшки пальцев в землю, сорвал гриб и сунул его в рот.

– Не делай этого, приятель! – воскликнул Сайкс, помогая Конрою

подняться и чувствуя, как тот всем телом содрогается то ли от холода, то ли от страха. – Я теперь с тобой. Ты пойдешь на ту ферму. Здесь недалеко.

– Нет!

– Ты будешь в безопасности. Пора... найти твой башмак. Идем со мной.

– Ты... теперь, когда ты умер, ты принимаешь разные обличия?

– Твой мозг переутомился. Теперь я о тебе позабочусь.

– Возьми меня с собой. Забери меня... куда мы уходим? За реку... как она называется? Разве мы как-то раз не говорили об этом?

– Говорили.

Сайкс взял его за руку. Этот человек сошел с ума либо прикидывается безумным, и если прикидывается, тогда ему следует пойти в актеры. И если он прикидывается, то не потому ли, что убил человека и хочет сойти за ненормального, а не за преступника.

Назад через лес они пошли рядом. И заставило Сайкса поверить, что Боб не притворяется, то, что он ни разу не поморщился, когда наступал босой ногой на камешек или колючку. Он шел, как ягненок за своей матерью.

– Куда мы идем? – спросил Боб.

Полагая, что безумие Боба не распространяется на его способность ориентироваться, Сайкс спросил:

– Как далеко отсюда до Отли?

– До Отли? – повторил Боб, словно это место было дальним краем Тасмании.

– Да. Там мы найдем Мэри Джейн. Она о тебе спрашивает.

Длинный субботний день сменился длинным вечером. Гарриет и Остин оставались на улице – поиграть на качелях, сказала Гарриет. Но когда я выглянула в окно, то увидела, что дети примостились на каменной стене рядом с автомобилем, глядя вдаль, дожидаясь матери.

В конце концов я подошла к ним.

– Почему вы не идете в дом? Мы можем во что-нибудь поиграть. Есть у вас настольные игры или карты?

Они неохотно прервали свое дежурство, когда я объяснила, что сегодня их мать не вернется и что завтра они увидят бабушку.

Гарриет нашла шашки и разложила доску на столе.

– Остин будет играть с вами, тетя Кейт.

И снова у меня возникло ощущение, что это она – взрослая, оказывающая мне услугу, серьезно относящаяся к своим обязанностям. Я

не сказала им, что Мэри Джейн находится в Эпплвик-холле. Это было слишком близко. Они могли попросить поехать туда и привезти ее домой.

Сумерки сгущались, и комната помрачнела. Мы с Остином выиграли. Ему понравились дамки, потому что они ходили в любую сторону.

Гарриет взяла на каминной доске тоненькую свечку и зажгла лампу.

Прошел еще час, прежде чем вернулся Сайкс. Он присоединился к игре на стороне Гарриет, и очень быстро эта парочка взяла две наши дамки за фук.

Во время следующей партии Сайкс выпил стакан вина из одуванчиков и съел кусок пирога со свиной. Посмотрел в окно.

– Становится темно. Очень сожалею, но я немного поцарапал ваш автомобиль, миссис Шеклтон. Давайте выйдем и посмотрим, пока еще видно.

Мы вышли на улицу и стали тщательно рассматривать старую царапину.

– Я нашел Боба Конроя. Отвез его в здание суда в Отли. Старший инспектор вызвал врача, чтобы тот его осмотрел и отправил в больницу. Он в состоянии шока, и в голове у него все перепуталось, руки в ожогах.

Я поежилась под прохладным ветерком. Заходившее солнце окрасило небо в оранжевый цвет.

– Что Конрой говорит о себе?

– Ничего разумного, для меня по крайней мере. Может, старший инспектор чего-то от него добьется.

– Как он?

– Бредит. Говорит бессвязно. Он сказал, что теперь понимает: никакого заблудившегося ягненка не было. Что Этан был прав. Брата Конроя убили. Я пытался его успокоить.

– Есть какие-нибудь новости о Милли?

На соседнее дерево уселась пара лесных голубей.

– Нет. Давайте надеяться, что ее кто-нибудь взял к себе и скоро она найдется.

Он чего-то не договаривал.

– Выкладывайте, мистер Сайкс. Что еще сказал Боб Конрой?

Сайкс принялся разглядывать свои грязные башмаки.

– Ничего особенного. Спокойно пойти со мной в полицейский участок Отли его заставили мои слова, что там он увидит Мэри Джейн.

Я поняла, о чем он умалчивает: что Боб Конрой и Мэри Джейн сговорились убить Этана. Сайкс больше на меня не смотрел, изучая царапину на машине.

Я отвернулась и посмотрела на окно коттеджа. История о царапине на автомобиле не обманула Гарриет и Остина. Они выглядывали в окно, пытаюсь разгадать наши действия. Придется возвращаться в дом. Но прежде я сказала:

– Я не знаю, виновен Конрой в убийстве или нет. Только не нравится мне, что по его поведению выходит, будто Мэри Джейн хотела избавиться от Этана, а она не хотела. Если предатель Конрой и раскошелится когда-нибудь на церковный витраж, то станет настоящим Иудой. Мэри Джейн обожает Боба Конроя, только и всего.

В самом деле? Я не знала. Если бы кто-нибудь другой, пытаюсь что-то доказать, вел себя, как я сейчас, я бы сказала, что его доводы неубедительны.

– Что еще я могу для вас сделать, миссис Шеклтон? Продолжить поиски девочки?

– Я пойду в дом и спрошу у детей. Может быть, они знают потайные места Милли.

Гарриет и Остин снова сидели за столом и делали вид, что разыгрывают новую партию в шашки.

– Мистер Сайкс говорит, что за вашим дядей Бобом смотрит врач. С ним все будет в порядке. Но не знаете ли вы, куда могла деться Милли? Мы за нее волнуемся.

– Сбежала, – сказал Остин. Он наклонился над доской, сбив на пол пару шашек.

– Куда она могла пойти?

Никто не ответил.

– Она не говорила, откуда она родом?

Гарриет подняла упавшие шашки.

– Из того места, которое вы называли, я его измеряла.

Она поставила шашки на доску.

– Из Блэкберна?

– Нет, из другого места. Из Клитероу.

– Вы начинайте игру. Я сейчас вернусь.

На улице я пересказала Сайксу то, что узнала от детей.

– Передать это старшему инспектору, миссис Шеклтон? Он может туда позвонить. Но не думаю, что ребенок сумеет найти туда дорогу. И наверняка миссис Конрой уже сообщила им все необходимые сведения.

Красная полоска в небе обещала ясный день наутро.

– Может, вы съездите туда завтра, мистер Сайкс? Я понимаю, это кажется маловероятным, но, быть может, мисс Тримбл умерла не потому,

что заявила, будто видела Мэри Джейн у каменоломни. Возможно, она умерла из-за какой-то связи с Клитероу.

Сайкс ждал, его страдальческий вид «что еще она затевает» требовал больше информации.

– Двоюродная сестра мисс Тримбл, Клара, замужем за служителем приходской церкви Клитероу. Зовут ее миссис Персиваль Уотмо.

– А на каком основании я к ней обращаюсь? – вздохнул Сайкс. – Серьезное задание. Прошу прощения, что отрываю вас от дел, но моя начальница полагает, что вашу кузину Аврору Тримбл отравили и произойти это могло из-за каких-то ваших слов. А еще пропала девочка с каким-то ланкаширским акцентом.

– Я уверена, что вы блестяще с этим справитесь. Если вы заглянете в папку, которая лежит на столе у меня в столовой, то найдете там фотографии. Там есть и снимок Милли.

– Хорошо. Посмотрим, что я смогу сделать, но искать я буду Милли. Я не могу ходить там и говорить, что отравили женщину, когда у нас нет доказательств и полиция это не расследует.

– Мы не знаем, что они расследуют. Маркус говорит только то, что считает для меня полезным.

Сайкс кивнул, но без особого воодушевления:

– Ладно. Поеду завтра.

– Как вы туда доберетесь?

– У меня есть приятель с мотоциклом.

– Не может быть, он вам чем-то обязан.

Сайкс засмеялся.

– Как вы догадались?

Когда он ушел, а я вернулась в дом, Гарриет сказала:

– Обычно по пятницам мы купаемся, а вчера не купались.

– Что ж, тогда вы должны искупаться сегодня. Говори, что нужно сделать.

Десять часов субботнего вечера. Гарриет и Остин легли спать. Я сидела в кресле-качалке у камина, в коттедже Мэри Джейн, и чувствовала себя абсолютно бесполезной.

– Когда мама вернется? – спросил Остин, ожидая своей очереди купаться, и потом снова, когда я укрывала его одеялом.

– Точно не могу сказать, но это будет скоро.

– Завтра?

– Увидим.

Он свернулся под одеялом калачиком.

– Откуда ты знаешь нашу маму? – спросила Гарриет.

Она сидела, вплетая ленту в косичку.

Я прикинула, не сказать ли, что я действительно их родная тетка. Но нагромождение такой информации показалось ненужным бременем.

– Наши семьи давно друг друга знают. Мы с твоей мамой как-нибудь все вам расскажем.

Девочка не стала продолжать расспросы. Я тихонько спустилась вниз со свечой в руке, не собираясь ложиться в постель Мэри Джейн и Этана. Взяв в одну руку лампу, а в другую – ведро для угля, я вышла на улицу.

Поставив лампу, я стала набирать лопатой уголь. Безумие думать, что Мэри Джейн спрятала бы здесь инструменты мужа. Если бы она была виновна, то могла бы оставить их в каменоломне или выбросить в реку. Кто бы ни подложил их сюда, он сделал это с целью бросить подозрение на Мэри Джейн.

Я все еще не вычеркнула из своего списка подозреваемых бригадира рабочих каменоломни, несмотря на то что Маркус, похоже, не проявлял к нему больше интереса, равно как и к его сыну, который венчался сегодня в местной церкви и, без сомнения, в ближайшем будущем займет этот дом. Он будет приходить сюда набирать уголь.

В темноте и тишине скрежет лопаты в угольном сарае казался звучанием адского оркестра, настраивая на ночь недобрых симфоний. Я набрала ведро, вдыхая запах угольной пыли. В свете лампы куски угля сияли, как черные алмазы.

Когда я отложила лопату, мое ухо уловило еще один звук, хруст, шуршание, как будто маленький зверек метнулся в укрытие. Возможно, я побеспокоила какое-то ночное существо.

Я стряхнула с себя это ощущение. В деревне полно таких звуков, и хотя до центра деревни всего четверть мили, здесь была уже дикая природа.

В коттедже я взяла каминные щипцы и подбросила в огонь угля. Безотчетно я подумала о своей матери, которая ни разу в жизни не разводила огонь, и о моей настоящей матери, миссис Уитекер, в жизни которой, несомненно, бывали времена, когда просто иметь топливо для камина было роскошью.

Что ж, это будет хороший огонь, для меня одной. Буду сидеть в кресле и коротать ночь. Я подошла к раковине вымыть руки. Жалюзи были подняты, это Остин был уверен, что мама заглянет в окно, когда вернется, посмотреть, здесь ли ее дети.

Уже потянувшись опустить жалюзи, я уловила какое-то движение. Кто-

то сидел в машине и пригнулся, чтобы не попасться на глаза. Наверное, любопытный деревенский мальчишка. Разумеется, я не могла допустить, чтобы местный сорвиголова на спор удрал с моим автомобилем. Я открыла входную дверь, бесшумно прошла по дорожке, подошла к машине и рванула на себя дверцу.

Какой-то гном испуганно вскрикнул и попытался прошмыгнуть мимо меня. Я успела схватить извивающегося ребенка.

– Что ты делаешь?

Я отпустила ее, ожидая, что она бросится бежать. Она, похоже, совсем измучилась, обессилев, как и я.

– Мне холодно.

Это была Милли с фермы Конроев.

– Где ты была? Из-за тебя половина Йоркшира прочесывает сельскую местность.

– Мне холодно.

Сомнений в этом не было, девочка дрожала.

– Пойдем в дом. Согреешься.

– Не отправляйте меня назад.

Боясь, что она убежит, я взяла Милли за руку.

– Идем. Все хорошо, все будет хорошо.

Если у меня когда-нибудь будут дети, я скажу им: «Никогда не верьте тому, кто говорит вам, что все будет хорошо».

Оказавшись в доме, Милли отшатнулась к двери. Свет от камина и лампы наполнил комнату тенями.

– Сядь у камина, погрейся.

Она подошла к огню и протянула руки к пламени, пробивавшемуся сквозь недавно положенный уголь.

– Не так близко, а то обожжешь руки.

Я налила ей стакан молока. Девочка взяла его у меня и стала жадно пить.

– Пей медленно.

А я могла бы научиться управлять детьми. Возможно, я ошиблась в выборе профессии, и нужно было пойти в директора школы. Хотя имелось небольшое препятствие – она, похоже, не слушала. Милли оглядывалась вокруг, как будто ожидала какой-то ловушки.

– А где тот добрый человек?

Сайкс, должно быть.

– Ты говоришь о мужчине с чулками?

– И шоколадом.

– Сегодня он дома, со своими детьми.

– Вы его мать?

Думаю, Милли имела в виду «жена», но не стала спорить.

– Нет. Я здесь присматриваю за Гарриет и Остином.

Ребенок выглядел оголодавшим и неухоженным. С крючка за дверью я сняла шаль и накинула Милли на плечи. Я заметила маленькую табуретку, как раз подходящего размера для найденыша. Поставила ее у камина.

– Садись сюда. Думаю, ты хочешь есть.

Девочка смотрела на огонь.

Я принялась резать хлеб. Рука у меня соскользнула. Я едва не отхватила себе указательный палец. Не она ли подожгла коровник? Я приютила маленькую поджигательницу. Вот почему она убежала.

Мне так и представилось. Мэри Джейн выпускают из полиции с незапятнанной репутацией, и вот она стоит перед обгорелыми руинами этого коттеджа. Сержант Шарп говорит: «Простите, миссис Армстронг. Видимо, миссис Шеклтон ненамеренно впустила в дом маленькую поджигательницу. Она и ваши дети быстро превратились в пепел. Мы, добродетельные жители деревни, спали в это время в своих постелях».

– Вот.

Я подала ребенку тарелку – хлеб с маслом и кусок ветчины.

Милли проглотила все.

– Я согрелась. Теперь пойду.

Спеша уйти, она опрокинула табуретку.

– Там слишком темно и холодно. Остайся на ночь.

Она обдумала мое предложение.

– Где?

– Где хочешь. Здесь на коврике. Я найду для тебя одеяло, а хочешь – на кровати наверху.

– Здесь.

Она уселась на вязаный коврик.

Я опустилась в кресло-качалку, передала ей подушку и шаль Мэри Джейн. Еще какое-то время она смотрела на огонь. Возможно, произойдет вариация на тему, и вместо спичек Милли с легкостью управится с каминными щипцами, разложив горящий уголь в стратегических местах по всему дому.

Милли легла, положила голову на подушку и закрыла глаза.

Когда девочка крепко уснула, я взяла ее на руки и понесла наверх; ее тоненькие, как прутики, руки и ноги болтались, напомнив мне Этана Армстронга на носилках, указывавшего пальцами на землю.

Толкнув дверь в спальню Мэри Джейн и Этана, я внесла Милли, неловко откинула покрывала и положила ее на кровать. За время трех-четырех минут нашего путешествия несколько блох перепрыгнули на меня с девочки.

Прости, Мэри Джейн. Придется тебе прокипятить свои простыни, если ты когда-нибудь сюда вернешься.

Я стояла у кровати. Милли проснулась, но притворялась спящей. Осторожность, словно электрический ток, держала ее тело под напряжением. Мне придется следить, чтобы она не спустилась вниз, не утащила свечу и не занялась своим делом.

Я отказалась от мысли сходить в торгующий на вынос отдел «Руна» и купить бутылку джина. Да и все равно уже слишком поздно.

Милли открыла глаза.

– Чей ты ребенок? – спросила я.

– Ничей.

– Как твое полное имя?

– Милли Фезерстоун.

– Как ты оказалась в Йоркшире, ты ведь родом из Ланкашира?

Однако она закрыла глаза. Я оставила ее спящей.

Потом я заглянула к Гарриет и Остину. У Гарриет сна не было ни в одном глазу.

– Кто пришел?

– Только потерявшаяся девочка. Та девочка с фермы.

– Я рада, что она пришла. Она вытащила Остину из огня.

– Что?

Но Гарриет закрыла глаза и ничего больше не сказала, кроме:

– Не жалуйтесь на нее. Она ни в чем не виновата.

Стук в дверь был таким легким, что поначалу я подумала, это ветер балуется веткой яблони.

Я открыла и увидела немного отступившего от двери Маркуса.

– Ты должна была спросить, кто это, – заметил он. – Никогда не знаешь, кто может бродить вокруг в такую ночь, как эта.

Первая моя мысль была о Мэри Джейн, что с ней что-то случилось или она призналась.

– Входи.

Он вошел, и мгновение мы стояли в свете лампы.

– Садись, Маркус. – Я вернулась в кресло.

Он продолжал стоять.

– Я не могу остаться надолго.

– Ты сам приехал?

– Меня привез сержант. Он в машине. Я остановился подальше на дороге, чтобы не беспокоить детей шумом мотора.

Маркус взял у стола гнутый стул. Сел прямо, закинув руки за спинку стула.

– Боб Конрой...

Я перебила его, показывая на потолок и напоминая, что дети могут услышать.

Он снизил голос до едва слышного шепота:

– Боб Конрой признался в убийстве Этана Армстронга. Он говорит, что мистер Армстронг узнал, кто сообщал о его политической деятельности, и когда прямо спросил об этом Конроя, тот во всем сознался.

– Но он же продал ферму. Он собирался уезжать. Какая разница, что Этан узнал?

– Он не мог вынести стыда от содеянного. Он был уверен, что Этан всем о нем расскажет, включая его жену и Мэри Джейн, и поэтому убил его.

– Ты веришь его признанию?

Маркус посмотрел на огонь, потом на меня.

– Нет. Я думаю, что он пытается защитить Мэри Джейн.

Несмотря на его тихий голос, я вдруг ужаснулась, что Гарриет могла встать с постели и приложить ухо к полу.

– Может, он и правду говорит, Маркус.

– Это возможно. Я сохраняю беспристрастность. Этан Армстронг женился на женщине, которую любил Конрой. В политических кругах ходили слухи, что мистер Армстронг планировал баллотироваться в парламент.

– Поэтому специальный отдел им и заинтересовался?

– Да. У него была харизма, он был прирожденным лидером. Они с Конроем учились вместе и дружили, и возможно, Конрою была невыносима мысль, что его всегда будет презирать человек, который во всем – за исключением своей безумной политики – был лучше Конроя.

– Маркус, твои люди обыскивали коттедж и постройки во дворе. Ты приказал провести такой же обыск на ферме?

Маркус заколебался.

– Пока нет.

– А бумаги Этана, которые я тебе отдала, кто-нибудь их просмотрел?

– Да. Большая часть знакома, несколько неожиданных имен.

Мне стало тошно при мысли, что я передала имена и адреса рабочих, которые хотели всего лишь улучшения условий труда и повышения зарплаты. Но я отодвинула эту мысль в сторону и ухватилась за другую соломинку.

– Помнишь объявление хорошо обеспеченной женщины, ищущей хорошо обеспеченного мужчину? Папа считает, что это может быть какой-то шифр, но я попросила одного знакомого написать ответное письмо. Адресат – реальный человек, Маркус.

Он слушал, пока я рассказывала ему о письме мистера Даффилда, написанном от лица мистера Райта, об ответе и встрече, назначенной на завтрашний день.

– Пожалуйста, не обнадеживай себя, Кейт. Вероятно, есть совершенно простое объяснение, почему у мистера Армстронга хранилась эта газетная вырезка. Его интересовали самые разные социальные вопросы, а также права женщин – по крайней мере в теории. – В голосе Маркуса послышался мягкий укор. – Не стоило заходить настолько далеко, чтобы писать ответ на объявление. Я бы проверил этот почтовый ящик. Избавил бы твоего приятеля мистера Даффилда и эту предприимчивую леди от небольшой неловкости. – Он хотел добавить еще что-то, но передумал.

– Ты сообщил миссис Конрой, что ее муж под арестом?

– К ней сходил сержант Шарп. Он сказал, что Конроя лечат в больнице от ожогов и шока и он находится под действием успокоительных средств.

– Думаю, это принесет ей огромное облегчение. К тому же она обрадуется, узнав, что и Милли цела и невредима.

– Ты о чем, Кейт?

– Эта девочка, Милли, она совсем недавно тут появилась, замерзшая и умирающая от голода. Она страшно боится неприятностей. Я ее покормила и уложила спать. Как ты думаешь... я хочу сказать, что Гарриет и Остину с ней будет повеселее...

Это была не совсем правда. Гарриет и Остину и вдвоем было неплохо, а завтра они уедут к бабушке. Меня тревожила Милли. Если она действительно подожгла коровник, ей требовалась помощь, а не наказание.

Маркуса, похоже, судьба Милли не беспокоила. Он кивнул:

– Я пошлю кого-нибудь к миссис Конрой передать, что мы нашли девочку и о ней позаботились. Она не ранена?

– Нет. Только грязная, измученная и искусанная блохами.

Он улыбнулся:

– Что ж, это очень благородно с твоей стороны. Количество работы у нас обоих сократилось.

– Это, видимо, означает, что завтра мы не увидим тебя на воскресном обеде у моих родителей?

Маркус наклонился и поцеловал меня в щеку.

– Даже не думай, Кейт. Я ни за что на свете его не пропущу. Человек должен есть, и... – Он не упомянул о том, что это дело, по его мнению, было закрыто. Поднял меня из кресла и обнял. – Постарайся не слишком волноваться. – Он снова меня поцеловал. – Поспи, Кейт. И закрой за мной дверь на задвижку.

Я смотрела в окно, как его фигура исчезает в темноте. Заработал двигатель, и автомобиль скрылся в ночи.

Воскресенье

*Неужели дневное путешествие займет целый
день?*

С утра до ночи, друг мой.

Кристина Россетти

Глава 1

Трое детей сидели за столом, перед каждым стояла миска с кашей. Гарриет разминала комки каши ложкой. Остин в шутку прилепил комок каши на подбородок вместо бороды. Милли ела быстро, не отрывая глаз от еды. Закончив, она дочиста вылизала тарелку.

– Милли. Расскажи, что произошло в ночь пожара.

Она смотрела в тарелку, словно читая там ответ.

– Это не я! – закричал Остин.

– И не я, – эхом откликнулась Милли.

– Я никого не обвиняю. Просто хочу узнать. Милли, где ты была, когда начался пожар?

– В своей кровати.

– Она спит внизу, – вмешалась Гарриет, – на кровати, которая выдвигается из стены на кухне.

– Расскажи мне, что ты видела, Милли.

Девочка поняла, что можно поторговаться:

– Я хочу чаю.

Гарриет налила немного своего чая в тарелку Милли. Та взяла тарелку и стала пить. Когда она закончила, я повторила свой вопрос.

Она уставилась в пустую тарелку.

– Мистер Конрой громко стучал в дверь. Это меня разбудило. Миссис Конрой спустилась. Она не хотела пускать его в дом, потому что он был пьяный. Она пошла за ним.

– Что ты имеешь в виду?

– Чтобы убедиться, что он ушел от двери и больше ей не помешает. Я снова закрыла глаза. И опять услышала шум, но не хотела смотреть. – Она уставилась на Остину.

– Это был не я, – занял Остин.

– Да, это был не он, – подтвердила Милли. – Остин проснулся и плакал снаружи. Огонь уже разгорался.

Остин расплакался, будто должен был иллюстрировать эту историю своими действиями.

– Мне было холодно, очень холодно, и Гарриет там не было.

Гарриет заставила его замолчать и повернулась ко мне:

– Иногда Остин ходит во сне.

Это не объясняло, как он оказался на улице, разве что дверь оставалась

открытой или Милли вывела его наружу, чтобы свалить вину за пожар на мальчика.

– Что случилось дальше, Милли?

– Я поняла: что-то происходит. Пошла и увидела огонь. Я выпустила коров.

Она покраснела и отвернулась. Я догадалась, что о коровах она проявила больше заботы, чем об Остине, и улыбнулась ей.

– Ты очень хорошо поступила, выпустив коров. Ты спасла им жизнь. Что дальше?

– Мистер Конрой катался по земле. У него горела одежда, и он катался и катался, а потом взял Остина на руки и побежал.

– Где была миссис Конрой?

– Не пустив мистера Конроя в дом, она ушла спать.

От громкого стука в дверь мы все застыли, как статуи. Я смотрела, как начала двигаться веревочка, на которой висел ключ. Тогда я бросилась вперед и схватила ее, удерживая ключ.

– Кто дома? – Это была миссис Конрой.

Я кивком велела Милли уйти наверх, что она тихонько и сделала.

Я чуть-чуть приоткрыла дверь.

– Миссис Конрой. Простите, но я не могу вас впустить. Дети измучены.

– Миссис Армстронг поручила их мне. Я не могу ее подвести.

Я вышла на крыльцо, закрыв за собой дверь.

– У вас своих неприятностей хоть отбавляй, а детей заберет бабушка. – Я коснулась руки миссис Конрой. – Я слышала о пожаре. Даже не знаю, что и сказать. Всем сердцем вам сочувствую. Я передам Мэри Джейн, какую доброту и внимание вы проявили, придя проведать детей.

Сердце у меня колотилось. Если она захочет силой войти в дом, сцена разыграется пренеприятная.

– Моя девочка тоже пропала. Полиция держит ее под арестом, хотя, конечно, мне ни о чем не говорят.

– Какой ужас. Сходите к сержанту Шарпу. Уверена, он вас успокоит. Я бы пошла с вами, но скоро приедет бабушка детей.

Это помогло. Возможно, сама я на эффективное средство устрашения не тянула, но с довеском в виде прибывающей бабушки вынудила миссис Конрой ретироваться.

Я пожелала ей всего доброго, вошла в дом и закрыла дверь. Когда я повернула ключ в замке и прислонилась к двери, то вся дрожала. Конечно, моя затея тянула на похищение, но Милли выглядела слишком хрупкой,

чтобы выдержать бремя вины за поджог.

Гарриет подошла к окну и задернула занавески.

– Мне не нравится темнота, – пожаловался Остин.

– Приходится задерживать занавески, когда кто-то умирает, – мягко проговорила Гарриет.

– Кто умер?

– Папа умер.

– Но это было раньше. Это было не сегодня.

Гарриет не обратила на него внимания.

– Бабушка, правда, сегодня приедет?

Негоже было лгать детям.

– Думаю, мы избежимся от многих неприятностей, если сами туда поедем. И Милли отвлечется, если поедет с нами.

По дороге я заскочу домой освежиться и взять наряд для крайне важного семейного воскресного обеда.

И снова я очутилась в Уайт-Свон-ярде, в том районе Уэйкфилда, где родилась. Старый пес миссис Уитекер лежал на каменных плитах двора. Он бил хвостом, не трудясь встать, пока Гарриет и Остин шли к двери и вбегали в дом.

Милли следовала за ними с робостью. Мне стало жаль ребенка, которому снова предстояло осваиваться с незнакомыми людьми.

– А можно мне поехать с вами?

Я прикинула. Очень скоро я буду в доме родителей в Сэнделе. Я сознавала, что мероприятие и без того будет непростым, поскольку Маркус в первый раз встречается с моим отцом, отважный мистер Даффилд приедет ради назначенного на четыре часа свидания с хорошо обеспеченной женщиной, а мамина подруга вызвана для ровного счета за ужином и чтобы оценить мистера Даффилда.

От ответа меня избавила миссис Уитекер, появившаяся на пороге и протянувшая Милли руку.

– Идем, детка. Не стой на холоде. Тебя Милли зовут, да?

Милли сразу повеселела и вошла в дом в сопровождении пса Бенджи.

Обернувшись, миссис Уитекер велела Гарриет и Остину позаботиться о маленькой гостье и вышла во двор.

– Здравствуй, милая.

– Здравствуйте.

На ней был шелковый воскресный фартук с ярким узором из весенних цветов.

– Есть какие-то новости?

Я не могла назвать ее матерью. Не могла называть ее и миссис Уитекер, слишком уж официально.

– Мэри Джейн пока отпустили из полиции. Она находится у Леджеров. За нее ходатайствует их адвокат.

Услышав это, она нахмурилась. Возможно, Мэри Джейн поделилась с ней секретом о детях Леджеров или Этан высказал свое мнение об этих членах «приличного» общества.

– Что твой отец... что суперинтендант Худ говорит обо всем этом?

Что твой бывший зять был агитатором, находился под наблюдением и что твоя дочь, возможно, убийца.

– Я сейчас туда еду. Как только что-то станет известно, я сообщу.

Миссис Уитекер сунула руки в карманы фартука.

– Мне это кажется бесполезным. Поможет ли делу, если я поеду и выступлю в ее защиту? Ее ведь не... – Она не смогла заставить себя закончить предложение.

– Уверена, мы во всем разберемся и она вернется домой.

– Хотя дома у нее не будет, верно? Без Этана. Это дом для работников каменоломни.

– Давайте не будем забегать вперед, миссис Уитекер. – Это «миссис Уитекер» у меня все-таки вырвалось и заставило закончить более оптимистично, чем я чувствовала в тот момент: – Я уверена, все образуется.

Нет, не уверена. И понятия не имею, как все образуется.

– Я надеюсь на это, Кэтрин, и молюсь об этом.

– Что ж, до свидания. Я заеду за детьми.

Невежливо было оставлять ее так поспешно, но мне нужно было добраться до родительского дома. В животе у меня урчало от волнения. Я хотела, чтобы Маркус не пришел из-за занятости. Я хотела, чтобы он приехал пораньше и сообщил, что предъявил Бобу Конрою обвинение в убийстве и освободил Мэри Джейн.

Я страшилась этого торжественного взгляда, нежности в голосе, если он скажет слова, которых я боялась. Прогнать эту мысль. Благодаря мне славный мистер Даффилд откажется от своей обычной воскресной рутины, подтянет галстук и преисполнится решимости встретиться с незнакомыми людьми и с миссис Александер, автором маленького объявления. Впрочем, ее объявление вполне может оказаться тайным кодом. Может, в четыре, с последним ударом часов, в дом, спотыкаясь, войдет анархистка с черной бомбой под мышкой и отправит всех нас на тот свет?

Всякий раз, когда я приезжаю в гости к родителям, папа просит с помешанного на автомобилях соседа осмотреть «Джоуитт», так как не верит, что я способна поддерживать шины в нормальном состоянии.

Сосед, молодой человек с буйной шевелюрой и аккуратной бородкой, жил вместе с матерью. Он ждал, поглядывая на меня, как суетливая старая дама. Крикнул:

– Все еще бегают! – Через мгновение он уже стоял рядом, слушая шум мотора, словно дирижер, выявляющий фальшивую ноту. – Вы в последнее время проверяли испаритель, миссис Шеклтон?

Я призналась, что нет.

– Позвольте мне этим заняться.

Я с улыбкой поблагодарила и взяла свою сумку. Одно время моя мама подумывала о нем в связи со своей овдовевшей подругой Мартой, но с неохотой пришла к выводу, что у Марты Грэм нет достаточного количества неисправных механизмов, чтобы заинтересовать автомеханика-любителя. Мой «Джоуитт» исчез в гараже, причем с довольным видом, если такое возможно у машин.

Мама проводила меня наверх. Пока я смывала автомобильную пыль и причесывалась, она разложила на кровати мое платье.

– Какое милое, Кейт.

Платье с запахом, новомодного фасона, из бирюзового шелкового крепа, с узкими вставками, весело расшитыми шелком более темного оттенка и металлическими нитями. Металл мне не нравился, но мама со мной не согласилась.

– Что тебе нужно, так это мою подвеску с бирюзой и такой же браслет.

Она едва успела застегнуть на мне подвеску, как в дверь позвонили.

– Наш первый гость. – Она прислушивалась, пока Памела, горничная, впускала его. – Это твой библиотекарь из газеты.

– Мистер Даффилд. Хорошо. Мне нужно поговорить с ним до прихода остальных.

– Херес в гостиной. Памела проведет его туда. Я позволю тебе с ним поздороваться и даю вам пять минут.

Мистер Даффилд сиял и лучился.

Его лицо порозовело от тщательного бритья. Обычно неукротимые брови лежали прямыми линиями, как приклеенные. Волосы он, наверное, разобрал на прибор мечом. Я пожалела, что он не выбрал более парадный костюм и какой-нибудь полосатый галстук, но теперь было уже слишком поздно. Мистер Даффилд нарядился в своей неподражаемой манере. В галстук-бабочке насыщенного красно-коричневого цвета и длинном

пиджаке он, казалось, вышел из салуна на Диком Западе. Отнести его обувь к какой-либо эпохе я затруднилась. Эльф мог бы полюбоваться своим отражением в сияющих острых носках его туфель. Он улыбнулся мне с неподдельным облегчением, словно я была кавалерией, в нужный момент примчавшейся из-за холма.

– Большое вам спасибо, что пришли, мистер Даффилд. Выпьете хереса?

Он взял бокал сухого хереса и немедленно признался:

– Я приехал немного пораньше, потому что мне крайне не по себе из-за всей этой затеи. Чем больше я об этом думаю, об этой бедной леди, которую я вызвал на встречу исключительно обманным путем... Если бы вы проинструктировали, что от меня требуется...

– Конечно. – Не время было признаваться, что мне в равной степени не по себе. – Сначала будет ленч, мистер Даффилд, с моими родителями – мистером Деннисом Худом и Вирджинией, папа зовет ее Джинни.

Мистер Даффилд даже вздрогнул при мысли, что я могла предложить подобную фамильярность. Я не добавила, что мама также имеет право на титул леди Вирджиния.

– Я имел удовольствие познакомиться с миссис Худ вчера, когда она заехала в редакцию газеты.

– Да, разумеется.

– Очаровательная леди.

– И еще будет подруга моей мамы, миссис Марта Грэм, вдова, и мистер Маркус Чарлз.

– А мистер Чарлз является?..

– Моим другом. – Я сделала вдох. – Он старший инспектор Скотленд-Ярда.

Рука мистера Даффилда задрожала. Херес заплескался. Я наблюдала, гадая, переломит ли мистер Даффилд ножку бокала или выплеснет содержимое на ковер. Не сделав ни того, ни другого, библиотекарь осторожно поставил бокал на каминную полку, словно полное смятение не позволило ему заметить стоявший рядом журнальный столик. Закусил губу.

– Суперинтендант Худ, старший инспектор Чарлз и я принимаем участие в воскресном ленче, а затем я обманываю ничего не подозревающую даму. Наверняка...

– Мой отец и мистер Чарлз об этом знают. Это часть расследования. Вам будут благодарны полицейское управление Уэст-Райдинга и Скотленд-Ярд.

Мне-то вряд ли, а вам – наверняка.

Он ждал, что я продолжу. В этом проблема с мужчинами, служившими в армии. Они или отдают приказы, или их выполняют. В своей империи в пределах редакции мистер Даффилд отдавал приказы. Но здесь, в его глазах, было мое королевство. Я оказалась на высоте.

– Мы закончим ленч так, чтобы у вас было время подготовиться к четырехчасовой встрече с вашей гостьей, миссис Александер. Вы проведете ее в эту комнату, поэтому, пожалуйста, освойтесь здесь. Бокалы для хереса там, сухой херес и херес сладкий. Когда она придет, горничная Памела впустит ее и возьмет у нее пальто. Ее проведут сюда, а вы сюда придете для встречи с ней, поздоровайтесь с ней за руку. Днем у нас в этой комнате солнце, поэтому постарайтесь сесть спиной к окну, чтобы хорошо видеть эту женщину. Как только она усядется и даже если согласится выпить хереса, потяните за шнурок звонка у камина. Памела вернется, и вы попросите принести чай.

Мистер Даффилд по-мальчишески поднял руки:

– А если миссис Александер не захочет чаю?

– Там будет кекс к хересу. Расскажите о себе правдиво, но очень просто, придерживаясь изложенного в письме.

Мистер Даффилд в панике проговорил:

– Я не помню, что я говорил.

Я напомнила ему о его вдовстве, доходе, собственности и причине, по которой он живет здесь.

– А если ее объявление было тайным кодом, как вы отчасти подозревали, и она задаст мне вопросы, на которые я не смогу ответить?

– Ну, тогда она поймет, что вы безобидный человек, ничего не знающий о коде. Если она задаст вам обычные вопросы, которые покажутся вам неприятными, скажите, что очень хотите узнать о ней побольше и очень польщены, принимая столь прелестную даму в своем скромном жилище.

С видом, близким к ужасу, он обвел гостиную взглядом.

– Оно не скромное.

– Пустите в ход присущее вам обаяние. Бросайте на нее восхищенные взгляды, заслуживает она их или нет. Слушайте ее.

– А если я окажусь помолвлен обманным путем?

– Все будет в порядке, поверьте мне.

Прежде чем он успел поведать о новых тревогах, в комнату вплыла мама. На ней было платье персикового цвета с ярусной юбкой и вторые по красоте жемчуга.

– А, мистер Даффилд, как приятно вас видеть. Мой муж с нетерпением

ждет возможности узнать все о вашей работе в библиотеке при газете. Я сказала ему, что вы прекрасно информированы на любую тему под солнцем.

Мистер Даффилд встал по стойке «смирно». Мамина лесть рассеяла его тревоги. Я оставила его в ее надежных руках, когда в дверь позвонили. Это пришел Маркус.

Он поцеловал меня.

– Кейт, ты выглядишь, как всегда, восхитительно.

«Всегда» было ложью, но бирюзовый цвет действительно мне идет.

Несколько минут мы простояли в холле, и я пожалела, что мы не останемся одни, но, разумеется, приход Маркуса имел свою цель. Из кабинета показался папа, и я представила их, затем все мы перешли в гостиную выпить хереса.

Марта Грэм прибыла последней. Это стройная, энергичная женщина, которая по-настоящему оживляется, когда играет в бридж. Мама представила ее Маркусу, а затем втянула в беседу с мистером Даффилдом. Это помогло отвлечь его от предстоящего задания и, возможно, позволило немного попрактиковаться в обходительности.

Папа увел меня в дальний угол комнаты. Под видом беседы о его визите к дантисту он сказал:

– О чем ты только думаешь, Кейт, устраивая здесь форменное брачное агентство?

– Я не думала, что так получится. Они должны были встретиться в отеле.

– Вот здорово будет, ты не находишь, если этот твой человек провалит все дело и закончится тем, что оскорбленная особа женского пола подаст в суд за нарушение обещания и я буду стоять в суде и объяснять, как это все случилось под моим кровом.

– Папа...

– Не надо мне твоего «папа». Предполагалось, что я познакомлюсь с твоим другом мистером Чарлзом.

– Ну, ты же с ним знакомишься!

Я испытала облегчение, когда подали обед и мы все сели и принялись за йоркширский пудинг.

– Мы всегда едим йоркширский пудинг как первое блюдо, – объяснила мама Маркусу.

Папа добавил:

– Когда Кейт была маленькой, она никогда не ела пудинг, пока я не вырезал в нем окна и двери, превращая в маленький домик.

Маркус поймал мой взгляд и улыбнулся.

Мистер Даффилд оказался идеальным гостем. Он рассуждал о том, кто сменит Бонара Лоу на посту премьер-министра – мистер Болдуин или лорд Керзон? Он полагал, что мистер Болдуин, поскольку консерваторы пытались казаться не столь уж аристократичными и высокородными. Они с папой согласились, что в Афганистане не видно конца беззаконию. Мама успешно увела разговор от политики, предоставив миссис Грэм возможность поговорить о своем саде.

Только когда маленькие французские часы пробили четверть часа, все зашевелились на стульях, и мистер Даффилд посмотрел на меня, ожидая приказов.

Миссис Грэм явно была предупреждена заранее о времени своего ухода, потому что посмотрела на часы, пробормотала: «Боже мой», – и исчезла так быстро, как Золушка с бала, но не раньше чем тепло попрощалась с мистером Даффилдом.

Мистер Даффилд занял позицию в гостиной.

В дверь позвонили только десять минут пятого.

Я едва не выпрыгнула из кожи.

Мы, обитатели столовой, сидели в неестественной тишине, пока Памела открывала дверь. Я слушала, приложив ухо к щелке в двери.

Памела пригласила посетительницу войти и предложила взять ее пальто.

– Спасибо. На улице довольно прохладно.

Голос принадлежал образованному человеку – округленные гласные и четко проговариваемые окончания слов; слишком четко, пожалуй. Это был голос женщины, которая лишь недавно начала заниматься собой.

– Миссис Александер? – с улыбкой в голосе спросил мистер Даффилд.

– Да. Вы, должно быть, мистер Райт.

Дверь закрылась.

Больше я ничего не услышала.

Маркус перехватил мой взгляд, молча спрашивая, кого или что я ожидала или подозревала. Когда я не ответила, он улыбнулся мне, одновременно по-доброму и раздражающе снисходительно.

Мама что-то прошептала папе, выражение лица которого предвещало грозу.

Памела бесшумно прошла по коридору с подносом и постучала в дверь гостиной. Она должна была войти и дать описание гостя, но не сделала этого.

Двадцать минут растянулись до получаса, до сорока пяти минут. Чем

там занимался мистер Даффилд? Это задумывалось как краткий тет-а-тет, а не разработка десятилетнего плана.

Я больше не могла выдержать напряжения и вызвала звонком Памелу, не смея выйти в коридор и разрушить прикрытие мистера Даффилда.

Через некоторое время дверь открылась. Преувеличенно шевеля губами, Памела еле слышно проговорила:

– Простите, я забыла.

Забыла? Как она могла забыть?

Девушка подошла к столу.

– Как она выглядит?

Памела на мгновение задумалась.

– Вы знаете эту фотографию Полы Негри, с мушкой?

– Нет.

– Ну, так она похожа на нее, но без мушки, и брови не заходят у нее так далеко на виски, как у Полы Негри.

– Значит, волосы у нее темные? – уточнила я.

– Да. – Памела посмотрела на мою мать.

Та сказала:

– У Полы Негри лицо кругловатое, в нем что-то от знойной женщины.

– Она носит очки в золотой оправе, – добавила Памела. – Эта дама, а не Пола Негри. – Она секунду подумала. – Вид у нее серьезный.

– А какая фигура?

– Пышная.

– Ну? – спросил папа.

Одновременно Памела прошептала:

– Как там мой рыжик, миссис Шеклтон?

Рыжик? Я не знала, что ответить.

– О Кейт, – вмешалась мама, – ты знаешь, рыжий котенок из помета Соуки, которого ты обещала Памеле.

– А.

Рыжего котенка у Соуки не было.

– Он очень хорошо себя чувствует, Памела. Я ему все про тебя рассказала. Только он не полностью рыжий.

Папа, кажется, готов был взорваться.

Памела улыбнулась и пошла из столовой. Я догнала ее у самой двери, все еще отчаянно надеясь получить хоть малейшее доказательство, что я была права.

– А как она одета, эта миссис Александер?

– В темную юбку и голубую блузку, довольно красивые чулки из

искусственного шелка и туфли-лодочки на каблуке. Пальто у нее двустороннее.

– О?

– Да. Это накидка. С одной стороны бутылочно-зеленая, а с другой – клетчатая.

– Принеси ее, быстро.

Памела принесла накидку и подала мне. Я продемонстрировала ее так, словно это была улика «А» в самом скандальном процессе в Олд-Бейли – сначала зеленой стороной, а затем – клетчатой. Точно такая же, как у Мэри Джейн.

– Это она. Это та женщина, которую видели рядом с каменоломней.

Я вернула накидку Памеле.

Девушка вышла из комнаты и повесила пальто как раз вовремя, потому что через пару секунд дверь гостиной открылась.

– Памела, – бодро позвал мистер Даффилд. – Я провожу миссис Александер до железнодорожного вокзала.

– Не стоит, мистер Райт, – запротестовала дама.

– Прошу вас, – сказал мистер Даффилд, на сей раз отдавая приказы. – Я настаиваю.

Никто в столовой не откликнулся на мое заявление: «Это она».

Едва дверь закрылась, я снова сказала:

– Рядом с каменоломней видели женщину в клетчатой накидке. Это объявление было в кармане у Этана. Мы должны что-то сделать!

Я переводила взгляд с Маркуса на папу и обратно.

Последовала пауза, во время которой все за столом обменивались взглядами. Что нам делать? Бежать на улицу и задерживать ее?

– Если вы за ними не пойдете, пойду я.

– Нам придется разобраться в этом до конца, – сказал Маркус, покусывая губу. – Надо было держать под рукой констебля, только...

Он любезно воздержался от замечания, что не верит мне.

Папа встал. Протянул руку маме.

– Давай, Джинни. Мы идем на прогулку. Кейт, принеси матери пальто.

Мама встала, собираясь сказать, что ей нужно сменить обувь, но я не дала ей времени. Едва за мистером Даффилдом и миссис Александер закрылась дверь, я бросилась в холл и схватила с вешалки мамино пальто.

– Вероятно, это сумасбродная затея, – сказал папа, – но мы не можем зайти так далеко и не довести это дело до конца.

– Подождите, сэр, – вступил Маркус. – Мой водитель ждет на кухне. Он довезет вас до трамвайной остановки, и вы сможете следовать за

трамваем, чтобы посмотреть, действительно ли она едет на железнодорожный вокзал.

Папа кивнул:

– Очень кстати.

Вид у него был грозный, и позднее меня, без сомнения, ждала нотация.

Когда они ушли, Маркус произнес:

– У тебя приятные родители.

Этот день должен был идти не так. Они потакали мне из-за Мэри Джейн. Потом они смогут сказать: мы сохраняли объективность. Мы пытались обелить ее имя.

Глава 2

С самых первых дней замужества, когда она шокировала свою аристократическую семью, выйдя за офицера полиции и переехав в Уэйкфилд, леди Вирджиния, или Джинни Худ, кем она стала, всегда переживала, что не умеет правильно помочь. Однажды, когда ее попросили временно заменить надзирательницу, присматривавшую за арестованной женщиной, леди Вирджиния принесла в камеры Уэйкфилда две унции чая «лапсанг сушонга» и бисквитный торт. После этого инцидента Деннис, затем инспектор Худ, никогда больше не обращался к своей жене за помощью.

И вот теперь она снова пыталась сделать все от нее зависящее, когда они с Деннисом, теперь уже суперинтендантом Худом, уселись в автомобиль, готовый следовать за мистером Даффилдом и его таинственной спутницей, и поехали за трамваем. Она должна попробовать, ради Кейт, осуществить наблюдение с крайним старанием и осторожностью.

Деннис и Джинни вышли из машины у Уэстгейтского вокзала. Она наблюдала, как этот славный мистер Даффилд прощально машет рукой даме, которая, не оборачиваясь, вошла в здание вокзала. Джинни справилась с искушением встретиться взглядом с мистером Даффилдом – она с нетерпением ждала завтрашней встречи с Мартой Грэм, чтобы узнать, правильно ли ей показалось, что между ними проскочила искорка интереса. Мистер Даффилд с отменной учтивостью передал миссис Грэм соусник.

В магазине Смита Джинни купила «Санди пикториал» и плитку шоколада «Файв бойз». На платформе она спокойно разговаривала с Деннисом, сама не понимая о чем. Он вежливо слушал, согласно кивал и сверял свои часы с вокзальными. Периодически Джинни бросала украдкой взгляд в сторону миссис Александер, которая невозмутимо стояла шагах в двух от края платформы, не выказывая признаков удовольствия или возбуждения от недавней встречи с потенциальным поклонником.

Когда подошел поезд, миссис Александер поднялась в вагон первой. Джинни уже готова была броситься следом за ней, но Деннис придержал ее за руку, пропустив вперед молодую семью.

Джинни смотрела в окно. Только не ввязывайся в разговор, говорила она себе. Так неприятно будет почувствовать симпатию к женщине-преступнице. Опять повторится история с «лапсанг сушонгом».

Деннис читал «Пикториал».

На вокзале в Лидсе Джинни немного выждала и последовала за миссис Александер в дамскую комнату ожидания. Бесконечно долго Джинни пудрила нос и приглаживала волосы. Если бы не описание двусторонней накидки, она не обратила бы внимания на женщину, которая вышла из туалета, на женщину с короткими светлыми волосами, без очков и гораздо более худую, чем ехавшая в поезде дама в клетчатой накидке.

Джинни в последний раз провела ладонью по волосам, бросила два пенса в блюдечко смотрительницы и пошла за женщиной.

Деннис ждал жену немного в стороне от других путешественников. И все равно Джинни зашептала:

– Та блондинка, со стрижкой, это та же самая женщина, которая только что простилась с мистером Даффилдом. Она зашла в туалет и вышла переодетой. На ней был темный парик, Деннис, и она вывернула накидку на другую сторону.

Деннис кивнул контролеру.

Джинни с гордостью улыбнулась. У нее получилось; она помогла Деннису и Кейт. «Лапсанг сушонг» и бисквитный торт отошли в область преданий.

Глава 3

Мы с Маркусом почти не разговаривали, пока ждали, сидя рядышком на диване. Как только звякнул дверной звонок, я вскочила и побежала в холл, чтобы открыть мрачному мистеру Даффилду, вернувшемуся с вокзала. Он снял шляпу, отказавшись пройти в гостиную, так как собирался успеть на следующий трамвай.

– Я чувствую себя таким хамом по отношению к этой даме. Всего на мгновение, миссис Шеклтон, она тронула мое сердце. Я вдруг подумал, что мы могли бы пожениться, что она украсила бы мою жизнь и что как-нибудь вечером мы сидели бы у камина, я читал бы Троллопа, а она – какую-нибудь хорошую книгу или вязала.

– Я могу ошибаться, мистер Даффилд. Возможно, миссис Александер та, за кого себя выдает. Я руководствуюсь только своим ощущением и ее двусторонней накидкой.

– Нет, – печально проговорил он. – Она не дала мне своего адреса, но свяжется со мной. Что-то такое насчет сестры, которая не одобряет, и кое-что еще...

– Что еще, мистер Даффилд?

– Я смотрел, как она вошла в вокзал. Она помахала мне рукой. Я помахал и отвернулся, а потом снова посмотрел ей вслед. У нее изменилась походка. Не спрашивайте меня, как именно, но что-то другое появилось в том, как она ступала и как держала голову. Я знаю, мы все выгладим по-другому, оставшись одни, но тут было что-то еще, и я не могу сказать что, но я это увидел. Эти вещи угадываешь интуитивно, как намекали вы, миссис Шеклтон. – Он вздохнул. – Инстинктивно чувствуешь, понимаете, течет ли жизнь, как раньше, или она неуловимо изменилась. Моя жизнь течет, как всегда.

Он храбро улыбнулся, скрывая разочарование.

Маркус вышел в холл и слушал.

– Большое вам спасибо за помощь, мистер Даффилд. Вы выполнили свой гражданский долг, помогая нам таким образом.

Я улыбнулась Маркусу, довольная, что теперь он хотя бы делает вид, что со сдержанной признательностью воспринимает мой безумный проект. Изменение в походке миссис Александер можно приписать осознанию того, что она завоевала этого человека, или облегчению, что избавилась от чудака.

Мистер Даффилд надел шляпу.

– Что ж, всего доброго вам обоим.

Я смотрела, как он медленно уходит прочь с опущенной головой.

– Не расстраивайся так уж из-за всего этого, Кейт. – Маркус обнял меня за плечи. – Кто знает, но, может быть, ты подкинула своему приятелю пару идей? Может, очень скоро он и сам даст объявление о поиске жены.

– Или усовершенствуется в бридже, чтобы доставить удовольствие миссис Грэм.

Вернувшись в гостиную, мы сели на диван, но на сей раз не так близко.

– Кейт, когда это дело завершится, я тебя кое о чем попрошу и надеюсь, что ты ответишь согласием.

Я знала, что это будет за вопрос, или по крайней мере думала, что знаю. Старший инспектор Скотленд-Ярда не обедает в воскресенье с суперинтендантом полиции Уэст-Райдинга и его женой, планируя предложить их дочери сожительство во грехе или продолжение тайных встреч.

Маркус милый, но мы действовали по отношению друг к другу с осторожностью. Он не сказал об этом вслух, но считал, что мой план с письмом мистера Даффилда ни к чему не привел и что из-за двустороннего плаща я отправила мать и отца в безнадежную погоню. Словно очень чувствительные весы, что-то повисло между нами, сохраняя хрупкое равновесие.

– Памела! – Я побежала на кухню. На женщине были чулки из искусственного шелка. Как и на тысяче других женщин. Памела оторвалась от стопки тарелок. – Памела, у этой дамы были какие-то украшения?

Она мгновение думала.

– Сережки, по кольцу на руках.

– По кольцу на каждой руке, одно из них обручальное?

– Да.

– А другое – в виде пряжки?

– Кажется, да.

– А какие серьги?

– У нее проколоты уши. Я редко встречала дам с проколотыми ушами, поэтому, думаю, серьги были золотые.

– Вытянутые колечки, грушевидной формы, маленькие?

– Да. Будь они чуть побольше, их можно было бы назвать вульгарными, цыганскими.

– Спасибо, Памела.

– Тот котенок, какого он цвета, если не полностью рыжий?

Я представила это необычное существо.

– Он рыжий, полосатый и белый.

– О! – Она не могла скрыть своего разочарования. – Миссис Худ сказала, что это рыжий кот.

– Понятия не имею, какого он пола.

Маркус слушал в холле. Мы вернулись в гостиную, и он спросил:

– И кто же эта таинственная миссис Александер?

– Джорджина Конрой.

Он вздохнул:

– У тебя ограниченный выбор подозреваемых.

– Не поэтому. Это ее украшения.

– Памела говорила по внушению. Ты дала ей информацию.

– Джорджина и Боб Конрой поженились в январе двадцать второго года. Помню, я увидела эту дату в приходской книге и подумала, что он долго искал себе жену. Боб владел фермой совместно со своим братом Саймоном. Через четыре месяца Саймон погиб – несчастный случай, он упал в каменоломню, когда искал заблудившегося ягненка.

– Да, несчастный случай.

– Саймон больше не мешает, ферма принадлежит Бобу, и когда он умрет, в результате другого несчастного случая, она перейдет к Джорджине Конрой. Она уедет. Я спросила ее про объявление, которое нашла в кармане у Этана. Она заявила, что ничего о нем не знает.

– А Боба ты о нем спрашивала?

– Да, но к тому моменту она попросила его ничего не говорить, вероятно, под предлогом, что ей будет стыдно признаться, что она таким способом искала мужа. Боб что-то скрывал. Мне следовало на него нажать.

– Я с ним побеседую. Но он был пьян, когда начался пожар, Кейт. Она его не устраивала.

– Она умная, использует любую подвернувшуюся возможность.

Маркус взял меня за руку и мягко произнес:

– И она дает Мэри Джейн выпутаться из неприятностей, потому что у нее двусторонняя накладка? Я так не думаю.

Спорить смысла не было. В противном случае я только еще больше настроила бы его против Мэри Джейн. Поэтому я просто попробовала предложить ему другую идею:

– Этан ходил повидаться с Джорджиной якобы для того, чтобы поведать ей о своих семейных неурядицах с Мэри Джейн. А что, если он ходил повидаться с ней, потому что понял: она замышляет заставить Боба продать ферму? Этан обнаружил последнее объявление, составленное в тех

же самых выражениях, что и первое, и сообразил: за ним стоит она.

– В этом много натяжек, Кейт.

Я сказала больше, чем нужно. Достаточно было намека. Если Маркус не станет проверять Джорджину Конрой, тогда этим займемся мы с Сайксом. Но его сомнения поколебали мою уверенность.

Зазвонил телефон.

Памела дошла до него первой.

Мгновение спустя он заглянула в гостиную.

– Мистер Чарлз, это начальник станции в Лидсе, он хочет с вами поговорить.

– Спасибо.

Маркус вышел в холл. Я осталась в комнате, чтобы не смотреть, как он берет трубку, и слушать половину разговора. Я ждала.

Или это не имело никакого отношения к хорошо обеспеченной женщине, миссис Александер, или я была права и ее объявление что-то да значило. Только это не могла быть Джорджина Конрой. Даже голос был другой.

Памела вошла в гостиную и закрыла дверь, заглушив разговор Маркуса.

Вид у нее был смущенный. Она пришла сказать, что котенок не годится?

– В чем дело, Памела?

– Та дама-посетительница, когда я говорила о ее руках.

– Да?

– На правой руке на среднем пальце у нее бородавка. Я правильно сделала, что заметила это? Бородавка у любого может вскочить, правда?

– Да, полагаю, да. Спасибо, Памела.

– Как вы думаете...

– Что?

– Я могла бы доехать до вашего дома на трамвае и посмотреть на котят?

В Уэйкфилде, думаю, было полно никому не нужных котят, но странный гибрид Соуки заинтриговал девушку.

– Отличная идея, – ответила я, постаравшись придать голосу убедительность.

Памела казалась довольной собою.

– Я поговорю об этом с вашей матушкой.

Когда Маркус вернулся, по его лицу ничего нельзя было сказать. Он посмотрел на меня, словно я свалилась с другой планеты, а потом

произнес:

– Похоже, ты можешь оказаться права.

– О?

– Миссис Александер сняла парик и очки в дамской комнате на железнодорожном вокзале в Лидсе. Она вышла оттуда блондинкой, отнюдь не такой пышной, как особа, которая приходила сюда, и накидку вывернула на зеленую сторону. Может, она и не связана с убийством, но явно что-то затевает. Твой отец узнал у контролера, куда она едет. В Грейт-Эпплвик.

– Джорджина Конрой.

– Это возможно. Я не делаю скоропалительных выводов. Сержант Шарп встретит этот поезд.

Меня охватила паника. Сержант Шарп испугнет ее. Она сбежит. Маркус прочел эти страхи по моему лицу.

– Я хочу, чтобы он лишь подтвердил, что она сойдет с поезда, и заметил время на случай, если эта информация понадобится нам как улика. Мне бы хотелось задать этой даме несколько вопросов.

– Об убийстве Этана?

– Пока нет. Выдача себя за другое лицо – это преступление, нетяжкое, но преступление, если оно совершается с целью мошенничества или завладения собственностью.

– Выдача себя за другое лицо! Маркус, она убила Этана.

– Я попрошу побыстрее выдать ордер на обыск фермы.

– Маркус, у меня есть идея.

– Продолжай.

– Фермерский дом и надворные постройки будет крайне трудно обыскать. Есть один человек, которому известны там все углы и закоулки.

– Боб Конрой? Он не в том состоянии и все еще находится под подозрением.

– Эта девочка, Милли. Она запугана и боится миссис Конрой, но маленькие девочки всюду заглядывают. Позволь мне поехать туда с ней и посмотреть, что мы найдем.

Маркус нахмурился:

– И позволить миссис Конрой отказаться от всего, что бы вы там ни нашли, сказать, что сестра Мэри Джейн пришла в ее дом, чтобы обвинить ее в преступлении? Нет. Мы сделаем это обычным путем, Кейт, никаких оригинальных методов.

– Хорошо. Но у меня есть одно маленькое предложение.

Глава 4

Остин остался с бабушкой, во втором доме справа в Уайт-Свон-ярде. Милли же придерживалась такого мнения, что чем больше народу, тем безопаснее. Она поедет со мной на ферму, только если поедет и Гарриет. Девочки сидели рядом в машине, вдвоем втиснувшись в дорожное пальто Джеральда и закутанные в плед. Защитные очки были им великоваты, но это их, похоже, не смущало.

Я остановила машину на дорожке, которая вела к ферме Конроев, рядом с коттеджем фермы. Артур открыл дверь, но навстречу детям вышла миссис Шарп, жена сержанта полиции. Пес Билли опередил ее и прыгнул на Милли, облизывая ее лицо и виляя хвостом.

Гарриет глянула на меня:

– Когда я увижу маму?

– Скоро.

Я надеялась, что это будет скоро.

Когда они скрылись в крохотном коттедже, я поехала дальше и наконец оставила «Джоуитт» у ворот фермы.

С сумкой и коричневым бумажным пакетом в руках я вошла во двор.

Миссис Конрой очень долго не открывала. Пока я ждала, мне подумалось, что для выражения сочувствия пирог и фруктовый торт – это немножко слишком, достаточно было бы и чего-то одного.

Она улыбнулась мне, похоже, с облегчением.

– Входите. Я боялась, что это плохие новости о Бобе.

– Разве вы его еще не видели?

Я прошла за ней в безупречно чистую кухню.

– Они все обещают. Вы же знаете больницы – никогда ничего вам не скажут.

Я протянула ей бумажный пакет.

– Я подумала, что вам, наверное, не до готовки.

Она взяла у меня пакет и выложила на стол пирог и торт.

– Спасибо, но у меня нет аппетита.

Я заметила на приставном столике чайную коробку. Миссис Конрой собирала вещи. Перехватив мой взгляд, она произнесла:

– Нет смысла медлить. Теперь, когда ферма продана, мы уедем, как только Боб достаточно окрепнет. Скот продан.

– Миссис Конрой, я хочу вас кое о чем спросить.

– Тогда садитесь. – Она вздохнула. – Жаль, я с утра не ставила чайник. Но вы что-нибудь выпьете?

– Да, если вы съедите со мной кусочек торта.

– Вы меня уговорили.

Миссис Конрой ушла и вернулась с бокалами, бутылкой, тарелкой и острым ножом.

– Спрашивайте, – сказала она, нарезая фруктовый торт.

В течение нескольких секунд я не могла оторвать взгляда от ее рук. На каждой по кольцу, одно из них – в виде пряжки. Откуда-то в моей голове возникли слова: «По нашим делам вы узнаете нас». По вашим рукам мы узнаем вас. «У нее бородавка на среднем пальце», – сказала Памела.

Миссис Конрой налила в бокал домашнее вино.

На среднем пальце правой руки у Джорджины Конрой была бородавка.

– Миссис Конрой, зачем к вам приходил Этан?

Она передала мне кусок торта.

– Думаю, не будет вреда, если теперь я вам скажу, хотя мне очень не хотелось бы навредить Мэри Джейн.

Я пригубила вино, слишком сладкое на мой вкус.

– Не представляю, как можно еще ухудшить ее нынешнее положение.

– Этан пришел ко мне, потому что был несчастен и хотел попросить моего совета.

Вздор. Почему на самом деле приходил Этан? Потому что он, запоем читавший газеты, заметил ее личное объявление и связал с предыдущим, на которое откликнулся Боб Конрой.

Миссис Конрой налила вина и себе и подняла бокал:

– За лучшие времена. Всё пройдет.

– Ваше здоровье. – Я подняла бокал. – Почему Этан пришел к вам, а не к Бобу? В конце концов, они же были старыми друзьями.

– Я была жилеткой, в которую можно поплакать. Этан и Боб из-за чего-то поссорились, как мальчишки. Этан решительно возражал против того, чтобы Боб продавал ферму, и еще что-то было, но точно я не знаю.

Я не сказала ей об открытии Этана, что Боб доносит о нем и его политической деятельности. Возможно, миссис Конрой об этом не знала, хотя, думаю, от этой женщины мало что ускользало. Поддерживай разговор. Надеемся, что она себя выдаст.

– Миссис Конрой, я все пытаюсь понять, что произошло. Мне немного неловко, но Мэри Джейн и ваш муж, не были ли они... ну, ближе, чем следует?

Она прикусила губу.

– Знаете... Вот вы сказали, и мне интересно, не подозревал ли Этан, что между Бобом и Мэри Джейн что-то было. Они всегда хорошо ладили. Когда их видели вместе, нечто такое ощущалось. Понимание.

– Возможно, поэтому Этан и уговаривал Боба жениться, – подхватила я. – Кажется, Боб сказал мне, что именно Этан убедил его ответить на ваше объявление.

Миссис Конрой быстро на меня посмотрела. Ее губы приоткрылись, но она ничего не сказала.

– Извините. Он действительно пожалел, что сказал мне. – Я продолжила: – Разумеется, Мэри Джейн не знала, как вы познакомились с Бобом. Вам придется простить, что он мне сказал. Я застала его в минуту слабости, на церковном дворе, у могилы брата.

Поймать меня на лжи она не сможет – Боб в больнице, а сама она не в том положении, чтобы отрицать. Сомнений нет, миссис Конрой взяла с Боба клятву молчать о том, как они познакомились.

Джорджина молчала. Предполагалось, что я заставлю ее говорить, но говорила пока только я. Крепкий она орешек.

– Боб сказал, что видел, как вы выходили из дома священника. Что вы, наверное, разговаривали с мисс Тримбл.

Отрицание последовало быстро, слишком быстро. Губы миссис Конрой сомкнулись в жесткую линию.

– К чему вы клоните? В понедельник я с фермы не уходила.

Я не упомянула понедельник. Теперь настала моя очередь ждать.

Миссис Конрой повела разговор:

– К мисс Тримбл я не ходила. К ней пошел Боб. Он думал оплатить памятный витраж в честь своих родителей и брата.

– Ах да. Его брат погиб в результате несчастного случая вскоре после того, как вы с Бобом поженились. – Я держалась легкого, сочувственного тона, без намека на обвинение. – Мисс Тримбл решила, что видела у каменоломни Мэри Джейн. Но ведь это были вы, не так ли?

Миссис Конрой взяла бутылку и подлила себе каплю, предложила мне. Я отказалась.

Твердой рукой она поставила бутылку на стол и взяла бокал.

– Какое неприятное дело. Мы все на нервах. Но вы ошибаетесь.

– Что меня озадачило, так это смерть брата Боба, когда он искал в каменоломне заблудившегося ягненка. Там ведь не было никакого заблудившегося ягненка, правда? Вы сказали ему, что какой-то ребенок сообщил о заблудившемся ягненке. Этого ребенка так и не нашли – просто потому, что его не было. Вы это придумали. Вы пошли с ним и толкнули

его. Поэтому и ягненка не нашли.

Миссис Конрой засмеялась:

– Вы сошли с ума? Зачем мне это делать?

– А затем, что, когда вы убьете Боба, никто больше не заявит своих прав на ферму. Только Этан очень вам помешал. Он заметил, что вы забежали немного вперед и снова поместили в газете объявление. Когда я показала его Бобу, для него это стало большим потрясением.

– Вы делились с кем-нибудь своими безумными идеями, миссис Шеклтон?

Я повернула бутылку наклейкой к себе.

– Вино из одуванчиков. Оно должно быть сладким, если только чем-нибудь его не приправить. Вам нужно было остаться с мисс Тримбл, пока она не умрет.

Впервые Джорджина Конрой смутилась. Потерла большим пальцем бородавку.

– Она умерла. – Немедленно осознав свой промах, она попыталась отказаться от своих слов: – Доктор сказал, что она умерла.

– Мисс Тримбл со мной говорила. Пыталась мне сказать. Вы дали ей горький напиток и сказали, что это вино из одуванчиков. Вы думали, что ей хватит времени умереть до возвращения ее брата и экономки. У нее уже начали отниматься ноги, нижняя часть тела. Но каким-то образом она свалилась с дивана, поползла по комнате. А потом появилась любопытствующая я.

Миссис Конрой схватила острый кухонный нож. Когда она бросилась на меня, я вскочила, схватила стул и выставила его перед собой, как щит. Джорджина замахнулась ножом. Со всей силы я ударила ее стулом по руке. Нож со стуком упал на пол. Мы встали лицом к лицу.

– Слова мисс Тримбл ничего не значили до сегодняшнего дня, пока вы любезно не угостили меня своим домашним вином. Это его вы взяли с собой, когда пошли навестить ее? У вас есть особый рецепт одуванчикового вина, для убийства?

Миссис Конрой пристально смотрела на меня, ее лицо было похоже на маску.

– Что вам нужно?

– Я хочу, чтобы Мэри Джейн освободили, и ее освободят, потому что Боб признался. Мэри Джейн понадобятся деньги. Я полагаю, что вы, как хорошо обеспеченная женщина, уже отложили кое-что на черный день. Поэтому Этан вырезал ваше первое объявление, да? Он думал, что Боб найдет жену, которая поможет ему материально, поможет сохранить ферму

в трудные времена?

– О да, Этан именно так и думал, что я вложу приличные деньги в это место. У дурака деньги не задерживаются, но я не дура. Как предприятие эта ферма не стоит и пинты кислого молока. Но я ни в чем не признаюсь. Ваши обвинения абсурдны.

– Мне наплевать, что вы сделали. Я хочу помочь Мэри Джейн. Боб признался в убийстве Этана. Мэри Джейн освободят, но ей понадобятся деньги.

– Мэри Джейн мне нравится. Если ей понадобятся деньги, я помогу. Но вам-то что нужно? Зачем вы все это мне говорите?

Она рисковала отрицать и все же испытывала меня. Можно ли меня купить?

– Для себя? Ничего, только узнать, почему вы убили Этана?

Мы стояли на некотором расстоянии друг от друга. Я все еще держала перед собой гнутый стул на манер щита.

– Почему я убила Этана? Боб признался. Вы не знали Этана. Он втайне восхищался мною – человеком, которому наплевать на все условности. И что такого, если я искала мужа по объявлению?

Наконец-то признание. Будет ли оно единственным? Даже поссорившись с Бобом, Этан, возможно, все равно хотел пощадить чувства друга и его карман, предлагая Джорджине скрыться, не трогая денег Боба, вырученных от продажи фермы.

Мое молчание помогло. Она снова заговорила:

– Вы не можете связать меня с тем, что случилось с Этаном.

– Увидим.

Миссис Конрой криво усмехнулась, и от этой улыбки у меня кровь застыла в жилах.

– Значит... убийца ли я, так? Ну что ж, вы думаете, раз мы пили вино из одуванчиков из одной бутылки, вы в безопасности. Но вы не видели, что я брызнула на дно вашего бокала. Если вы поможете мне, я принесу противоядие.

Блефует она или нет?

– Тогда принесите противоядие для себя, потому что я поменяла бокалы местами, пока вы нарезали торт.

Она засмеялась:

– Умно. Вы с Этаном понравились бы друг другу.

– Да, думаю, мы могли.

– А вот Боб – дурак, выезжавший за счет Этана и лебезивший перед его женой.

Миссис Конрой шагнула ко мне, и возможно, ничего угрожающего в этом не было, но я не стала испытывать судьбу и со всей силы ударила ее стулом по коленям.

– Вот так вы заставили Этана упасть, прежде чем нанести ему смертельный удар молотком?

Она вскрикнула от боли и проговорила:

– Вы ничего не докажете.

Обычно мне несвойственна жестокость, но в одном Джорджина Конрой была права. Мне понравился бы мой зять. И меня разозлила мысль, что Гарриет и Остин вырастут без отца. Тем не менее я справилась с желанием прикончить ее, а потом заявить о самообороне.

– Мне ничего не придется доказывать, миссис Конрой. Но у меня такое чувство, что вам придется ответить на очень много вопросов.

В окно я увидела Маркуса, шагавшего через двор к дому, за ним – его сержанта с уверенным видом человека, имеющего в кармане ордер на обыск. Замыкал шествие сержант Шарп.

Я вышла на улицу.

Маркус поспешил ко мне, знаком указав двум другим на дом.

– Кейт! Ты должна была ждать в коттедже вместе с детьми.

– Да? Прости. Я подумала, что полезно убедиться, дома ли миссис Конрой. Сейчас она, к несчастью, поссорилась со стулом.

– Что там произошло?

– Сохраняй спокойствие, Маркус. Думаю, тебе будет интересно послушать, что скажет миссис Конрой.

Я рассказала ему о нашем разговоре и о тайне последних слов мисс Тримбл: «горько», «диванчик».

– Ты найдешь на столе бутылку вина из одуванчиков и еще, наверное, в кладовке.

Маркус проницательно на меня посмотрел.

– Если мы не найдем яд, твое подозрение непросто будет подкрепить. Мы не можем проверять на каждый известный яд, и не все они остаются в организме.

– Проверь, если возможно, на болиголов.

Маркус вздохнул с легким раздражением, будто у него и без моих заданий хватало дел. Но стал ждать, на чем я основываю свое предположение.

Я описала, как увидела мисс Тримбл в окно, проникла в дом и нашла дорогу в гостиную.

– Первой моей мыслью, когда я вошла в комнату, было, что мисс

Тримбл увидела мышь и зацепилась за коврик, а когда я подумала о цвете ее платья, на ум пришло определение «кротовая шкурка», хотя это был обычный серый цвет.

– Мышь? Кротовая шкурка? Как это привело тебя к болиголову?

– Видимо, я уловила какой-то мышиный запах. Единственный яд, который я помню из курса о лекарственных веществах и который имеет, по описанию, мышиный запах, – это болиголов. И это объясняет, почему мисс Тримбл еще могла говорить. Данный яд распространяется снизу вверх, медленно парализуя тело.

Маркус пристально посмотрел на меня, а затем медленно кивнул:

– Я поговорю с тобой позже, Кейт.

Когда он уже стоял у двери дома, я позвала его и догнала:

– Дети еще понадобятся тебе сегодня вечером?

– Нет. Миссис Шарп помогла мне разговорить Милли. Нелегкое дело. Милли сообщила, что это миссис Конрой подожгла коровник. По тому, что рассказала эта девочка, я понял, что ее собственный отец умер при подозрительных обстоятельствах.

– В Клитероу?

– Да.

– Там, где мисс Тримбл провела последнюю неделю. Джорджина Конрой, вероятно, боялась, что та проследит некоторые связи.

Дверь фермерского дома отворилась. Сержант Шарп вывел во двор Джорджину Конрой. От ее полного ненависти взгляда я похолодела.

– Отведите ее в машину, – распорядился Маркус.

Мы смотрели, как она уходит.

– Маркус, могу ли я понимать это так, что Мэри Джейн может покинуть Леджеров?

– Нужно будет оформить кое-какие документы.

К черту документы Маркуса. Мэри Джейн достаточно настрадалась. Я возьму Гарриет и Милли и заберу Мэри Джейн у Леджеров.

Глава 5

Сайкс прикатил перед самой полночью, нарушив покой нашей тихой дороги ревом своего позаимствованного мотоцикла. Я накинула домашний халат и спустилась вниз, чтобы впустить его.

Снимая шлем, он принес в прихожую дуновение свежего ветерка.

– Простите. Я увидел, что в доме нет света, кроме вашей комнаты, и подумал, что вы захотите получить отчет.

– Вы совсем окоченели.

– Я приехал из Отли. Передал информацию старшему инспектору Чарлзу. Он еще сидел в кабинете.

Я провела Сайкса в гостиную, где у затухающего камина сидела Соуки, здесь же стояла принесенная сверху корзина с котятками.

Сайкс потер руки над мерцающими углями.

– У меня зуб на зуб не попадает. Нет ли у вас чего-нибудь согревающего?

Ему потребовался час и несколько бокалов бренди, чтобы поведать свою длинную историю. Жена церковного служителя, кузина мисс Тримбл, много чего может рассказать о женщине, которую мы знаем как Джорджина Конрой, урожденная Уотерхаус. В Клитероу она была замужем за помощником адвоката на пенсии. Он умер от сердечного приступа всего через шесть месяцев после того, как его единственный сын погиб в результате несчастного случая в саду, упав с лестницы, когда подвязывал ветку яблони. После отъезда Джорджины приезжали полицейские из Манчестера, разыскивая эту женщину в связи со смертью ее предыдущего мужа.

– Интересно, почему она взяла Милли с собой?

Сайкс недовольно проворчал:

– Полезная маленькая рабыня. В отличие от вас, я составил о Джорджине Конрой не такое высокое мнение, увидев, как она обращается с Милли. Она привлекательная женщина и хорошая актриса. Всего лишь пустяк. Миссис Конрой не купила носки для Милли. Ребенок казался заброшенным с этим костром из пырея, в сабо и без носков. Я подумал, что-то тут не так.

– Надеюсь, Маркус сумеет припереть ее за это к стенке.

– О, он думает, что сможет. Все до единого осколки солнечных часов он отдал проверить на ее отпечатки. Хотя бы один отпечаток привяжет ее к

тому месту. И кое-что полезное он нашел во время обыска дома на ферме.

Меня удивило, что Маркус поделился этими сведениями с Сайксом, но ведь мы выполнили большую часть работы.

– Что именно он нашел на ферме?

– Он отдал на проверку химикам какие-то вещества. И еще там были удостоверения личности на разные фамилии, банковские книжки, документы на дома, унаследованные от прежних мужей. Мне интересно, когда она остановилась бы.

– Может, она не знала, как остановиться.

Мы немного посидели в молчании, глядя на огонь. Уголь потрескивал, и вспыхивали голубые и оранжевые язычки пламени.

Сайкс сказал:

– Мне жаль Боба Конроя. Его выпускают из больницы, поэтому я подумал навестить его, посмотреть, не нужна ли помощь. У нас вроде как завязались дружеские отношения в тот вечер в «Руне» и потом, когда я нашел его бродившим по пустоши. Что-то с ним будет, без фермы?

– Я нисколько не сочувствую этому идиоту. Он предал Этана. Ему следовало найти жену, не прибегая к газетным объявлениям, тогда Этан все еще был бы жив.

– Все равно Боб поплатился за то, что сделал.

– Хорошо. – Я пристально смотрела в огонь, словно это был хрустальный шар. – Выдержав приличную паузу, он женится на Мэри Джейн. В конце концов, он хорошо обеспеченный мужчина, и она будет хорошо обеспеченной женщиной.

– Нужно будет спросить его о Милли, собирается ли он о ней заботиться.

– Они с Гарриет, похоже, нашли общий язык. Возможно, Мэри Джейн возьмет девочку к себе.

Я подложила в камин полено. Несколько расточительно в такой неподходящий час, но все мысли о сне улетучились.

Сайкс откинулся в кресле, уставившись на искры, летевшие от осевшего на углях полена.

– Я все еще до конца не понимаю, зачем миссис Конрой убила Этана.

– Она допустила ошибку, используя одну и ту же формулировку, когда напечатала объявление, привлекающее Боба Конроя, и последнее, которое вырезал из газеты Этан. Она не могла рисковать, чтобы ее признали двоемужницей и убийцей, хотя бедный Этан этого не знал. Когда она утверждала, что он приходил к ней поделиться своими горестями, это была чушь. Я думаю, он велел ей убираться. Ошибка в том, что он не

сказал Бобу, но к тому времени они с Бобом отдалились друг от друга. Судя по тому, что я узнала об Этане, думаю, он все равно хотел пощадить чувства Боба. Точно мы никогда не узнаем.

– А солнечные часы она разбила, потому что можно было. И потому, что это помогало бросить подозрения на других людей, на других рабочих или даже на самого Этана – что он якобы впал в ярость и бросил семью и работу.

– Но инструменты она на всякий случай подкинула Мэри Джейн.

Еще с полчаса мы так и этак обсуждали случившееся, глядя, как занимается огнем полено. Наконец Сайкс поднялся и надел пальто.

– Что вы будете делать завтра, миссис Шеклтон? Возьмете заслуженный отдых?

– Есть одно личное дело, ради которого придется поехать в Норт-Райдинг.

– Вам нужен шофер?

– Нет. Это дело, которое мне нужно сделать в одиночку.

Понедельник

*Печальнейшие птицы
Находят время петь.*

Роберт Саутвелл

Эпилог

Погода была хуже некуда – лютая смесь ветра и ливня. Я ничего не видела за пеленой дождя. Вода проникала в машину под брезент. Папин сосед объявил, проверив мотор, что тот в порядке, но устарел по сравнению с более новыми моделями. На возвышенных местах ветер угрожал сдуть меня вместе с «Джоуиттом» в канаву. Что ж, если мне суждено умереть от пневмонии, то я прибыла в нужное место. В Кэттерикский госпиталь.

Он объединял такое количество строений, что я даже не знала, куда ехать. В итоге я заметила парня, который пытался укротить вывернутый зонт, и спросила направление.

Я поставила машину рядом с нужным, как я надеялась, зданием. Короткий рывок до двери оставил впечатление броска через водопад. Если я что-то понимаю в смотрительницах, неприятности начнутся еще до начала – за то, что с меня натечет на кафельный пол.

Привратник провел меня в кабинет смотрительницы, где я представилась.

– Ах да, я получила ваше письмо, – сказала она. – Как я написала в ответе, очень сомневаюсь, что мы вам поможем. Позвольте дать вам полотенце, и вы немного обсушитесь. Вот, давайте я возьму ваше пальто. Уверена, я найду для вас шлепанцы, пока ваши туфли просохнут.

Ее доброта оказалась неожиданной. Я сидела у огня и сушила волосы. Женщина настояла на том, чтобы принести чай, вареное яйцо и солдатиков из хлеба со сливочным маслом, словно я была ребенком, который пришел в слезах из школы и нуждается в особой заботе.

Пока я ела, она рассказала мне всего о двух мужчинах, которые оставались неопознанными. Один полностью потерял память, и его поместили у супругов-фермеров в миле или около того отсюда. Его описание – коренастый и плотный – не соответствовало внешности Джеральда. У другого мужчины был поврежден мозг, и говорить он не мог.

– Я отведу вас к нему, когда вы будете готовы, – сказала она.

Смотрительница выбрала верный момент, чтобы сообщить мне о мужчине с повреждением мозга, – когда я уже съела яйцо и хлеб и выпила чай. В противном случае мой аппетит улетучился бы через дымоход.

Мы молча прошли по бесконечному коридору и свернули в другой, покороче.

– Сегодня он вставал с постели, делал упражнения с физиотерапевтом.

Если он спит, мы не станем его тревожить.

Она открыла дверь в отдельную палату. Мужчина лежал неподвижно. Голова его была выбрита с одной стороны, глаза закрыты. Благодаря шлепанцам на мягкой подошве я беззвучно подошла к кровати и посмотрела на него. Я поняла, почему смотрительница привела меня к нему. У него были темные волосы и брови. Лицо его когда-то было красивым. Но это был не Джеральд. Я покачала головой.

Мы покинули палату. Но это мог быть он, сказала я себе. Я правильно делаю, что продолжаю искать.

– Почему у него выбрита голова?

– Ему сделали операцию, чтобы облегчить давление на мозг. Есть надежда, что может произойти улучшение.

– Он находился здесь... все это время?

Она кивнула.

– Знаете, здесь есть другой раненый, с которым вы можете поговорить. Он не тот человек, которого вы ищете, но он воевал в том же самом районе, в том же полку. Он здесь из-за инфекции, которая гнездится в его ноге. Она ампутирована по колено. И он слепой. Его семья слишком далеко, чтобы навещать, и я уверена, он будет рад новому голосу. У него даже есть книга, которую он всегда заставляет сестер читать ему.

– Какая книга?

– «Старая линия фронта» Джона Мейсфилда. Можно подумать, они скучают по войне.

Смотрительница думает, что он что-то знает о Джеральде, сказала я себе. Но не хочет меня обнадеживать.

– Как его зовут?

– Уолтер Бейкер. Приятный парень.

Его кровать стояла в дальнем конце палаты, под высоким арочным окном. Смотрительница принесла мне стул и представила меня.

– Миссис Шеклтон приехала в надежде узнать что-нибудь о своем муже, но я убедила ее поболтать с вами полчаса. Хотя вы этого и не заслуживаете.

Он усмехнулся:

– Я ваш звездный пациент, хотите сказать. Желаете мной похвастаться.

Дружеское подтрунивание призвано было скрыть тот факт, что они уже обо мне говорили. Уолтер Бейкер протянул в мою сторону руку. Я взяла его за руку, стараясь унять нервную дрожь при мысли, что у него могут иметься для меня какие-то новости. Это было смешно спустя столько времени. Пять лет после окончания войны.

– Ну, тогда я вас оставляю, – проговорила смотрительница.

Уолтер выпустил мою руку, и я села. «Старая линия фронта» лежала на его тумбочке, страница заложена почтовой открыткой.

– Меня зовут Кейт, – сказала я, не желая тратить час на чтение вслух и откладывать момент, когда, возможно, что-то узнается. – Мой муж Джеральд служил в вашем полку. Он был полковым врачом. Я получила стандартную телеграмму, но так и не смогла найти никого, кто рассказал бы мне о его последних минутах. И я считаю, что именно поэтому смотрительница привела меня к вам.

– Да. Она говорила мне. Капитан Шеклтон, наш офицер медицинской службы. Думаю, я его видел, дважды.

– Вы думаете?

– Ну да. Я его видел. Он... фотографировал.

– Да.

– Поэтому я его и запомнил, врач с камерой. Я видел его два раза.

Если Уолтер будет повторяться, это может затянуться надолго. Мне хотелось попросить его перейти к сути дела. Видел ли он его в конце? Видел ли, как Джеральд умирает? Но я не могла задать эти вопросы. Я ждала.

– Да, я видел его дважды. Один раз в Альбере, там, где собор с Падающей Девой.

Уолтер замолчал. Возможно, он немного не в себе, и я вынуждена буду сидеть и слушать его путанные речи.

– Не думайте, что я сошел с ума, – произнес он, словно прочитав мои мысли. – Местный священник построил эту церковь для привлечения паломников. А я сказал про позолоченную статую – Дева Мария с Младенцем. Она прикреплена к шпилью металлическим стержнем. Но бомба погнула стержень, и статуя наклонилась, практически горизонтально. Выглядело это так, будто она в любой момент полетит вниз. Люди маршировали под ней, отправляясь на фронт, надеясь, что она на них не свалится. Вот тогда я и увидел его в первый раз.

Его голос снизился до шепота. Неужели он сейчас скажет, что Джеральда убила падающая статуя Девы Марии? Я едва не рассмеялась. Джеральд был неверующим и в особенности не верил в Алую Женщину, как он называл католическую церковь.

– Он ставил треногу, майским днем... но не таким, как этот майский день. Тот был ясный, солнечный. Была весна. Я не думал, что получится хороший снимок. Статуя находилась слишком высоко. Я маршировал среди тех, кто шел на восток, на Фрикур. Мы шли очень ровным строем, кроме

того места, где огибали человека с треногой, чтобы его не сбить. Вот, боюсь, и всё. Но это был первый раз. Я прошел в строю мимо вашего мужа.

– Это был Джеральд, – тихо произнесла я. – Теперь я вспомнила. Он писал мне, как делал эту фотографию. Он сказал, что она вышла лучше, чем он надеялся. Как Джеральд умудрялся по-прежнему проявлять и печатать на фронте?

Уолтер засмеялся:

– Ему же нужно было перевозить медикаменты и оборудование. Вот так он это и делал. Что значит пара лишних бутылочек с химикалиями или пара кюветок, когда разворачиваешь полевой госпиталь или пункт оказания первой помощи?

Дождь забарабанил в оконное стекло.

– На улице холодно? – спросил Уолтер.

– Да. И я насквозь промокла по пути сюда.

По палате медленно двигался мужчина на костылях.

– Вы сказали, что видели Джеральда второй раз.

– Да. Он разворачивал пункт оказания первой помощи. Там поблизости была каменоломня, где он и хранил свои припасы. Но он приходил и на передовую, с кем-то из врачей и парой солдат. Там дальше был парень, которому требовалась помощь.

Уолтер снова замолчал, и я догадалась, что он вспоминает того парня, которому требовалась помощь, или какого-то другого, или снова мысленно видит тот день.

– Мы слышали необычное птичье пение. Всегда найдутся сельские жители или любители птиц, которые знают все птичьи трели и сами могут их насвистеть. Но ту птицу никто не знал.

Было раннее утро, и я увидел офицера медицинской службы – капитана Шеклтона, – который шел на «ничейную землю» со своей камерой и лестницей. Кто-то рассказал ему об этой необычной птице. Вы не поверите, сержант нес за ним треногу. Безумие. Мы были у немцев как на ладони. Они могли застрелить эту пару в любой момент. Но было скучно. Скучно, скучно, скучно. Тоска просто изнуряла. Часами ничего не происходило, а иногда и днями. Немцы, наверное, заинтересовались, наблюдая, что затеял этот ненормальный англичанин.

Эта пара шла на птичью песню. Я смотрел, как капитан Шеклтон устанавливает треногу и камеру. «Она улетит», – думал я. Никакая птица не станет сидеть и ждать, пока на нее наведут камеру. И какой-нибудь немец даст выстрел наугад.

Мы все смотрели. И все молчали.

Сержант забрался по лестнице, отвел ветку, и офицер медслужбы щелкнул затвором камеры.

Затем они пошли назад. Если бы кто-то из начальства их увидел, обоих бы взяли под арест, но начальство так близко не приходило. Он выглядел очень довольным собой, капитан Шеклтон. Я спросил его, что это за птица. А он улыбнулся и сказал, что это иволга.

Очень долго мы оба молчали. Из-за слепоты Уолтер не мог видеть моих слез. Поверх покрывала он протянул свою руку к моей.

На полке в гостиной стоял комплект детской энциклопедии, принадлежавшей Джеральду. Или нужно смотреть в одном из ежегодников по естественной истории? Где-то в доме имелась картинка с изображением иволги. Я хотела узнать, как она выглядит.

Я перелистывала страницы, когда услышала шаги на улице и узнала походку Маркуса. Он шел, чтобы повезти меня на ужин. Завтра он возвращается в Лондон, и поэтому я была уверена, что его Большой вопрос прозвучит этим вечером, в ресторане или, возможно, потом, когда он привезет меня домой.

Жена полицейского. Мама, много лет назад, в Уэйкфилде, отнесшая заключенной «лапсанг сушонг» и бисквитный торт. Миссис Шарп, сидящая с Мэри Джейн или с детьми в коттедже на ферме. Разумеется, жену старшего инспектора не побеспокоят ради этого. Она будет ждать дома и, понятное дело, не станет вести никаких собственных расследований.

В дверь позвонили.

– Он здесь! – позвала миссис Сагден.

Но я нашла картинку, которую искала. Иволга, острый глаз, внушительный клюв, блестящая. «У самца ярко-желтое туловище и черные крылья; желтое оперение самки бледнее. Эту птицу трудно увидеть, она сидит высоко в кроне дерева. Скрытная птица».

Интересно, слышал ли Джеральд песню иволги.

Благодарность

За помощь в изучении карьерных работ спасибо Кевину Моуну, Мику Холстеду, Джейсону Ли, Алистару Митчеллу, Крэгу Морреллу, Иену Пикерсгиллу и Джону Миддлтону Уокеру.

Чарли Холмс любезно поделился своим опытом фермерства в Йоркшир-Дейлсе.

Доктор Барри Стрикленд-Ходж, старший лектор по фармацевтике и руководитель отделения медицинского менеджмента Университета Лидса, поделился со мной своими знаниями.

Джон Годчайлд провел меня по своей пещере Аладдина: великолепному архиву истории Уэйкфилда. Стивен Дауд и персонал библиотек в Лидсе и Уэйкфилде очень мне помогли.

Спасибо Эмме Бесвезерик, Люси Айк и всем в «Пьяткусе», а также моему агенту Джудит Мердок.

Также спасибо Анне Клиффорд, Сильвии Джилл, Кристине Лоу-Грин, Ральфу Линдли, Пэт Макнейл, Ванессе Розенталь и Питеру Уокеру.

Деревня Грейт-Эпплвик вымышленная, но это вы и так, конечно, поняли.

notes

Примечания

1

Миссал – богослужбная книга католической церкви, содержащая тексты молитв, читаемых во время мессы.

2

Небольшого размера британский хлеб быстрого приготовления.

3

Игра слов: одно из значений слова right – «подходящий».

Гай Фокс – наиболее активный участник «Порохового заговора» (1605) – неудачной попытки группы английских католиков взорвать здание парламента во время выступления там короля-протестанта Якова I; чучело Гая Фокса сжигается 5 ноября – в годовщину раскрытия заговора.